

Прерванная юность

Посвящается светлой памяти защитникам родины, участникам второй мировой войны, моим родителям, тетям, племяннице и односельчанам поселка Охват Тверской области. Автор.

Глава 1

Восьмилетнему Ивану было мало дела до того, что после пятнадцатого съезда ВКП (б) началось свертывание нэпа и наступление на капиталистические элементы города и деревни. Поэтому молодой капиталист безмятежно играл оловянными солдатиками дореволюционной царской армии в зале на толстенном ковре.

За большим обеденным столом под хрустальной люстрой сидел отец мальчика Андреев Максим Селифанович и «держал» речь.

Мать, Анна Васильевна, которая едва касалась, казалось, высокого резного стула красного дерева, внимательно слушала мужа, стараясь не расплакаться.

Дедушка Селифан Прохорович и бабушка Фаина Андреевна сидели рядом со снохой и подавленно молчали.

По другую сторону расположились: старшая дочь Максима Селифановича Анна – двадцати трех лет и ее муж Иосиф, дочь Феня – восемнадцати лет, пятнадцатилетняя Полина, Настя – двенадцати лет.

Шел 1928 год. Семья Андреевых с дореволюционных времен владела на шестнадцатой линии Васильевского острова Ленинграда трактиром в полуподвальном помещении, небольшой гостиницей и жилыми комнатами над ним.

Заведения приносили хороший доход, что давало возможность безбедно существовать большой семье. Красные власти снисходительно смотрели на мелкобуржуазное сословие, дожидаясь часа, когда появится возможность прихлопнуть, как надоедливую муху, плод новой экономической политики, чтобы повсюду восторжествовала социалистическая собственность и плано-распределительный механизм управления ею.

Прежний курс государства поддержания мелкого частного предпринимательства «вдруг» резко обвинили в правом уклонении от генеральной линии партии большевиков.

Поэтому, видимо, государство увеличило ставку прогрессивного налога на доход от капиталистической собственности, что привело к свертыванию небольших заведений и фирм. Владельцев беспокоило также нагнетание в стране рабочих и крестьян враждебности к «сосущим кровь трудового люда» капиталистическим элементам города и деревни. Поэтому настало время подумать о целесообразности вести дальше гостиничное хозяйство семье Андреевых.

– Я полагаю, что это не последнее повышение налога. Следующий раз придет скоро, он не за горами, поверьте мне, и хозяйство станет настолько убыточным, что нас утянет на дно, разденет и разует, – Максим Селифанович посмотрел на отца с матерью, затем на детей.

– Что ты собираешься предпринять? – прервал молчание Селифан, приглаживая окладистую рыжую бороду.

– Сохранить, что заработали, не распылать капитал на поддержание нерентабельного заведения, закрыть его.

– Продать? – охнула Фаина Андреевна, прижимая руки к груди. Ее доброе полное лицо жалостливо сморщилось, а серые живые глаза наоборот, так широко распахнулись, что в них можно отчетливо наблюдать отражение горящих лампочек светильника Бра на межоконном простенке.

– Кто же купит убыточное хозяйство! Посмотрите, что творится вокруг. Рестораны спешно закрываются, магазины убыточно распродают, пошивочные мастерские заброшены и давно не обслуживают клиентов. Хозяева заведений разбегаются в панике,

кто куда! – Максим махнул обреченно рукой и продолжил. – Трактир и гостиницу отдадим в руки городского совета, а пятикомнатную квартиру переформируем на Анну с Иосифом. Они здесь останутся, Иосиф – инженер на заводе, ему ничто не грозит.

– Как же вы? – Анна схватила мужа за руку и посмотрела на родителей. Куда?

– Не беспокойся, Нюра. – Максим всегда так называл дочь-первенца Анну. – Я знал, что когда-нибудь нас вынудят закрыть заведение, поэтому готовился заранее к этому дню. В Старую Руссу поедем. Там Петр Селифанович присмотрел нам большой дом, будем рядом с ним жить.

Ломовые извозчики охотно согласились доставить мебель семье в Старую Руссу. Им предстоял путь в триста верст. Максим Селифанович решил сам сопровождать груз, а женщин и стариков отправить поездом. Они уже к вечеру доберутся до Старой Руссы, где их встретит его старший брат. Максим поддался на уговоры маленького Ивана и, не смотря на протесты жены, взял его с собой.

– За неделю управимся, пускай мир посмотрит, привыкает к тяготам дороги! – заключил суровый Максим Селифанович, досадливо нахмутив карие глаза.

День выхода каравана в дорогу выдался пригожим. Солнце светило с утра на безоблачном небе. Иван, как король, восседал на первой телеге в маленьком кресле, прикрепленном к спинке дивана, на котором ему предстояло спать во время пути. Мальчик торжественно поглядывал на провожающих родственников, стоящих поодаль. Анна Максимовна плакала, обняв за плечи высокую Феню, которая тоже оставалась в Ленинграде. Ее решили пока не срывать с места, чтобы смогла продолжить учебу в медицинском институте. Муж Анны, инженер Иосиф Купрейчик, ничего не имел против такого решения.

– Бог даст, избежим подселения, – надеялся он.

В городе всех, кто имел излишки жилой площади, «уплотняли». Насильно заселяли на «лишних метрах» пролетариат, который не имел жилья или ютился в полуподвальных помещениях. Так в городе образовались коммунальные квартиры, в которых стали проживать несколько семей.

Новый дом в Старой Руссе понравился Ивану. Ему было, где прятаться в многочисленных комнатах и играть во дворе. Там стояли качели и деревянный пароход, оббитый пронируемыми выюнами и другими ползучими растениями. Мальчик, стоя на палубе за штурвалом корабля, часами «ходил» по морям и океанам, «боролся» с ураганом. Его с трудом загоняли домой, чтобы накормить или уложить спать. Домочадцы души не чаяли в кареглазом мальчугане, единственном подрастающем мужчине среди девичьего царства. Его любили и баловали сестры, мать и бабушка.

Максим пытался бороться с бабьим «произволом»:

– Вы сделаете из него эгоиста! Не кружите вокруг Ивана, как курицы-наседки, выискивающие зерна цыплятам, пускай сам одевается, заставляйте больше работать. Он должен мужчиной вырасти, а не маменькиным сыночком.

Но толку не было, Ивану не давали даже чихнуть, заранее пичкали лекарствами, а стоило ему заикнуться, что голоден или хочет пить, тотчас потчевали пирожками, наливали чай с вареньем.

Так в довольстве и сытости рос Иван, и ему исполнилось восемнадцать лет. Теперь уже не Ванька, а Иван Максимович бегал с друзьями на танцы и покуривал сигареты. Юноша немаленьким ростом выделялся в любой толпе, как дозорная каланча. Он виртуозно играл на балалайке и гитаре, был незаменим на вечеринках, балагурил и весело смеялся. Девушки сохли по нему, но он, казалось, не замечал их печалей, каждый раз танцевал и заигрывал без разбора с другими. Парни тех девчат обещали «намять ему холку». Они бы выполнили угрозу и ходить бы парню битому, но Ивану пришло время, отправляться на службу в армию. И он в сопровождение родни прибыл на сборный пункт.

Анна Максимовна с восьмилетним сыном Олегом и Феня – Феодора Максимовна – с шестилетней дочерью Полиной приехали из Ленинграда проводить любимого брата. Феня

в 1933 году вышла замуж за Степана, который работал на заводе, где служил муж Анны. Степан Васильевич жил в общежитие, поэтому предприимчивый Иосиф разменял одну большую квартиру, доставшуюся им от Максима Селифановича, на две поменьше. Он с Анной поселился на Петроградской стороне, а Феодора со Степаном переехали на восьмую линию Васильевского острова. Они избежали уплотнения, сохранив собственное отдельное жилье.

Песни, музыка, слезы и смех сопровождали новобранца до теплушки на железнодорожной станции, и будущий воин покатило прочь от дома, сытости, вечеринок и девушек.

Глава 2

Анна Максимовна смахнула рукой навернувшуюся слезу, помахала рукой удалявшемуся поезду и повернулась к отцу:

– Вот и Ваня вырос, в армию пошел, а давно ли ребенком носился по двору. Кто же ему будет теперь завтраки подавать? Время струится тихонько песочком сквозь пальцы, молодежь взрослеет, мы старимся. Так не заметим, как жизнь пробежит.

– Да, младший сын стал мужчиной, а тебе, Аннушка, рано причислять себя в старухи. Бога не гневи, ведь, тридцать три года стукнуло всего-то, жизнь впереди. Все есть у тебя: муж, сын, здоровье. Сама, смотри, какая красавица стала – высокая, статная, лицом чистая, как родниковая водица. Так, что не жалуйся на судьбу! А от службы нашему Ивану не будет вреда, только польза.

– Я и не плачу, папочка. У меня все в порядке, как и у нашей Фенечки. Теперь живи и радуйся, лишь бы не было войны, а то смутное предчувствие какое-то на душе, – оправдывалась обычно насмешливая дочь, хотя все заметили, как вспыхнуло румянцем ее щеки от похвалы всегда сурового и скупого на похвалу отца.

– Ть-фу, ты! – выругался Максим Селифанович. – Как старуха причитает. Какая война? То, что происходит в Испании, нас не коснется, я читал в газете.

Максим был грамотный, любил читать газету «Правда», которая сдержанно комментировала о поддержке фашистской Германией Франкистского режима в 1939 году.

– Дай-то Бог!

– И запомни, Анна, если случится беда. Мой дом примет всегда детей и внуков.

На следующий день Анна Максимовна с сыном вернулась в Ленинград из Старой Русы, куда приезжала на проводы в армию младшего брата Ивана.

Весна была в разгаре. Снег растаял, и только кое-где виднелись небольшие снежные потемневшие от пыли бугорки.

Анна Максимовна с сыном поднимались по гулким лестничным ступенькам на четвертый этаж. Она не стала открывать дверь своим ключом, чтобы не ставить мужа в неловкое положение.

Анна, когда уезжала, оставила на хозяйстве свою подругу Марию. Анна Максимовна всегда заботилась, чтобы Иосиф ни в чем не нуждался в ее отсутствии – уж очень любила мужа.

Дверь открыла Мария. Иосиф был еще на работе.

– Ты же говорила, что задержишься на неделю, а побыла всего-то пару дней. Я не ждала тебя сегодня, – белокурая и высокая подруга Анны прикрыла рукой большие груди, выпирающие из разреза халатика, и поздоровалась с мальчиком, когда они вошли в квартиру. – Привет, черноглазый! Понравилось гостить у дедушки?

– Угу, – буркнул Олег. – Только пробыли мало.

– Хватит с тебя, в другой раз надолго задержимся, – Анна Максимовна придирчиво осматривала прихожую – все ли в доме хорошо. Она так любила чистоту и порядок, что у нее портилось всегда настроение, если видела брошенную вещь или пятно на мебели.

Но придраться было не к чему, и Анна поставила на керосинку чайник, чтобы согреть воду для чая.

Мария сразу собрала свои вещи и попрощалась:

– Ну, принимай хозяйство и мужа в целостности и сохранности, а я пошла домой, загостились у тебя.

– Спасибо тебе! – не стала ее задерживать Анна Максимовна. – Приезжай к нам на дачу, когда поспеет редиска.

– Приеду! – крикнула уже за дверью она. Между двумя молодыми женщинами было все негласно определено. Мария всегда желанный гость в доме, но ничего лишнего не позволяла, когда Анна рядом с мужем. Но когда та уезжала на дачу или к родителям, Мария оставалась за нее хозяйкой в доме. Анна Максимовна отлично понимала, что пухленькая красавица не оставит равнодушным любого мужчину, на это и рассчитывала. Пускай муж гуляет со знакомой женщиной, чем бежит куда попало. Она не ревновала подругу, лишь бы Иосифу было хорошо. Такая уж у Анны Максимовны зародилась любовь к своему мужчине. Можно сказать, создала своим руками шведскую семью. А, что же Иосиф? Вопрос напрашивается сам по себе. Ответ: а ничего! Он принимал все, как должное: всегда ухожен, накормлен, обстиран и ни одного дня без женской ласки. Иосиф любил свою темноволосую Аннушку, сына. Что говорил в их отсутствие неотразимой блондинке Марии, что чувствовал, любил ли ее тоже, навсегда останется тайной.

Глава 3

Когда горе переполнило неокрепшую душу Павла так, что, казалось, вот-вот выплеснется отчаянным криком наружу, подросток забежал на сеновал и повалился на колкое прошлогоднее сено, зарывшись в него лицом. Он долго и горько плакал в пахучую траву, не понимая, за что судьба так жестоко обошлась с ним, отняв маму. Его рассудок до умопомрачения не хотел мириться с такой несправедливостью, и пятнадцатилетнему парню показалось, что все – неправда. Павлу стоит выйти из сарая, и он увидит на подворье мать, которая ласково потреплет на голове сына светлые кудряшки, любовно заглянет в голубые глаза и заспешит по делам.

– Павлуша, сынок! – он услышал голос матери. – Принеси воды в дом.

Мальчик стремительно и радостно вскочил на ноги, скатился с сеновала и выскочил из сарая на улицу, залитую солнечным светом и пригретую майским солнцем. Возле ограды палисадника, за которым виднелись нежные ростки цветов, заботливо посаженные мамой, буднично бродили куры, над крышей дома деловито носились ласточки. Конечно же в такую погоду в их дом не могло вселиться горе.

Отец Павла, Семен, стругал возле амбара фуганком длинные тесины, и яркий приветливый дневной свет снова померк в потемневших глазах, когда мальчик понял: для чего готовятся доски. Невысокого роста мужчина взглянул на сына, и Павел уловил, как тяжело отцу – столько скорби и отчаяния отразились в его глазах, что перехватило дыхание.

Подросток тяжело вздохнул и принялся помогать отцу.

– Послышалось, вроде мамка звала, – безразлично, но с затаенной надеждой сказал он.

Семен внимательно посмотрел на сына и нахмурился, жалея мальчика:

– Не мать это зовет. Душа твоя кричит, кукожится. Ты бы поберег себя, сын, поменьше думал о горе. Мать уже не вернешь, а так переживая, заболеешь еще.

В день похорон возле тесового гроба, кроме отца и Павла, скорбно стояли с поникшими головами сестры и братья мальчика: Вера, Анна, Василий, Александр, Иван.

Все проклинали болезнь, которая лишила их матери. На исходе весны, когда пришло тепло, природа радовалась, оживившись после холодов, мама получила воспаление легких и зачахла за короткое время, оставив большую семью без женских заботливых рук.

Отпевание прошло недалеко от их деревни Алексино в Луговской церкви, затем усопшую понесли на руках на церковный погост. Когда опускали гроб в могилу, дети

заплакали под приглушенные звуки, доносящиеся из рупора радио на крыше сельского совета деревни Луги, передавали речь Сталина на съезде стахановцев.

Отрывок из нее навсегда засел в памяти юноши:

– Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится...

После смерти жены отец Павла, Семен, кроме шестерых детей, унаследовал большое единоличное хозяйство: две коровы, две лошади, поросята, куры, утки.

Кряжистый и жилистый мужчина обладал недюжинной силой, но он загрустил, оглядывая новый дом и подворье, поставленные на собственной земле родной деревни Алексино ровно год назад:

– Ах, Наталья, Наталья, как же ты не убереглась, напилась, разгоряченная, молока с ледника. Что буду я делать один с детьми и хозяйством?

Но унывать было недосуг. Земля требовала ухода, скотина – заботы, и Семен ушел с головой в работу, а Павел стал во всем помогать ему. Разговора об учебе в техникуме больше не заводил, понимая, что отцу не справиться одному, прокормить такую ораву. Юноша остался старшим из детей в доме. Сводная сестра Вера от первого брака Наталии третий год была замужем, жила отдельно.

Шел 1935 год, страна напряженно выполняла задачи, поставленные партией на вторую пятилетку. Для поддержки роста сельскохозяйственного производства повсюду развернулось вовлечение единоличников в колхозы.

Местные власти «добрались» до отца Павла и «прижали» к стенке так, что Семен через год сдался и отдал всю животину в колхоз. Но сам не захотел трудиться коллективно, продал дом и подался с семьей в Новгород, рассчитывая на собственные силы и плотницкий навык.

Два года семья мыкалась в бараке, жили заработком Семена, который не найдя работы плотником, вынужден был податься на лесозаготовки. Отец Павла понял, что совершил ошибку, лишив детей дома и приусадебного участка, который позволил бы худо, бедно, а пропитаться его дарами.

Делать было нечего, и Семен пытался содержать детей на нелегкие деньги лесоруба. Павел полностью занимался домашним хозяйством, присматривал за младшими братьями и сестренкой.

Но в тридцать девятом году отец отчаялся прокормить большую семью и написал дочери Вере, просил совета, как быть. Он задумал Анну, Александра, Василия и Ивана отдать в приют.

– Пускай их государство вскормит, лучше, чем будут ходить по городу полуголодными и полураздетыми. Нет сил, смотреть, как страдают мои дети, – пожаловался он приемной дочери, когда она после его письма приехала в Новгород, навестить их.

– Незачем было лететь с родных мест на чужбину, как-нибудь прокормились бы сообща. Что в колхозе заработал бы, что собрал бы с земли, и я совала бы иногда каравай, другой хлеба. А так, что? Назад вернешься, то в колхоз, пожалуй, возьмут, а жить где? У меня с мужем небольшая изба, места вам нет.

Как ни прикидывал Семен сохранить семью, а решил отдать мальчиков в детский дом. Маленькую Нюру Вера пожалела, решительно заявив:

– К себе возьму нянькой, прокормится с нами девчонка. И ей – хорошо, и мне зачтется на том свете!

– Я помогать стану, чем смогу, храни тебя Господь! – прослезился Семен и, взглянув на закаменевшего лицом Павла, сказал ему:

– Со мной на работу пойдешь завтра. Нечего без дела бегать, вдвоем заработаем, поди, на гостинцы ребятам!

Глава 4

Иван Максимович просился на флот, не смотря на то, что служить там на два года больше, чем в пехоте.

Видимо, детский пароходик из досок, заботливо сооруженный кем-то во дворе, сыграл свою роль, и романтичный паренек влюбился в море.

– Больно длинным уродился, будешь, как бизань-мачта на палубе, – огорчили Ивана на комиссии. – Но безвыходных положений не бывает, товарищ призывник. Ты – грамотный, значит, наденешь морскую форму, но в дальнобойной береговой морской артиллерии.

– Есть! – улыбнулся смысленный парень и смирился с судьбой.

Как и обещали в военкомате, Ивана Максимовича определили в морскую артиллерию и отправили в Заполярье. Почему за Полярный круг? Думается, что классовое прошлое папеньки сыграло роль, поэтому его загнали подальше с глаз, чтобы не отсвечивал в центре социалистической страны.

Полуостров Рыбачий негостеприимно встретил молодого краснофлотца Андреева ледяным пронизывающим арктическим ветром. Казарма, или по-флотски экипаж, наоборот, приятным с дороги теплом и ярким электрическим светом в полярной ночи. Морской бушлат приятно обтянул покатые плечи, полные молодецкой силы. Тельняшка выглядывала в разрезе воротника, вызывая восторг юноши. Вот, если в такой форме показаться перед девушками в Старой Руссе, то, наверное, ни одна бы не устояла перед ним. Парень улыбнулся своему отражению в зеркале бытового кубрика.

– Что? Нравится форма? – заметил довольную усмешку в глазах Ивана сосед по койке Николай.

– Да! Пойду в увольнение, девчата шлепнутся в обморок.

– Не упадут! Не бойся!

– Почему?

– Потому что, кроме вечной мерзлоты и карликовой сосны, здесь не встретишь никого.

– А в Мурманске?

– Да, там лучше, чем здесь, куда ни глянь: доска, треска и тоска.

– Ничего, после службы наверстаю.

Вокруг полуострова хозяйничало Баренцева море. В непогоду оно остервенело кидалось на скалистые высокие берега, злые ветра насквозь продували артиллерийский дивизион на позициях, вырубленных в мерзлом грунте.

Полуостров Рыбачий – стратегический пункт Красной армии, откуда контролировался вход в Кольский, Мотовский и Печенгский заливы. Он стал непотопляемым линкором Заполярья и играл важную роль в защите города Мурманска.

Через год службы Ивана было не узнать. На голове, казалось, чудом держалась бескозырка, синий гюйс намеренно застиран до самого блеклого цвета, показывая, что не новичок, а флотские брюки с широчайшим клешем бойко «мели» скалистые тропы. Но выходить в парадной форме было некуда, и краснофлотцы «щеголяли» в гарнизоне в обычных робах: хлопчатобумажной рабочей форме и грубых башмаках с металлическими заклепками, «гавнодавами», как их называли в шутку.

И хотя Иван Максимович служил артиллеристом, считал себя моряком, потому что дивизион подчинялся командованию Северного флота. Юноша с удовольствием «сорил» морским жаргоном, а на внутренней стороне руки, между кистью и локтем, на коже красовалась его гордость, татуировка: штурвал, внутри которого на крутых волнах кренился линкольн с башенной артиллерийской установкой на носу. Три ствола дальнобойной артиллерийской пушки хищно уставились вдаль, на замысловатую надпись: Северный флот. Краснофлотцу будет, что показать друзьям, когда получит отпуск.

Глава 5

Весной 1941 года люди тихонько судачили о скорой войне. Анна Максимовна не хотела в этот раз ехать на дачу в Тайцы, где отдыхала с сыном с мая по позднюю осень каждый

год. Она умоляла мужа, чтобы разрешил остаться в городе, но Иосиф был неприступен, как скала:

– Не выдумывай, Анна, какая война, поезжай, а я буду навещать вас каждый месяц.

Анна Максимовна никогда не перечила мужу, но сейчас что-то ей подсказывало, пугало, что не нужно ехать из дома. И женщина в сердцах выпалила:

– Если из-за Марии стараешься, то я не буду мешать, если останусь дома.

Она сказала и испугалась слову, вылетевшему юрким воробьем из ревнивых уст.

Иосиф на секунду окаменел, переваривая упрек жены, но затем решительно махнул рукой:

– Все! Прекрати, машина ждет, поторапливайся.

На даче работы хватало, и Анна в заботах по небольшому огороду почти забыла размолвку с мужем. Она ждала, когда он приедет сюда, чтобы повиниться в нехорошем поступке, и все станет на свое место.

21 июня 1941 года Анна Максимовна заметила, что народ куда-то бежит. Все кричат что-то, дети плачут.

Анна выскочила из дома на улицу, схватила за руку незнакомую женщину.

– Война! – крикнула та и рванула дальше. Анна ахнула и, схватив сына, побежала на почту, звонить мужу. Там было не пробиться, люди штурмовали маленькое помещение, требуя телефонистку соединить с родными в городе.

Анна Максимовна безнадежно махнула рукой и направилась в магазин.

– Хлеба купим, – сказала она сыну. – Молока, если не разобрали.

Магазин был пуст, все продукты вмиг исчезли с прилавков.

Только на третий день удалось дозвониться до Иосифа.

– Что нам делать теперь, куда подаваться? – спросила со слезами Анна.

– Оставайтесь там! Немцев не допустят так далеко. В Ленинграде сейчас паника, люди бегут из города, нигде не пробиться, – голос мужа звучал убедительно, и женщина почти успокоилась.

– А, ты, как там один? – испуганно спросила она.

– Обо мне не думай. Я уйду в армию, согласно предписаниям, присланным на завод. Я же инженер-строитель, буду строить переправы. Но не волнуйся, я обязательно заеду к вам, попрощаться.

Прошел месяц. Через станцию Тайцы каждый день проходили беженцы, войска. Анна часто ходила туда, надеясь встретить мужа с поезда, но он не приезжал. Телефон в квартире не отвечал, и Анна Максимовна отчаялась, не знала, что предпринять. Сводки с фронта приходили неутешительные, немцы успешно наступали. Анна решила тоже отправиться на строительство оборонительных сооружений, как многие люди, но сначала позвонила домой.

На этот раз ответила Мария, которая сразу заревела в голос, услышав голос подруги:

– Иосиф ушел на войну. Он рвался к вам, но его не пустили, только просил передать, что после войны найдет вас, а вы не возвращались в город. Здесь стало страшно: люди бегут из Ленинграда, затемнение, налеты авиации. Он сказал, чтобы к Старой Русе пробирались, к своим.

Анна посмотрела на сына и подумала, глядя на сынишку:

– Там тоже сейчас война. Вон, сколько людей сбежало оттуда. Везде хорошо, где нас нет. Нет, уж останусь здесь, как-нибудь проживем вдвоем, пока война не закончится.

Бои в Тайцах начались 10 сентября, когда передовые отряды противника подошли вплотную к поселку со стороны Красного Села. Весь следующий день, 11 сентября, они продолжались в самом поселке и южнее его у деревни Кюрлово, куда были отведены отступившие от Пудости подразделения. Вместе с подошедшим подкреплением бойцы атаковали противника и заставили его отступить на исходные позиции. Бой с нарастающей силой продолжался до вечера.

Доты и дзоты на западной окраине Тайцев, смотревшие амбразурами на юг и юго-запад,

были обойдены противником с севера и оказались неспособными обстреливать его. Поэтому гарнизоны в конце суток получили приказ отходить к санаторию «Тайцы», расположенному юго-восточнее поселка, где всю ночь с 11 на 12 сентября сосредоточивались подразделения батальона.

Анна с сыном и толпой беженцев уходила в сторону Гатчины. Люди брели среди отступающих войск, но попали под сильный артиллерийский обстрел на выходе из поселка, и все вышли на территорию санатория «Тайцы».

Почти весь следующий день, 12 сентября, сводный батальон вел бой с пехотой и танками противника у санатория, не отступив ни на шаг с занятых позиций. Анну Максимовну с другими женщинами, у которых были на руках дети, отвели в здание санатория, в котором находился госпиталь. Беженки помогали кормить и перевязывать раненных солдат. Дети ходили между кроватями, поили водой бойцов.

Это были последние часы боев под Тайцами. Несколько танков противника прошло по дороге на восток, оставляя санаторий в тылу. Затем усилились артиллерийский и минометный обстрелы позиций, занятых советскими подразделениями. Здание санатория, в котором размещался полевой госпиталь, загорелось. Анна с сыном едва успела выбраться из полыхающего дома. Кругом рвались взрывы, слышалась стрельба, крики, стоны. Казалось, что даже земля горела, дрожала под ногами от боли. Анна Максимовна, охваченная паникой, крепко держала за руку побледневшего от страха сына и тянула его к ближайшему лесу.

Они выскочили на ржаное нескошенное поле, которое было буквально усеяно убегавшими красноармейцами, ополченцами, женщинами с детьми и стариками.

Тут и там уцелевшие командиры пытались остановить хаос и организовать бойцов для отпора наступающему врагу, но откуда-то бил немецкий снайпер, который перестрелял офицеров. Никто уже и так никого не слушал. Все неслись к лесу, надеясь на спасение в чащобе.

Анна падала, когда рядом взлетала от разрыва земля, прикрывала собой сына. Затем поднималась и вновь тянула Олега за собой. Мальчик не плакал и даже не вздрагивал от взрывов. Он, прикрыв голову рукой, бежал с мамой к лесу.

На краю поля какой-то комиссар построил шестерых солдат в одиночную колонну вплотную друг к другу и выстрелил из винтовки в затылок последнему. Четверо упали замертво, пятый забился в предсмертных судорогах, а шестой молодой и белобрысый солдат остался стоять на ногах, целый и невредимый. Он испуганно смотрел то на убитых товарищей, то на пробегающих мимо людей, то на ближайший лес. Парень беспомощно топтался на месте и не решался перевести взгляд затравленного зверька на комиссара, который передернул затвор винтовки и выстрелил в грудь парня. Тот снопом рухнул на землю. Комиссар выхватил из кобуры наган и с криком:

– За Родину, за Ленина и великого Сталина! – выстрелил себе в рот.

Глава 6

Павел не возражал против работы с отцом. Юноше исполнилось девятнадцать лет, силой Бог не обидел, как и лицом. Красив и строен был кудрявый светловолосый парень. Весь в покойную мать вышел телосложением и задумчивыми глазами. Девки пачками сохли по нему, но не подружился Павел ни с одной из них, а лишь постреливал в их сторону смущенными глазами и не подходил ближе одного метра, робел еще.

Парень не успел осмелеть, получив в июле 1940 года повестку на службу в Красную армию. Весело отгуляли отвальную, отвели под звуки гармошки Павла на сборный пункт, где парню остригли волосы и погрузили в теплушку, плотно набитую новобранцами. Смех, слезы, задорная гармонь, песни – все сплелось в единый клубок проводов. Парни были безмятежны и радостны, впереди служба на всем готовом в армии, никаких тебе забот. Прощай гражданка, здравствуй армия!

– Забудьте, чему вас учили дома, слушайте, что скажут отцы-командиры! – заявил на первом построении старшина. Новенькая красноармейская форма непривычно давила плечи Павла, сапоги казались огромными. Парень неловко топтался в строю, плохо соображая, что говорил старшина.

Вчера еще веселились в теплушке, а сегодня, одетые в гимнастерки, стояли в строю. Ночью их выгрузили на станции Левашово, быстро построили в колонну и пригнали в военный поселок Новоселки. Стрелковый полк семидесятой стрелковой дивизии, прибывший в эти края в тридцать седьмом году из Куйбышева, воевал против финской армии на линии Маннергейма.

– Давайте начнем сегодня, – сказал в ноябре 1939 года Сталин на совещание в Кремле. Мы лишь чуть повысим голос, и финнам останется только подчиниться. Если они станут упорствовать, мы произведем только один выстрел, и финны сразу поднимут руки и сдадутся.

Но война затянулась, и в Новоселках готовили новобранцев, которые после прохождения военной подготовки, пополняли не только воюющие части, но и подразделения ленинградского военного округа.

Местность, окружающая селение, ровная и только изредка холмистая, сухая и лесистая напоминала родные края Калининской области.

Павел, привычный к сельской работе, легко выполнял физические упражнения на плацу, с удовольствием совершал с ротой марш-броски через лес, любил стрелять из винтовки. Но больше всего юноше нравился пулемет Дегтярева, который уже десять лет находился на вооружение советской армии. Оружие успело себя зарекомендовать с хорошей стороны во время гражданской войны в Испании, Халхин-Голе.

– Что нравится машина? – спросил Павла командир роты, заметив, как парень поглаживал учебный пулемет на практических занятиях.

– Да.

– Тогда назначаю тебя пулеметчиком!

– Служу трудовому народу! – обрадовался молодой солдат.

– Эх! Жалко, что не опробую пулемет в деле, – сожалел Павел.

– Не горюй! На наш век хватит агрессоров, – сказал ему Петр Иванович, с которым он подружился в пулеметном подразделении, куда его направили после учебы. Мотопехотный полк, где предстояло служить Павлу Семеновичу, расположился на эстонской границе под городом Сланцы на восточном берегу реки Плюсса.

Река Плюсса

– Кто же? – Павел недоуменно посмотрел на кряжистую и приземистую фигуру мужиковатого друга.

– Германия, Павел Семенович! – серьезно ответил Петр, который не раз удивлял Павла начитанностью и острым умом. Он всегда прислушивался к мнению Петра Ивановича,

которого призвали в армию из поселка Пено Калининской области, считал его земляком. Деревня Алексино находилось в двадцати пяти километрах от поселка, где родился Петр.

– В этот раз, пожалуй, Петр не прав, у нас с немцами договор о ненападении. Да не посмеют они, – про себя не согласился Павел, который регулярно читал газету «Правда», но спорить с горячим другом не стал. Себе дороже!

В начале тысяча девятьсот сорок первого года Павла назначили командиром пулеметного подразделения, присвоив звание ефрейтора.

– На глазах растешь! Быть тебе генералом! – порадовался Петр, рассматривая красный просвет на воротнике шинели друга.

– Верно служу – ни о чем не тужу! – засмеялся Павел Семенович.

Служба не особенно обременяла смышленного Павла. Несение караула, учебные стрельбы, чистка оружия, политзанятия занимали почти весь день, оставалось лишь немного личного времени, чтобы написать письмо родным, а потом вечерняя гигиена и отбой. Солдат накормлен, одет, обут, что еще нужно, чтобы дожидаться отпуска и во всей красе появиться в родной деревне, пройтись вечером перед девчонками в форме ефрейтора.

Глава 7

Но неожиданно пришел приказ по армии: отменить отпуска, усилить боевую подготовку в частях. Запахло войной, и самые прозорливые солдаты ждали беды с Запада.

– В бой за Родину,

В бой за Сталина,

Боевая честь нам дорога!

Кони сытые,

Бьют копытами.

Встретим мы по-сталински врага! – ежедневно несло из репродуктора, вселяло воинским частям оптимизм и уверенность в силе своего оружия.

– Гремя огнем, сверкая блеском стали,

Пойдут машины в яростный поход,

Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин,

И Ворошилов в бой нас поведет!

Сообщение о начавшейся войне не встревожило воинов полка, где служил Павел Семенович. После известия о вероломном нападении немцев на Советский Союз все были уверены, что не пройдет и недели, и агрессора доблестные советские части загонят обратно в поганое логово, фашистскую Германию.

– Ты сам подумай, где – граница, а где – мы! Товарищ Сталин не допустит немцев так далеко! – горячо спорил Павел с Петром, который вспльхиво возражал:

– Забыл Финляндию? Тогда говорили, что стоит нашим войскам лишь показаться, и враг поднимет руки вверх. Больше года воевали, пока одолели финнов. А Германия будет посерьезнее, на ее армию уже половина Европы работает. Нет, думаю, до нас война тоже докатится, нужно готовиться.

– Ты бы тише кричал, не ровен час услышит замполит, загремим, куда Макар телят не гонял.

– Вот, то-то и оно, что сказать нечего, кроме, как тише да без паники. Лучше обменяемся адресами родных. Я погибну – напишешь моим, а, если ты первым ляжешь в землю, то сообщу твоим, мол, погиб Павел Семенович геройски, защищая Родину от врага.

– Так уж и геройски! Ладно, договорились, я вчера написал записку и в патрон вместо пороха затолкал, и пулей снова закрыл, чтобы ни вода, ни огонь не испортили бумагу. Кто найдет, может, сообщит куда надо, что красноармеец Лошаков погиб, а не пропал без вести.

– Золотая у тебя голова, Павел! Пожалуй, я так сделаю тоже. Случись, документы сгорят, а в патроне найдется имя солдата и адрес родителей. Все надежда, что не безвестно похоронят, если случится умереть за Родину и товарища Сталина.

Следующую неделю войска углубляли траншеи вдоль Плюссы и рыли дополнительные блиндажи и щели. Пришел приказ держать оборону вдоль реки, не пропускать врага на восточный берег. Война пока не коснулась этих мест, но немецкие бомбардировщики в сопровождении юрких мессеров пролетали над ними, направляясь к целям, восточнее плюсского рубежа.

– Дальняя авиация летит на Ленинград. Где наши ястребы? Почему позволяют свободно лететь врагу? – шептал Павел в небо, где нерушимым строем проплывали фашистские машины с хищными крестами на фюзеляжах. Но ответа не получал.

Вскоре военный городок подвергся первому нападению авиации. Павел и Петр отдыхали после ночного дозора в казарме. Вдруг здание содрогнулось, и они проснулись. Кругом слышались взрывы, пулеметные очереди, крики. Поспешно натянули одежду и выскочили на улицу. Везде царил кромешный ад. Тут и там земля взметалась черными фонтанами к небу, крыши домов рушились, летели камни, доски. Раздирающий душу рев самолетов заставлял втягивать голову и бежать прочь, неважно куда, лишь бы выскочить из-под огня, уйти от пулеметных струй, спастись.

Павел и Петр инстинктивно держались рядом, бежали, как загнанные зайцы-русаки, зигзагами между вздымающейся землей и свинцовых очередей. В воздухе огромными злобными птицами кружили самолеты. Они камнем падали на землю, выедавая надсадным ревом моторов мозг обезумевших мужчин, поливали бегущих пулями и взмывали вверх, разбрасывая позади себя шлепки от бомб.

И вдруг все стихло. Земля больше не дрожала и не взлетала вверх, не слышалось самолетного воя и выстрелов, утихли крики людей. Густой дым и едкая пыль перекрасили голубое небо в черную палитру смерти, плотно прикрыли солнце. Отчего, казалось, наступили сумерки перед концом света.

Павел лежал на исклоченной искалеченной земле и глядел вверх. Правая рука онемела, и он подумал, что нужно бы вытащить ее из-под себя, пока она окончательно не затекла. Он пошевелился и застонал от боли.

– Похоже, зацепило меня, – прошептал он. – Где же Петр?

Но друга рядом не оказалось. Возле лежащих людей суетились санитары и медсестры.

Санитарный поезд, мерно постукивая колесами на стыках, спешил на восток. Война, казалось, осталась где-то позади, и Павлу Семеновичу не хотелось думать, что в первой бомбежке он получил контузию и серьезное ранение осколком. Его клонило ко сну, и он пытался заснуть. Но мешала раненная рука, которая была забинтована, как кукла, и нестерпимо болела. Павел не находил места, куда ее пристроить, чтобы забыться сном. Он засыпал на мгновение, но снова просыпался от боли.

На всех полках лежали раненые. Между ними сновали медсестры, поправляли подушки, делали уколы и кормили бойцов. Слышались протяжные стоны тяжелораненых и неторопливые разговоры солдат, которые находились в сознании. Остро пало лекарствами и кровью. Кровь – символ войны. Она будет сопровождать Павла Семеновича долгие годы.

Павел переживал, что убило Петра, и он никогда больше не услышит прерывистую от волнения речь друга, с которым неразлучно провел последний год. Павел Семенович уцелел в первой бойне и ехал в тыл для лечения.

Их выгрузили в городе Березники Молотовской области. Небольшой город на левом берегу Камы раньше относился к пермской губернии и возник, благодаря солевому предприятию купца Любимова. Борис Пастернак назвал поселок завода «Любимов, Соле и К» маленькой промышленной Бельгией.

В годы войны в Березниках работал госпиталь, который принимал раненных воинов Красной армии. В город хлынул поток беженцев, и более тридцати тысяч человек эвакуировались сюда.

Уже через месяц нахождения в госпитале, Павел Семенович активно помогал по хозяйству: чинил мебель, красил, обновлял электрическую проводку.

– Ты – мастер, Павел, – не могли нахвалиться смышленным и рукодельным парнем медсестры и завхоз госпиталя. – Рана не тревожит?

– От скуки – на все руки! – отшучивался он. – Рука в порядке, зажило, как на собаке! Еще месяц понадобился, чтобы разработать поврежденную осколком от бомбы руку, чтобы она гнулась и обрела былую силу. И 18 октября 1941 года медицинская комиссия признала Павла Семеновича годным к строевой службе.

Глава 8

«В серебре деревья, как хрустальные,
Но тревожен зимний их убор.
И бегут, бегут дороги дальние
Средь полей в немереный простор».

Павел Семенович ехал в поезде и грустно смотрел на заснеженные поля, леса. Зима сорок первого года выдалась суровой. Свиные морозы сковали реки, потрескивали промерзшие дома, животные попрятались по норам. Люди тянулось к теплу, к покою под крышами хат, но война зло выпихивала их под открытое небо. Солдаты двигались на подмосковные оборонительные рубежи, становились в траншеи, закрывая грудью столицу от фашистов.

Павел Семенович получил назначение в 373 стрелковую дивизию, которая формировалась на Урале, как резерв Верховного Главнокомандующего. Затем ее придали 39 армии Калининского фронта. Павел стал командиром орудия 262 отдельной зенитной артиллерийской батареи. Времена были серьезные, грамотные бойцы наперечет. Приказ есть приказ, и ефрейтор Лошаков принял орудие.

Современная зенитная пушка 1939 года выпуска, которой командовал Павел Семенович, позволяла выпускать до двадцати снарядов в минуты, была серьезным препятствием для вражеских бомбардировщиков и пикирующих истребителей. В случае необходимости успешно использовалась против танков, прямой наводкой истребляла бронированные машины.

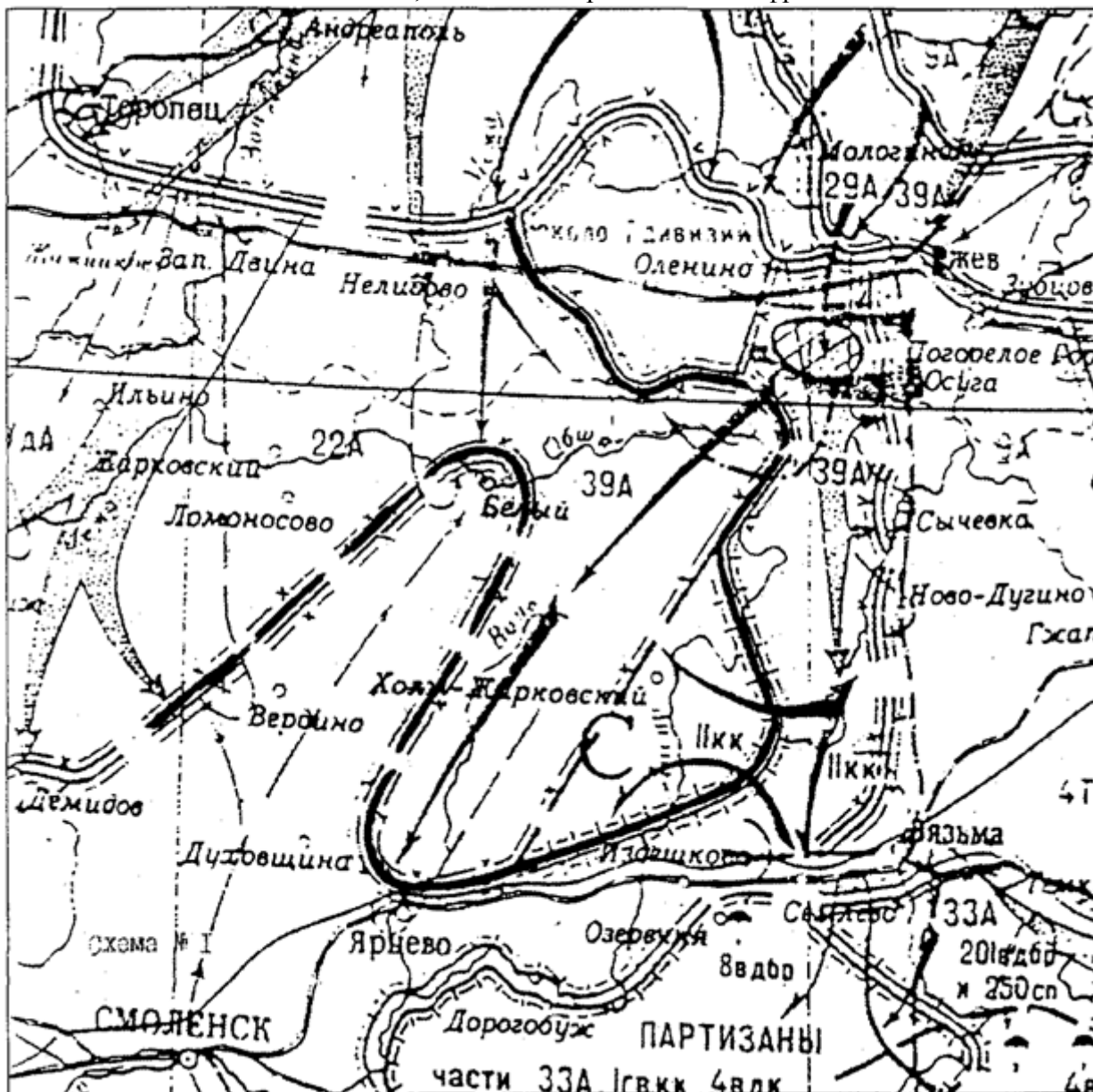
Восьмидесяти пяти миллиметровую пушку цепляли к грузовику-тягачу и перевозили вместе с расчетом с одной позиции на другую. Казалось, что проще: привел установку в походное положение, прицепил к тягачу и вперед. Не пешим строем артиллерист топал по земле, ехал на машине. Понятно любому, что лучше плохо ехать, чем хорошо идти. Но в июле 1942 года дороги представляли собой месиво из глины, песка и воды. Колеса тягача вязли по самый скат в ямах, полных вязкой жижи. Расчету пушки приходилось нелегко, они чуть ли не на руках вытаскивали из грязи, как пушку, так и машину.

– Кто интересно на ком сидит? – ворчали солдаты. – Мы на машине или она на наших шеях.

– Отставить разговоры! Навались! – командовал ефрейтор Лошаков, и солдатские мозолистые руки, с набухшими от напряжения венами, хватались за борт грузовика и выталкивали из очередной колдобины. Тяжел труд солдата, но еще тяжелее сознавать, что враг топчет родную землю, а ты отступаешь.

Бойцы артиллерийской батареи выполняли приказ, и километр за километром по бездорожью перетаскивали орудия к месту новой дислокации. Они пока не догадывались, что заползают по бездорожью в капкан.

Калининский фронт своим далеко выдвинутым на запад выступом к Холму буквально нависал над немецкими войсками, стоящими перед Западным фронтом.

Немцы вынуждены были держать против них, вдоль всего этого выступа, значительные силы.

– Если они их смогли бы высвободить, то, несомненно, использовали бы для создания группировки против Западного фронта. И это могло бы соблазнить их на новый удар по Москве – сказал И.С. Конев, и Г.К. Жуков согласился с таким мнением, решил не выравнять линии Северо-Западного и Калининского фронтов.

Итак, оборонительная операция войск 22, 39 и 41 армий (А), 11-го кавалерийского корпуса, 3-й воздушной армии Калининского фронта разворачивалась в июле 1942 года юго-западнее Ржева, между Сычевкой, Белым, Олено, в районе выступа в линии советско-германского фронта вокруг (условно) п. Холм-Жирковский. Образовался этот выступ в ходе Ржевско-Вяземской наступательной операции в январе-апреле 1942 года внутри большого выступа немецких войск в линии советско-германского фронта; своеобразный «мешок» внутри большого «мешка». На территории выступа оборонялись части 39-й армии и 11-го кавалерийского корпуса Калининского фронта, а также действовали смоленские и забрасываемые сюда калининские партизанские отряды. Через «коридор» между городами Нелидово и Белый, а также по воздуху эти части имели связь с фронтом, получали пополнение, боеприпасы.

Немцы вскоре разработают план «Зейдлиц» и перережут пути отхода советским частям, и порядка тридцати тысяч солдат и офицеров окажутся в плену.

Батарея, где служил Павел Семенович, прибыла под город Белый и установила пушки возле села Егорье на реке Обша, чтобы прикрыть огнем переправы. Кругом лежали огромные массивы густых лесов, болот, торфяников. Здесь было множество рек, речек, ручьев. По более или менее возвышенным местам проходили одиночные проселочные дороги, к которым лепились небольшие села и деревни.

Все для Павла было привычно и обыденно, ведь он родился на тверской земле, и до его деревни Алексино – «рукой подать». Отделение ефрейтора проводило учебные тревоги, отрабатывало слаженность расчета отражения воздушного нападения врага. Пока не подтянулись тылы, которые застряли, как водится на войне, в пути, солдаты ходили в соседнее село, где жители одаривали воинов продуктами. Воины сами не брали, кормились тем, что давали люди, которые не скупилась, и бойцам перепадало не только мясо с картошкой. Но и самогон, который заменил наркомовские сто грамм, которые ввели в армии в сентябре прошлого года для поднятия боевого духа бойцов.

Худшее началось рано утром 2 июля 1942 года. Немецкие войска начали наступление в самой узкой части «коридора», атаковав на «белыйском» направлении части. Советские войска вступили в ожесточенные бои. На ряде участков им удалось отбить атаки немецких войск с большими потерями для противника.

Немцы усилили свои группировки на этих направлениях, а 4 июля начали наступление и с востока – на сычевском направлении.

Наши войска, особенно на линиях главных ударов, в ходе жесточайших оборонительных боев несли отери, вынуждены были оставлять свои позиции и отходить. Тяжелое положение сложилось в дивизиях, которые потеряли до половины личного состава. Артиллерия расстреливала последние боеприпасы, и никто не знал, что делать дальше. Тылы отрезаны от воюющих войск, а площадки для сбрасывания боеприпасов и продовольствия для армии бомбила вражеская авиация, которая единолично властвовала в воздухе.

Пятого июля с вводом свежих танковых частей немецкие войска остервенело рвались с трех сторон. Со стороны Белого в северном направлении враги дошли до Нестерово, с востока прорвали фронт 256 стрелковой дивизии и подошли к Шиздерево.

Приказом штаба фронта армейские госпитали вывели севернее Нелидово, раненых солдат отправлять стало некуда и нечем.

Пятого же июля к шестнадцати часам в районе деревни Пушкарки соединились первая и вторая танковые дивизии врага, закрыв «коридор». 39-я А и 11-й кавалерийский корпус оказались в окружение, а также левый фланг 41 армии и правый 22 не избежали такой же участи.

Командование 39 армии принимает запоздалое не менее недели решение о выводе соединений из мешка. Армия и некоторые части конного корпуса отходят к реке Белой, затем к Обше, к переправам.

Батарея Павла Семеновича к этому времени потеряло два орудия от атак авиации, но не позволила воздушным асам врага уничтожить понтоны через реку.

Советские войска преследовались по пятам немецкими частями, досаждались авиацией. 373 стрелковая дивизия уходила методом «переката». Одни части «зарывались» на намеченных рубежах, другие отступали через них до определенных позиций, где закреплялись.

Все это время Павел командовал пушкой, отбивая назойливые атаки вражеских самолетов до последнего снаряда.

– Все! – сказал он, когда стрелять было нечем, а в тягач разбила фашистская бомба. – Взрываем орудие и отходим!

Немецкое командование снимает части с других участков фронта и бросает их на Егорье, рассекает обороняющиеся позиции советских войск и достигает Белого на дороге Белый –

Кострица. Образуется второе кольцо окружения, 39 армия разрывается на две части: северную и южную. Операция «Зейдлиц» успешно протекает, немцы стоят перед крупным успехом.

Павел Семенович с группой товарищей выбрался на проселочную дорогу. Она плотно заполнена большими и маленькими группами советских командиров и красноармейцев из разных частей дивизий, которые устремились к дороге Белый – Оленино. По всему участку севернее Белого через большак пытались прорваться разрозненные отряды окруженных советских воинов и отдельных красноармейцев. Везде царил хаос, не было связи с полками и штабом армии, повсюду вспыхивал бой. Регулярные части разделены расстоянием и «клиньями» прорвавшихся немцев.

Павлу Семеновичу стало ясно, что дивизия окружена врагом, и он с группой бойцов повернул туда, где не слышно выстрелов. Скоро перед ними предстала огромная поляна: болото с невысокими сосенками и мелким кустарником. Солдатам деваться было некуда, пошли по болоту, утопая по грудь в вязкой трясине, раздирая до крови руки и лица о колючий кустарник.

Неожиданно застучали автоматы. Бойцы затихли в трясине, чтобы не выдать себя.

Выстрелы постепенно унялись. К утру выбрались из болота и вошли в плотный лес: измученные, голодные, оборванные и промокшие до костей. Впереди виднелась дорога, воины подползли к ней. Павел Семенович увидел танки с черными крестами, автомашины с немецкими солдатами, которые двигались по шоссе.

Бойцы решили снова уйти в лес, где бродили такие же небольшие группы людей, уставшие, голодные и не знавшие истинного своего положения.

Немцы направили в лес спецгруппы из изменников Родины и своих людей, владеющих русским языком. В форме солдат и командиров советской армии они уничтожали командиров и комиссаров, способствовали распространению ложных слухов и пленению рядового состава.

Группа, куда входил Павел, наткнулась на остатки бойцов своей батареи во главе капитана Мелонишина, к которым присоединилась. Отряд, соблюдая меры предосторожности, двигался в сторону Нестерово.

В лесу наткнулись на медсанбат 373 дивизии. Их колонна машин, не доехав до Нестерово, через которое предполагалось вывезти раненных из сжимающегося кольца, была остановлена. Медсанбат подвергся обстрелу авиацией противника. От поселка Нестерово по ним, не смотря на красные кресты на бортах транспорта, стреляли немецкие автоматчики, только что занявшие населенный пункт. Некоторые автомашины загорелись, другие, сойдя с дороги, застряли в топи. Кричали тяжелораненые. Медицинские работники отстреливались и одновременно подбирали и выносили на себе раненных бойцов, изнемогающих от боли.

Капитан организовал выход не только бойцам своей зенитной батареи, работникам медсанбата с тяжелоранеными, но и объединил другие отдельные группы солдат и офицеров, бродивших людей. За группой прорыва, которую в основном составляли зенитчики, тяжелораненых несли специально выделенные для этого люди. Замыкала колонну группа прикрытия, куда входил ефрейтор Лошаков.

Прорыв прошел сравнительно удачно, но многие погибли от пулеметно-минометного огня. Павел Семенович с товарищами по прикрытию до последнего сдерживали врагов, не позволяя им нагнать уходивший отряд.

Большинство воинов заслона погибли. Остальные, когда закончились боеприпасы, попытались уйти той же дорогой, но были вынуждены бежать в лес. Путь, по которому капитан увел отряд, был уже отрезан автоматчиками врага.

Положение Павла и товарищей было отчаянное. Они брели по лесу и натыкались на таких же изможденных, заросших многодневной щетиной людей в порванных гимнастерках. Никто не знал, куда и зачем идут. Пустынные прежде дороги, наполненные повозками и автомашинами, представляли жуткое зрелище. Крупные воронки,

наполнялись до краев мутной водой, большак устилала разбитые повозки, сгоревшие автомашины, убитые лошади и трупы людей. Под откосом лежали исковерканные орудия, а из чащи леса неслись стоны раненых.

Павлу Семеновичу в память врезался надрывный голос:

– Санитар, санитар!

Это был голос обреченного, которому никто не мог помочь. Павел снова углубился в лес и сразу же попал под обстрел минометов. Минометный огонь стал настолько плотным, что люди отошли, как можно дальше вглубь. Солдаты питались, чем придется: запекали на огне куски мяса от убитых лошадей, ели траву и хвою. Они мучились животами, падали обессиленные на землю.

Командование немецких частей, участвующих в операции «Зейдлиц», по рассказам пленных, перебежчиков, по данным своей разведки имело полное представление о состоянии советских войск в северных и южных окруженных группах. Знало, что лес полон красноармейцев, которые хотели прорваться на северо-запад. После 9 июля на дорогу севернее Нестерова немцы перебрасывают дополнительные силы, укрепляют фронт вдоль дороги батареями. Им помогает авиация.

На всем участке обороны врага все еще перебежали дорогу отдельные красноармейцы или небольшие группы. Немцы, замечая их, прочесывали лес. Некоторые красноармейцы уходили на окраину болота и на границе растительности вставляли парами на одну плащ-палатку и другой накрывались. Фашисты не всегда их замечали, и бойцам удавалось перебраться потом к своим частям.

11 июля немцы узнали, что большая группа красноармейцев скопилась в районе Грядцев. На следующий день гитлеровцы назначили прочесывание и уже утром обнаружили лагерь до восьмидесяти человек. На предложение сдаться русские открыли огонь. Враг атаковал стоянку бойцов: сорок пять убитых и тридцать пять солдат с майором взяты в плен. Среди плененных 12 июля 1942 года оказался ефрейтор Лошаков Павел Семенович. Ему сначала удалось ускользнуть из-под обстрела лагеря в ближайший кустарник. Но Павел сразу же нарвался на группу немецких егерей, обходящих отстреливающихся на поляне красноармейцев. Один из них ударил его по голове прикладом, и Павел Семенович, как сноп, рухнул лицом в землю.

Когда он очнулся, то почувствовал запах прелой земли. Знакомый мирный запах прояснил его сознание и заставил приподнять голову. Он увидел перед собой добротные сапоги с короткими раструбами голенищ, из которых торчали запасные автоматные рожки. Павел собрался с силой и перевернулся на спину. Перед ним нагнулся здоровый немец в форме мышинового цвета и рогатой каске. Он ухмыльнулся и, направив автомат в лицо красноармейца, крикнул:

– Steh auf! Los!

Глава 9

По проселочной дороге, поднимая густое, пыльное облако, шло колхозное стадо. Между разношерстными буренками, низко опустив головы, брели овцы, мелькали телята. Животные норовили сойти с разбитой вдрызг дороги на обочину, где призывно зеленела сочная трава. Некоторые останавливались, воровато нагибали голову, чтобы схватить зелени. Но трое девчат, размахивая прутьями, сразу же пресекали попытки нарушить походный порядок.

– Что стали, а ну пошли! – звонкими голосами кричали они.

Впереди шел с кнутом на плече пожилой пастух Ефим, вел под уздцы лошадь, запряженную в телегу. Он временами прикладывал к губам дудку, сделанную из тростинки с ладно прилаженным берестяным раструбом на конце, и виртуозно играл привычную для животных мелодию, прижимая на инструменте небольшие дырочки

корявыми и желтыми от самосада пальцами. Звуки дудочки, казалось, успокаивали стадо, которое нервничало, не понимая, куда их гонят без остановки люди.

К ночи остановились на поле между большаком и лесом. По краю луга протекала речушка, каких множество в этих краях. Ручей нес торфяные воды из леса в направлении озера Селигер. Девчата поспешно доили коров прямо на землю. В траве пенилось молоко, насыщая дерн необычной влагой. После дойки животные разбрелись по лугу, жадно хватая некошеную траву, спешили до лежки набить брюхо.

Пастух запалил костер, а спутницы, собрав в округе сушняк, уселись возле огня. Утомительного дневной путь, казалось, никак не отразился на девушках, и они, переговариваясь между собой, то и дело «взрывались» хохотом.

– Вертихвостки! Едрыть твою в голенище, – незлобно усмехнулся Ефим. – Ничто их, холер, не берет.

– Девки! Что вы прыщете, как переспелая ягода соком? Не уж-то не умаялись за день? – спросил он, нарезая увесистые краюхи хлеба на ужин.

– Да вроде к вечеру притомилась, а посидела чуток, так усталость, как дорожная пыль, стряхнулась. Могу в ночь идти, – весело ответила синеглазая невысокая Елена.

– А что, дядя Ефим! Я тоже отдохнула, может, правда, дальше пойдем. Чем раньше сдадим коров, тем быстрее вернемся домой! – предложила черноглазая Варя, лукаво поглядывая на подруг.

– И мне нипочем! Хоть сейчас на вечеринку! – вскрикнула Евдокия.

– Тебе, Дуняшка, нипочем, а стаду нужен роздых да кормежка, понимать должна, а то, не дай Бог, падеж начнется. Тогда с кого спросят?

– С кого? – усмехнулись девушки. Они заметили, что неграмотный пастух очень гордился, что его поставили старшим, поэтому слегка подтрунивали над добрым и простоватым Ефимом.

– Вот, то-то и дело, что с меня, потому что мне доверили ответственное задание, доставить стадо, куда предписано большим начальством.

– А мы будем не в ответе? – спросила Лена, наливая по кружкам молоко.

– А что с вас взять, один смех на уме! Ладно, хватит лясы точить, девки, ужин готов?

– Что его готовить, дядя Ефим! Хлеб сам нарезал, молоко налито, картошка запеклась. Налетай да ешь! – высокая и красивая Варя нагнулась и, пошерудив палкой в костре, выкатила из золы почерневший картофель.

– Хлеб, картошка и молоко приелись на каждый раз. Мясца охота, может, забьешь барашка, дядя Ефим? – Евдокия присела у костра и вопросительно посмотрела на пастуха.

– Эдрыть его коромысло, и не просите, девчата. Каждая скотинка под отчет взята. Все для фронта, сказано. Недостача – расстрельная статья.

– Я так сказала, дяденька, не подумав, – Евдокия разломала картофелину, принялась есть, запивая молоком. – Еды хватает, грех жаловаться.

– То-то и оно, не подумала! На хлеб налегайте, девки.

После ужина люди долго сидели у костра, вели разговоры.

– Ефим! Ты так и не сказал нам, куда идем?

– Не велено сообщать, но откроюсь вам. От Холма через Демянск направляемся на Валдай, а там спросим, что делать дальше.

– Ой, мамочка родная! – испугалась Вера. – Я дальше родной деревни не была нигде, это сколько верст будет?

– Много, мыслю, но за неделю должны управиться, и тогда отправимся по домам, родные мои.

– Что так далеко, дяденька? – спросила Дуня.

– Так прет немец, говорят, что скоро будет здесь.

– Я слышала, что война через две, три недели нашей победой закончится, но пошел второй месяц, а фашист все наступает, – высказалась Лена и принялась собирать посуду.

– Не нашего ума дело. Значит, так надо, что далеко запустили врага к себе. Вот мы и отгоняем скот подальше, чтобы германцу не достался, – ответил Ефим, приставив ладонь к уху и прислушиваясь к далекому раскатистому грому.

– Грозу слышать, как бы ливень сюда не пришел, а мы шалаш не поставили, – Вера посмотрела на пастуха.

– Не гром это, девоньки! Артиллерия бьет где-то. Я наслушался этой канонады досыта в гражданскую войну. Не приведи Господь, угодить под ее ливень. Завтра на час раньше подъем, сейчас ложитесь поживать, кто – на телегу, а кто – под нее, утром разберемся. Коровы не уйдут с луга, не бойтесь, они, как люди, чувствуют лихую пору, держатся возле человека.

Вскоре молодость и усталость взяли свое, и девчата крепко уснули на телеге. Они мало что видели в жизни, горе еще не коснулось их, поэтому безмятежно спали среди леса и коров, которые насытившись сочной травой, улеглись поодаль, перемалывая зубами жерновами зеленую отрыжку-жвачку.

И лишь старый Ефим, переживший гражданскую войну, долго ворочался под телегой, тяжело вздыхал, переживая, как все обернется дальше. Когда войска побьют германца, и можно будет снова жить, как прежде? Все ли мужики, забранные на войну, вернуться в деревню? Долго ли ему, Ефиму, плестись с девками за колхозными хвостами, сопровождая животину незнамо куда? Из района слали по телефону председателю колхоза противоречивые приказы. Одни начальники кричали с пеной у рта, пустить стадо под нож и мясо сдать районной заготконторе. Другие, охрипшими голосами требовали поголовье перегнать подальше в тыл, и там сдать стадо в целостности и сохранности.

Правление колхоза рассудило, что коров не следует забивать, а отправить в направлении Урала. Вот и мыкался Ефим с тремя помощницами с колхозным стадом по новгородской земле вдоль озера Селигер.

Но и пастуха одолела усталость, и он сомкнул веки во сне под стрекотанье цикад в ночи. Казалось, все замерло в покое, и лишь молодой месяц нехотя проливал сумрачный свет, мириады же ярких звезд приветливо мерцали, наблюдая издали глубокий сон мирных людей, над которыми вился легкой и зыбкой дымкой туман родимой земли, ласково отдающей ночи накопленное за день благодатное тепло солнца.

– Девки! Просыпайтесь, немец идет! – под утро услышала Лена тревожный голос Ефима.

Земля слегка дрожала, с большака слышался гул моторов и железный лязг.

Глава 10

В свои тридцать лет Феодора Максимовна Андреева, по мужу теперь Степанова, не знала еще горя и нужды. Даже когда их семью вынудили выехать из Ленинграда в Старую Руссу, она, как за каменной стеной жила в семье сестры Аннушки. Грамотный и порядочный муж Анны восемнадцатилетнюю девушку принял, как собственную дочь. В 1928 году Иосифу исполнилось двадцать восемь лет, и он по праву считал себя ответственным за судьбу стройной, как хворостинка, и нежной, как подснежник, Фенечки.

Поэтому мужчина без колебания в тридцать третьем году разменял свою большую квартиру на две поменьше. Феня выходила замуж за Степана, которого Иосиф хорошо знал по работе на заводе.

Молодые с благодарностью приняли роскошный подарок и счастливо зажили в собственном гнездышке. Теперь уже Степан перенял от Иосифа заботу за девушкой, которая полюбила красивого парня всей душой. Она даже устроилась на работу участковым терапевтом цеха, где он работал, чтобы быть всегда вместе.

– Вот наскучит тебе муж, если и дома и на работе рядом будете, что будешь делать? – смеялась подруга.

– Не надоесть! – весело отмахивалась Феодора Максимовна. – А соскучусь, прямо на участок к нему приду, долг участкового врача чаще бывать на вверенном участке.

И влюбленная пара в декабре принесла из роддома доченьку Полину, которую хрупкая Феня легко выносила и без проблем родила своему мужу.

Чтобы жене было легче справляться с ребенком, Степан привез из деревни свою маму. Молодая женщина подружилась с ней и называла Нину Петровну мамой. И уже через три месяца Феня вышла снова на работу. Моложавая свекровь с удовольствием приняла на себя обязанности няньки, сюсюкалась с маленькой внучкой Полиной.

Так и жили все в довольстве и радости. В сентябре 1941 года семилетняя Полина должна была пойти в школу, родители заранее покупали все необходимое. Но как-то незаметно для них подкралась война и перекроила заново жизнь семьи.

Феня день и ночь заливалась горьким слезами, не хотела отпускать на фронт мужа. Но он явился однажды домой, собрал всех за столом и объявил:

– Завтра уезжаю на войну. Я не думаю, что надолго, побьем врага и вернусь. Вы живите пока без меня, я оставил на вас свой денежный аттестат, протянете, как-нибудь. Вы, мама, живите с Феней, помогайте ей по хозяйству, а ты, Поля, делай, что бабушка скажет и слушайся маму. Потом отчитаешься мне за каждый день, когда вернусь. Поняла?

– Да, я все сделаю, как ты сказал, только быстрее приезжай, – кинулась на шею отцу дочь.

– Вот и договорились, – Степан поглаживал по спине Полину и, отворачивая заблестевшие глаза, добавил, – ты же у меня большая и умная девочка.

На следующий теплый июльский день Степан Васильевич расцеловал всех на вокзале и сел в эшелон, который через полчаса тронулся и увез главу семьи на фронт, который стремительно приближался к городу.

Феодору Максимовну, как военнообязанную, военком оставил врачом при оборонном заводе, на котором и работала. Только отныне ее обязали ходить в военной форме младшего лейтенанта медицинской службы.

И жизнь, казалось, размеренно потекла дальше. В магазинах исчезли продукты, но их исправно выдавали по талонам. Никто не догадывался, не предполагал, что ожидало всех дальше. Пока страха не было, как и смертей.

Первые налеты фашистской авиации заставили всех вздрогнуть от страха и боли. В городе появились первые убитые и раненые, образовались первые пробоины в крышах и разбитые здания, огни пожаров по ночам видны были издалека.

В сентябре вокруг города замкнулось вражеское кольцо, и сразу же начались артиллерийский обстрелы. Жизнь людей дешевила изо дня в день. Авианалеты, артобстрелы методично истребляли город и убивали ее народ.

Осенью люди уже перестали бояться огня, взрывов и крови, питались впроголодь, лишь бы не умереть. Но на этом не прекратились их лишения.

Восьмого сентября запылали Бадаевские склады – главный хранитель продовольствия города. Единственное сообщение с Большой землей по воде через Ладогу прерывалось авиацией и артиллерией. В городе начался голод. На карточки снизили нормы.

Две иждивенческие карточки и паек Феодоры Максимовны с трудом поддерживал силы семьи. Однажды Нине Петровне за десять рублей удалось купить жирную землю из-под Бадаевских складов. Ее пропитало при пожаре растопившееся сливочное масло. На нем жарили картофельную шелуху, которую иногда приносила неугомонная бабушка Поли.

Счастливые, ели, не обращая на хруст на зубах.

Полина ходила в школу каждый день, школьников подкармливали ста пятьюдесятью граммами хлеба и ложкой манной каши.

Девочка проглатывала кашу, а хлеб несла домой. Бабушка ругалась:

– Поленька! Сама ешь, тебе силы нужны!

– А тебе, бабушка?

– У тебя, детка, косточки молодые, еще растут, им поддержка требуется, а у меня старенькие, выросли. Мне много не нужно!

Феня кусала губы в бессильной ярости, что ничем нельзя помочь родным. Она давно написала заявление на эвакуацию свекрови и дочери, но нужно было ждать до начала навигации.

Феодора Максимовна старалась наносить побольше воды из Невы, чтобы Нине Петровне не пришлось тащиться на реку. Пожилая женщина совсем ослабела от недоедания, но тайком подкладывала внучке из свой порции.

– Я уже съела свою, – говорила, чтобы не заметили, сколько хлеба было у нее.

Полина уже осенью привыкла к трупам людей на улице. Зимой их лежало на снегу еще больше, коммунальщики не успевали убирать.

Глава 11

В начале 1941 года приказом по Северному флоту отменили полагающиеся в армии отпуска. В дивизионе, где служил Иван Андреев, стали поговаривать о скорой войне.

Иван к этому времени служил дальномерщиком. Его боевой пост находился в километре от батареи на вышке, установленной на горе. Он должен был определять по прибору дальность подвижных и неподвижных целей, предметов и разрывов снарядов, ведение визуальной разведки местности и корректировка стрельбы наземной артиллерии, измерение горизонтальных и вертикальных углов цели.

Семилетнее образование и сообразительность краснофлотца Андреева продвинуло его по службе до отдельного командира и, получив в армии специальность дальномерщика, его назначили старшим наблюдательной вышки.

«Нелегкой походкой матросской
Иду я навстречу врагам,
А после с победой геройской
К скалистым вернусь берегам.
Хоть волны и стонут, и плачут,
И плещут на борт корабля,
Но радостно встретит героев Рыбачий,
Родимая наша земля».

Иван Максимович и Николай, которые подружились, стирали рабочую форму в бытовом помещении, когда по радио объявили о войне с Германией.

– Эва! – удивился Иван. – Вот тебе и пакт о ненападении! Что же теперь будет?

– Воевать будем!

– Если дадут немцам добраться сюда.

– Забыл, что финны рядом. Они – союзники Германии и не простили нам свое поражение в тридцать девятом году. Теперь поднимут голову и вместе с немцами полезут отбирать свои земли.

Уже на следующий день артиллеристы вступили в бой с врагом, потому что 221 батарея из 113 отдельного арт. дивизиона майора П.Ф. Космачева, куда перевели перед войной краснофлотца Андреева, блокировала огнем орудий вход в залив Петсамо-вуоно.

Этот залив имел очень важное военно-стратегическое значение. На севере Финляндии (в то время – союзницы Германии) не было железной дороги, и снабжение фашистских войск шло морем. Порт Лиинахамари, оборудованный хорошими причалами, стал главной перевалочной базой, которая обеспечивала всем необходимым горный корпус «Норвегия». Кроме того, в районе поселка Никель находились известные на весь мир рудники и никелевый завод, откуда через Петсамо и порт Лиинахамари немцы вывозили никель для своей военной промышленности. Батарея находилась в очень «жарком» месте,

держа под особым пристальным вниманием противника, но и сама не обделена была таким же «вниманием» с его стороны. Батарею систематически обстреливали германские дальнобойные орудия, установленные на мысах Нумерониими, Ристиниими и в глубине Петсамо-вуоно. Против батареи действовали 7 или 8 батарей крупного калибра. Кроме того, перед тем, как ввести в залив транспорт и десантные баржи, немцы каждый раз наносили по батарее сильные бомбовые удары, стремясь если не уничтожить ее, то хотя бы на время вывести из строя.

Не удалось фашистам захватить и полуостров Рыбачий - стратегический пункт, откуда контролировался вход в Кольский, Мотовский и Печенгский заливы. Летом 1941 года советские войска при поддержке кораблей Северного флота остановили противника на хребте Муста-Тунтури.

Полуострова Средний и Рыбачий стали непотопляемыми линкорами Заполярья и сыграли важную роль в защите Кольского залива и города Мурманска.

Глава 12

Анна пробежала мимо мертвого комиссара, но вдруг остановилась и прижала к себе сына. Из леса выходила цепью немецкая пехота. Позади по полю, как вши среди ржаных волос, расплзались фашистские танки. Круг замкнулся. Враг стрелял по людям, которые пытались куда-то бежать, не трогал тех, кто стоял на месте, высоко поднимая руки. Вдруг стало необычно тихо, взрывы прекратились, лишь, слышался натужный гул моторов и редкие очереди. Порыжевшая переспелая рожь местами горела, и золотистый дым стлался над включенным полем на фоне синего неба в сторону петлявшей дороги и притихшего леса.

Немцы приближались ошестинившейся штыками цепью к напуганной женщине с ребенком. Здоровый молодой мужчина с винтовкой наперевес шел в цепи прямо на них. Анна прикрыла одной рукой глаза сыну, другой обняла за плечи и, как замороженная, смотрела на кончик нож-штыка, на котором так мирно отражался дрожащий солнечный зайчик.

Немецкий солдат, не доходя несколько метров до них, указал винтовкой вдаль и крикнул:

– Los! Schnell!

Анна с сыном пошла вперед.

Вражеские пехотинцы выдавили людей на большак, сбили в большую толпу и погнали на станцию Тайцы, как разношерстное стадо: солдаты, женщины, гражданские пожилые мужчины и дети.

На привокзальной площади от толпы отделили красноармейцев и пожилых мужчин, отвели в сторону. Женщины и дети остались стоять на месте. Первое оцепенение у людей прошло, и они осматривались, некоторые переговаривались.

Анна только сейчас заметила, что у нее за спиной висит самодельный рюкзак. Небольшой чемоданчик с вещами Олега потерялся при обстреле – где и когда даже не заметила. В простом мешке с приделанными к нему веревочными лямками лежали белье Анны Максимовны, хлеб, вареный картофель и кусочек свиного сала. Все, что успела собрать, когда спешно покидала дом.

– Что с нами будет теперь? – робко спросила какая-то молодая женщина.

– На что им бабы с детьми? – громко ответили из толпы, – подержат и распустят по домам!

– Ага, отпустят и скажут: «Простите», – насмешливо пробурчала Анна Максимовна. – Нет, уж пристроят куда-нибудь или работать заставят.

– Взрослых пускай забирают, а детей отпустили бы, ироды, – сказала пожилая женщина рядом с Анной.

– Да, куда пойдут они без матерей? – возразила Анна Максимовна. – Уж лучше вместе мыкать горе, все под присмотром останутся.

– И, то верно, голубушка, но смотреть больно, как страдают дети. Скорее бы решали с нами, а то сил нет стоять на ногах.

Вскоре пришел какой-то чин и через переводчика сообщил:

– Мы не воюем с мирным населением. В целях сохранения ваших жизней завтра эвакуируем от фронта в тыл.

Затем составили какие-то карточки на каждого, женщин и детей осмотрел врач, что-то записал в них.

Потом людей вывели на дорогу и под конвоем погнали к колхозному амбару, где оставили до утра. Продуктов не дали, только поставили ведро воды на всех. Каждый достал на ужин, что прихватил с собой. Анна накормила Олега, притащила охапку соломы, сваленного в углу сарая и приготовила ложе для себя и сына.

– Привыкай, сынок, теперь мы не дома, где покажут, там и хата для нас.

Утром всех построили, повели по дороге на запад. На марше убежать невозможно: позади и по сторонам колонны охранники с винтовками, укрыться в лесу было немыслимо. Очень тяжело было женщинам с маленькими детьми. Они выбивались из сил, но не спускали с рук малышей.

Олег невозмутимо шагал рядом с матерью, казалось, его не брала усталость. Анна благодарно похлопала мальчика по плечу:

– Терпишь, сынок, молодец, терпи, не всегда нас будут гнать, как стадо, когда-то придет конец пути.

Какой-то добрый человек с подводой, который повстречался, когда проходили деревней, развернул лошадь и загнал ее в толпу. Затем сунул вожжи одной женщине с ребенком на руках и сказал:

– Вот, возьмите. На телегу посадите детей, все легче будет!

– Как же ты без лошадки теперь? – спросил кто-то.

– Все, едино, отберут ее немцы, как гужевого транспорт, а так послужит своим! – крикнул издали мужчина. Охранники не возражали, и на телегу усадили самых маленьких детей. Олегу места не нашлось на ней, хватало малышни, поэтому он, как и дети постарше, шагал самостоятельно.

По пути колонну останавливали на десять минут для отдыха и снова гнали вперед. Немцы не кормили, и только хозяева дворов, где останавливались на ночлег, варили картофель и давали людям. Анна удивлялась, как они выжили в трехдневном переходе.

В деревне Голенищеве Псковской области немцы вызвали старосту. Пять женщин передали ему, чтобы распределил по домам для проживания. Вместе с ними оказались трое детей. Колонна отправилась дальше.

Анна с Олегом, еще четыре женщины, мальчик и девочка остались стоять напротив невысокого тощего мужчины средних лет, который долго буравил колючим взглядом притихших людей. Затем он громко вздохнул и заговорил:

– Ну, куда я вас определяю для житья? Сами пухнем с голодухи, не ведаем, как дотянуть до нового урожая. Не по нашему достатку гости.

– Ты пристрели нас из ружья, чтобы не жили. Дешевле будет! – сказала ему Анна. Староста помолчал, наблюдая за молодой женщиной, потом резко ответил:

– Язык твой прежде ума рыщет, беды ищет! Кто такую возьмет к себе?

– Остерегаться нужно молчаливых людей, слышал такую мудрость?

– На словах, как на гусях, посмотрим, как на деле! – мужик больше не стал препираться с женщиной. – Ладно, идем, определю по хозяевам, а там, как знаете.

Анна Максимовна и Олег вошли в большую горницу и остановились у двери. За обеденным столом у окна сидел высокий и немолодой мужчина, рядом стояла миловидная женщина, а за перегородкой слышались голоса детей. Черноволосый мужчина смотрел удивленно на гостей и молчал.

– Вот, на постой определили к вам. Меня зовут Анной, а это – мой сын, Олег.
Здравствуйте, добрые люди.

– Ну, раз приставили к нам, то против власти не попрешь! – сказал хозяин. – Меня зовите Трофимом, мою супругу – Марфой, а за печкой возятся наши внучки, Маша и Дарья. Угол вам отведем в избе за занавеской, топчан соорудим. А, вот, как столоваться думаете? Самостоятельно, или платить желаете за наш хлеб?

– Я бы отработала, если кормить станете, – тихо сказала Анна.

– Понятно, что в рот, то спасибо!

– Да, вы проходите к столу, садитесь, что у порога стоять, – пригласила Марфа. – Поди, устали с дороги.

Хозяева кормили постояльцев всю зиму. Они варили на всех картофель, давали по куску хлеба и стакану молока. Анна носила из колодца воду, мыла в доме полы, стирала белье, старалась отработать хлеб. Но с приходом весны 1942 года хозяин предупредил:

– В углу не отказываем, а, вот, питайтесь теперь сами. Клок земли выделим, семенной картошки дадим. Что вырастите, то и съедите, а нам деток поднимать надо, самим есть хочется тоже. Уж, не обессудьте, а просите помощи у новой власти, раз определила в наше село.

Анна, оставшись без средств существования, сначала отправилась по деревням попрошайничать. Она стыдливо протягивала руку, придерживая за плечи сына, и просила подать кусочек хлеба на пропитание. При этом женщина суетливо крестилась и жалостливо причитала:

– За ради Бога!

Но давали им не очень охотно и мало. Жители роптали, что деревни перенаселены, им в тягость лишние люди.

Тогда Анна Максимовна отправилась в немецкую комендатуру в районный городок. Предварительно согласовала поездку со старостой, потому что покидать место проживания надолго, было запрещено. Олега оставила у хозяев, чтобы легче отпустили.

Ей, как считали все, очень повезло. Немцы приставили Анну работать на сахарном заводе. За что обещали выдавать паек хлебом, подсолнечным маслом и пшенной крупой. Анна Максимовна засеяла огород, каждый день бегала семь километров на работу и обратно, поручив поливку грядок Олегу. Жизнь, казалась, налаживалась. Хозяин дома повеселел и частенько менял молоко и теплые вещи на подсолнечное масло.

С приходом лета поселенцы собирали щавель, съедобные побеги хвоща, из них варили зеленый суп.

Однажды Анна с сыном собирали зелень на лесной поляне. Погода стояла теплая, и они наслаждались после холодной зимы щедрым лучам солнца, буквально залившим зеленую, благоухающую и поющую всеми голосами птиц, закрытую хвойным смолистым лесом прогалину тайги.

Мать и сын, пробираясь через валежник на другой конец делянки, неожиданно наткнулись на своего хозяина, который стоял с мешком возле двух молодых людей в немецкой форме с автоматами в руках. Судя по всему, Трофим только что хотел отдать им в мешке каравай хлеба и картошку.

Все растерялись, стояли, молча, переглядываясь.

– Вот, конский щавель растет здесь хорошо. Мы собрали малость на ужин, – показала Анна на корзину, полную сочных листьев.

– Вишь ты, молодцы, так и протянете до урожая, скоро грибы полезут в лесу, веселее дело пойдет! – наигранно весело заметил хозяин. – Я вот сыну гостинец принес. Он в городе служит с товарищем, не часто видимся.

Анна сообразила, что здесь кроется какая-то тайна, иначе, с чего бы отцу и сыну встречаться вдали от людских глаз. Она улыбнулась в ответ, понимая кивнула головой и потянула сына прочь:

– Идем, сынок, не будем мешать людям разговаривать.

После этой встречи в лесу, молодые люди два раза заходили в деревню в дом Трофима. Всякий раз Марфа радостно причитала, накрывала стол что могла и гостеприимно потчевала гостей. Рядом с ними крутились девочки и спрашивали одного мужчину:

– Почему мама не приходит к нам?

Он нагибался к ним, целовал в белобрысые макушки дочек и тихо что-то говорил.

Анна с Олегом не выходила из-за занавески, чтобы не мешать встрече. Потом молодые люди выходили в сени с Трофимом и долго шептались там.

– Сын с товарищем заходил, – как будто оправдывался перед Анной хозяин. – Они проезжали мимо деревни по службе.

Анна Максимовна деликатно помалкивала, хотя до нее уже дошли слухи, что сын Трофима и Марфы партизанил в лесах. Где была мама девочек, никто не говорил, и Анна не решалась спросить хозяев.

Глава 13

Елена, Варя и Дуня, тесно прижались друг к другу, испуганно всматривались в сторону дороги.

– Может, наши? – тихо спросила Варя.

– У тебя глазки вострее моих, а не видишь крестов на бортах? Немец пришел, девоньки.

– И, правда! Страшно как, девочки! – всхлипнула Дуня, разглядев в предрассветной мгле белые фашистские знаки.

– Тише, услышат еще! – Варя схватила за руку Евдокию.

– Не бойтесь, не услышат, страшный гул стоит. В нем голоса тонут, словно в черном омуте пропадают. Да и не до нас им сейчас, – Ефим решительно выпрямился и оглядел помощниц. – Что переполошились без времени? Значит, даю такой приказ! Животину загонять в лес. Я делянку приглядел вчера поблизости. Телегу закидать ветками на краю луга, не протащим меж деревьев. Нужно укрыться, чтобы с большака не видели. Там подоим коров и обдумаем, как поступить дальше.

– Кажись, проехали, слава Богу, – сказала Лена, заметив, что большак пуст.

– Первые прошли, другие следом приспеют. Они теперь хозяева здесь, попрут, когда вздумается, а нам попадаться им не след на глаза.

– Ой! Как же теперь мои родные в деревне? – на глазах Дуни снова навернулись слезы.

– Не реви! – одернула подругу Лена. – Не одни они остались там. Мои, Ефима, Верины не ушли тоже. Сообща, поди, не так страшно им.

– Вот, вот, правильно сказала! На миру и смерть красна. Не горюйте, девоньки, лучше поднимайте коровушек, направляйте в лес.

Делянка, куда согнали животных, оказалась большой и круглой, как плешь среди густой шевелюры леса. Деревья вырубали года два назад, поэтому ее не успел заполнить настырный кустарник. Она лишь густо заросла высоченной своенравной травой.

– Сколько нам бытовать теперь здесь, дядя Ефим? – спросила Елена, осматривая густой еловый лес вперемешку с ольховым кустарником, укрывшими собой рукотворную поляну.

Ефим помолчал, прикидывая что-то в уме, и ответил:

До снега продержимся, мыслю, все есть для жизни: вода, кормежка. Только тяжело время проживать, когда бездельничаешь. Нужно узнать в ближайшем селе, что слышать на свете. Пожалуй, когда совсем развиднеется, сам и отправлюсь. Впереди, кажись, деревня Заря недалече, а речка, что по окраине луга змеится, помнится, Ладомирка называется.

– Ефим! Дай, я сбегаю туда! У меня родной брат живет там. Два года не виделись! – Елена с мольбой смотрела на пастуха.

– Брат, говоришь? Я его последний раз пацаном видел, поди, мужиком стал уже. Только, немец кругом, не забоишься, если, не дай Бог, повстречаешь супостатов?

– Волков бояться – в лес не ходить! Я Дуньку с собой возьму, она наша родственница. Все достовернее будет. Шли брата проведать, а тут чужое войско налетело, вот, мы со страха в лесу переждали и дальше направились.

– Ишь, ты, разведчик, какой выискался! – Ефим колебался: отпускать ли девчонку. – А что скажет Дуняша на это?

– Чем комаров в лесу кормить, я лучше с Леной пойду в деревню. Она у нас боевая, если что, не опешит, придумает что-нибудь.

– Ладно, отправляйтесь. Только, если что, сигайте в лес, он всегда выручит.

Две девушки споро шагали по песчаной дороге и весело переговаривались, предвкушая встречу с людьми. Они не думали о том, что идет война, на их земле хозяйничает враг. Девушки просто шли по своей земле, их молодые ноги не чувствовали усталости и легко отмеряли версты. Елена с Дуняшей так увлеклись разговорами, что не сразу обратили внимание на шум, который слышался позади. Он с каждой минутой нарастал, заставив девушек обернуться.

– Что это? – испуганно вскрикнула Дуня.

Из-за поворота показалась колонна мотоциклов.

– Немцы! Бежим! – приглушенно крикнула Елена, кинувшись к обочине дороги.

– Мама! – завопила Дуняша и припустила вдоль дороги.

– Куда ты!? В лес беги за мной! – Елена почти скатилась с большака под откос и побежала к лесу. Сердце девушки тяжело бухало в груди, от страха она почти ничего не видела, когда ворвалась в чащу и упала в первую подвернувшуюся ямку.

Дуни рядом не было. Сквозь еловые заросли и высокие сосны едва просматривалась проселочная дорога.

– Дуни не видать, рядом спряталась где-нибудь, – подумала девушка. – Молодец, молчит, не зовет. Сейчас немцы проедут, дальше пойдем.

Елена прислушалась, тарахтенье немецких мотоциклов раздавалось уже напротив, и она уткнулась лицом в землю.

– Сверху виднее, не заметили бы, – успела подумать она прежде, чем шум моторов на большаке не стих.

– Неужели увидели? – испугалась девушка, не решаясь поднять голову.

Издали послышался чужой гортанный говор, металлический лягз, затем раздались частые выстрелы. Совсем не страшные щелчки, похожие хлесткие удары кнута Ефима.

Любопытство победило страх и, когда выстрелы стихли, Елена посмотрела на возвышающийся большак. Немцы стояли спинами к ней и что-то рассматривали на противоположенной стороне от дороги. Они оживленно махали руками и громко разговаривали, показывая вдаль.

Затем послышалась команда, взревели моторы и железный строй покатился дальше по дороге.

– Что же они там рассматривали? – подумала Елена, поднимаясь на ноги.

– Это Дуняшку заметили, – вдруг осенило девушку. – Вот, глупая! На ту сторону подалась!

Елена заспешила на дорогу, остановилась и, прижимая руку к груди, лихорадочно глядела на лес. Ничего не увидела и тихонько позвала:

– Дуня! Откликнись! Это – я, Лена!

В ответ лишь шумели вершинами на ветру могучие ели и сосны, разноголосно пели в чащобе невидимые птицы.

– Дуняша! Ответь мне! – отчаянно крикнула Елена и, спустившись по откосу с дороги, пошла к лесу.

Дуня лежала на спине метрах в десяти от кромки леса. Она нелепо подогнула левую ногу и молчала, уставившись серыми глазами в безоблачное небо. На красной безрукавке с трудом угадывалась на груди кровь. Слепая пуля угодила прямо в сердце девушки,

которая забежала в лес и обернулась к дороге. Дуняша, не охнув, замертво повалилась на землю.

Ефим долго откашливался, выслушав рассказ Елены, которая закидала подружку еловым лапником и побежала назад, к стойбищу. И было не понять: толи недавно выкуренная самокрутка душила пожилого пастуха, толи мужчина скрывал слезы, жалея Дуняшу, которая погибла так глупо, ни за что.

– Войне плевать, кто стоит перед ней: солдат или женщина, старик аль молодой, всех валит на землю, как коса осоку, – сказал, откашлявшись, Ефим.

Дуню похоронили на светлой лесной полянке недалеко от большака. Рядом росла кудрявая береза, которая прикрыла, как шатром, свежий земляной холмик. Ефим вырубил крест и воткнул в землю со словами:

– Спи спокойно, Дуняшка. Извиняй, что не уберег тебя. После войны соорудим памятник, а пока полежи так.

Елена с Варей нарвали полевых цветов и уложили на могилу, тихо плакали. Для них кончилось безмятежная юность. Война ее укоротила, заставив разом повзрослеть девчат.

– Последний раз спую, подружка моя, частушки. Не сочинять нам их теперь с тобой, – сказала, прощаясь.

– Соловейко за рекою
Громко песни распевал.
Как пришел фашист поганый,
Соловейко замолчал.

Распроклятая Германия,
Сгорела бы в огне!
Принесла одни страдания
Не забудем и во сне.

Большими мастерицами были Елена и Дуня, на лету придумывали задорные частушки, распевали их на вечеринках. Но столько горя и отчаяния звучало в этот раз в голосе Елены, что Ефим вздрогнул и положил руку на плечо девушки:

– Не рви душу, придет время, погоним немца, отомстим за Дуню.

Прошло два дня. Хлеба почти не было, картошки оставалось на пару дней. Правда, молока было в избытке, да и мяса, если забивать овец, хватало бы надолго, но об этом Ефим упорно молчал. Он упрямо надеялся на чудо, что им удастся вывести стадо в тыл и без потерь сдать его. Девчата были подавлены смертью подруги, больше молчали, не смеялись, как прежде.

– Как ни крути, а нужно выбираться к людям, – сказал Ефим и поспешно добавил, поглаживая давно не бритый подбородок. – В этот раз сам пойду, останетесь здесь. Елена – старшая, а ты, Варвара, делай, что она скажет.

Пастух попрощался с девчатами, закинул за плечи котомку из мешковины, надвинул на глаза выдавшую виды кепку неопределенного цвета и исчез в лесу.

Но далеко не ушел.

– Стой! Кто – такой? – услышал он за спиной и обернулся. Возле огромной сосны стоял молодой мужчина. Он внимательно смотрел на Ефима, держа наизготовку снайперскую винтовку. Поодаль за кустарником с карабином стоял другой. Оба одеты в штатское, на головах – кепки. Ни дать, ни взять – колхозники.

– Не видишь, человек! – не заробел пастух.

– Вижу, что не леший! – усмехнулся рыжеволосый мужчина с винтовкой. – Грибы в сидор собираешь или лесным духом дышишь?

– Это – мое дело, а ты сам? Что бегаешь с винтарем по чашобам? – Ефим старался понять, что за вооруженные люди перед ним.

– Ты отвечай, а не задавай вопросов. Что делаешь в лесу в военное время?

– Ладно, мне скрывать нечего. Пастух – я, у родственников гостил, теперь бреду, вот, домой, зашел по нужде в лес. Житейское дело, что такого? А вы, что за люди?

– Что так глубоко забежал в лес по нужде? Ноги не сбил, прячась? – засмеялся рыжий мужчина. – А там, на делянке, пасется не твое стадо? А девчонки? Не твои ли подпаски?

– Знать ничего не знаю, не могу в толк взять, о чем говоришь, – решил не открываться перед незнакомцами пастух.

– Тогда идем, познакомим с ними тебя, – строго сказал мужчина с винтовкой. – Не вздумай бежать. Застрелим!

– Николай! – кинулась к одному мужчине Елена, едва они вышли на делянку. – Ты?

– Я, вот, Ефима привел к вам.

– А я ломал голову: где же видел парня. А это, Николай, твой брат, значит, – обрадовался пастух.

– Я тебя, дядя, сразу признал, только вида не подавал. Мы больше часа наблюдали за делянкой. Хотели уже выйти, да ты сам в наши руки направился.

– Что голову мне морочили, не признавались?

– Хотели узнать, куда шел, не к немцам ли, – вмешался в разговор мужчина с винтовкой. – Давайте знакомиться. Я – Михаил, а это – Николай, его знаете.

Молодые мужчины были рады встрече с людьми в лесу не меньше, чем Ефим с помощниками. Николай с Михаилом скитались по лесам неделю. Они записались в партизанский отряд месяц назад. Партизанскую базу заложили под Холмом, когда немцев еще не было на этих землях.

Отряд из двадцати новгородских комсомольцев ушел в лес и обосновался на базе одновременно с приходом фашистов.

Командиру отряда не понравилось место расположения. Он, как чувствовал, что нужно увести людей на другое место, поэтому отправил двух бойцов на поиски новой базы.

Михаил с Николаем направились в разведку. Они нашли подходящее место для отряда между поселком Охват и городом Андреаполь, недалеко от озера Охват. Места глухие, куда редко добирался человек. Рядом железная дорога и большак, по которым перебрасывалось врагу подкрепление. Здесь было, где развернуться партизанам.

Но вернулись бойцы на пепелище. Отряд исчез, а базу разорил неприятель. Опыта ведения партизанской борьбы еще не было, поэтому командир не предусмотрел места контрольных встреч, в случае, если враг принудит отряд покинуть обжитые места. Они не предполагали об изменниках, которые выдавали врагам расположения партизан.

Это мужчины узнают позже, когда встретятся с Андреапольским формированием, в котором окажутся несколько уцелевших бойцов их прежнего отряда.

В августе 1941 года далеко от районного центра Андреаполь собрались в глухом лесу люди, около ста человек. Те, кто без колебаний заявили о своем желании быть партизанами и сражаться с фашистскими захватчиками.

В настороженной тишине строго звучали слова партизанской присяги:

– Клянусь за сожженные города и села, за кровь и смерть наших жен и детей, отцов и матерей, за насилие и издевательства над моим народом жестоко мстить врагу и неустанно, не останавливаясь ни перед чем, всегда и везде, смело и решительно уничтожать немецко-фашистских оккупантов.

Слова моей священной клятвы перед товарищами-партизанами закрепляю своей собственноручной подписью и от этой клятвы не отступлю никогда.

Один за другим бойцы подходили и расписывались под текстом партизанской клятвы.

Так появился отряд «Бей врага».

Михаил и Николай наткнулись на ее основную базу, рассказали о людях со стадом. Командир партизан, действующих на границе Новгородской и Калининской областей, не обрадовался необычному подарку в сопровождение «сопливых» девчонок и старого пастуха.

– Что делать со скотом? – спросил он совета у своих заместителей. – Фашистам отдавать нельзя, бросить в лесу – жалко, а самим не справиться с такой обузой. Даже, если животину пустить под нож на провиант, не осилить столько мяса. Соли не достаточно, нет бочек, чтобы заготовить солонину.

После бурных дебатов решили часть скота зарезать на мясо, а остальных раздать жителям сел, в которых не стояли вражеские гарнизоны. Пастуха с помощницами отпустить по домам.

– Мудро решили, нас не спросив! – ехидно запротестовала Елена, когда пятеро бойцов отряда прибыли на делянку. – Меня с Варей прямой дорогой в неметчину, а сами останетесь в лесу прятаться. Николай рассказал, как молодежь забирали немцы в Германию.

– Что верно, то верно! Кто из парней и девчонок не успел спрятаться, тех гансы посадили на машины и увезли на станцию. Там погрузили в вагоны и отправили к себе на работы, – поддержал ее один из бойцов.

– Вот, сами же знаете! А нас гоните! – возмутилась и Варя.

– Тогда, куда велите вас определить! – усмехнулся старший отряда.

– Мы не приказываем, а просим зачислить нас в партизаны, – сказала Елена.

– И выдать винтовки! – добавил кто-то насмешливо.

– Можно без оружия, стрелять, думаю, хватает мужчин, но раны перевязать или на кухне помочь, здесь от нас больше пользы, чем работать на чужбине.

Елена Ершова и Варя Вихрова стали санитарями в отряде «Бей врага». Ефима определили к лошадям, он тоже не захотел возвращаться в деревню, занятую немцами.

– Тогда не жалуйся на трудности, – предупредил его командир. – Лес – не сахар, шел бы домой, коров пас летом, зимой сидел бы на печи, грел кости.

– Старость объявляется, когда приходит страх. Я не праздновал труса, чтобы страшить меня лихом!

Глава 15

Вечером двадцать второго июня батарея открыла огонь по немецкому судну. В течение семнадцати минут выпустила пятьдесят девять снарядов. После третьего залпа – попадание. Затем еще наблюдалось пять поражений: взрывы, густой дым и пламя. Пожар на судне был виден Ивану Андрееву невооруженным глазом. Полыхающий корабль его команда сумела выбросить на камни. Сами люди на плавучих средствах выбирались на берег губы Амбарная, а судно продолжало гореть, пока не последовал сильный взрыв. Корабль окутался паром, видно, взорвались котлы, и тральщик перестал существовать.

– Боевая тревога! Батарея к бою! – раздался голос дежурного офицера на следующий день из репродуктора. Бойцы побежали к местам, согласно расписания боевой службы.

– Транспорт противника с моря. Дальномерщик Андреев определить расстояние и точное направление до объекта!

Иван прильнул к дальномеру, наводя визирные линии на непонятный плавучий островок. В окуляре разглядел огромный металлический танк, покрашенный пятнами под цвет свинцового моря.

– Ага! – догадался радостно Иван. – Немцы дизельное топливо доставляют своим кораблям. Цистерну уложили на понтоны и тащат буксиром в залив за сопкой. Сейчас мы его уконтропупим!

Краснофлотец Андреев вычислил координаты и доложил на батарею:

– Пеленг двести семьдесят градусов, расстояние – тридцать шесть кабельтовых, направление движения зюйд, скорость пять узлов.

Командир батареи повторил ориентиры наводчикам и скомандовал:

– Огонь!

Водяные столбы взрывов легли полкабельтова дальше и правее. Иван прильнул к окуляру:

– Двести семьдесят пять градусов, тридцать пять кабельтов, упреждение два градуса левее.

Снова раздался залп батареи, снаряды легли правее линии врага.

– Двести семьдесят три градуса! Тридцать пять кабельтовых! Упреждение два! – скорректировал Иван Максимович.

Батарея выстрелила и накрыла плавучую цель. В небо взметнулся дым, и цистерна запылала огнем.

– Есть поражение! Объект уничтожен!

– Батарея – отбой! Всем в укрытие!

– Теперь держись! – подумал Иван, слетая по ступенькам с наблюдательной вышки, побежал к скалистой расщелине, облюбованной для укрытия от обстрела позиций врагом. На головой прошелестели снаряды немецкой артиллерии – немцы среагировали на огонь русской батареи.

Враг пока не обнаружил пункт наблюдения на стометровой высоте. Поэтому обрушился всей мощью только на батарею. Иван чувствовал, как вздрагивала скалистая земля, хотя отсюда до батареи было около полутора километров.

Артиллеристы успели до обстрела укрыться в железобетонных ангарах. После артиллерийского налета, на батарею ринулись немецкие бомбардировщики в сопровождение юрких истребителей. Но советские истребители отгоняли их левее, в море, и немецкие самолеты, сбросив беспорядочно бомбы на побережье, убрались ни с чем.

Иван после обстрела забрался на вышку и посмотрел в бинокль на море. Цистерна горела ярким факелом, и он сделал зарубку на перилах. Сколько еще впереди?

Незаметно для артиллеристов пролетели десять месяцев. Ежедневные стрельбы, налеты авиации фашистов и обстрелы позиций батареи врагом сплотили краснофлотцев. Они дружно и слаженно выполняли свои обязанности. Каждый был способен заменить выбывшего в бою товарища.

Иван к весне стал наводчиком на батарее, передав обязанности дальномерщика другу Николаю, которого обучил за это время искусству владения шестиметровым прибором наблюдения за морем.

Наступил апрель. По привычным понятиям – разгар весны. Но на севере она не такая, как дома на родной новгородчине. Ни тепла тебе, ни намек на зелень, все тот же снег вокруг, только меньше вьюг, тише и быстрее прибавляется день. Ивану казалось это благом после беспросветной штормовой зимы. Когда доставали снежные вьюги, которые буквально заваливали батарею по шею снегом. Расчет пушки за зиму разгреб тонны снега и вынес за пределы расположения батареи.

Для блокады Петсамо-вуоно лучше свет, чем полугодовая темень. Для людей: после долгой ночи хотелось ласкового солнца. Для службы благодать: возможность наблюдать за студеным морем без прожекторов, даже без приборов, а стереотрубы расширяют обзор так, что вражеские корабли можно засечь даже в Варенгер-фьерде.

С наступлением светлого времени суток у противника основными средствами защиты конвоя стали дымовые завесы и артиллерия, которая массированно воздействовала на советские береговые батареи, значительно усиленные за последние месяцы войны.

Еще в первых числах марта 221-ю батарею перенесли на новые позиции.

На месте старой, которую подправили, подкрасили, выставили вместо стволов пушек бревна, получилась отличная ложная батарея, долгое время навлекавшая на себя залпы врага, едва начинался артиллерийский бой. Немало потратил противник снарядов впустую.

Вражеские катера-дымзавесчики активизировались, и чаще, чем зимой, работали немецкие артиллеристы, занятые подавлением огня 221-ой батареи. И в первые дни весны не раз случалось, что дымовые завесы позволяли немецким транспортам выскакать из

залива и проскакивать на запад, поэтому срочно потребовались специальные пушки против катеров, потому что крупнокалиберная береговая артиллерия Северного флота не могла отвлекаться на мелкие объекты.

Вскоре возле старой позиции 221 батареи воздвигли массивные артиллерийские дзоты, способные выдержать прямое попадание снаряда большого калибра. Четыре пушки ЗИС-3, установленные в них, надежно прикрыли залив Петсамо-вуоно.

Как только два катера-дымозавесчики высунулись из залива и потянули полосы дыма, пушки закидали их осколочно-фугасными снарядами, сорвали проводку фашистского транспорта.

Немцы, ошеломленные таким ударом, двое суток не предпринимали попыток вывести в море корабли.

Но в дивизионе догадывались, что за зиму в заливе, контролируемым фашистами, скопилось много транспортов, которые необходимо отправить в Германию, поэтому были начеку.

Первая попытка врага провести транспорт в десять тысяч тонн закончилась победой батареей лейтенанта Поночевского, где служил краснофлотец Андреев, и лейтенанта Соболевского, командовавшего 140 батареей. Успешная двухбатарейная стрельба, в которой израсходовали сто шестьдесят семь снарядов, привела к уничтожению большого корабля.

Но успех достался нелегко. Артиллеристы стреляли под огнем уже пяти батарей противника. Позиция 221-ой батареи была разведана немцами. Они били по новому месту и сумели поразить орудие, где находился Иван. Семеро матросов было ранено, трое – убито, а сам краснофлотец Андреев, контуженный и оглушенный, сумел ликвидировать пожар, сорвав загоревшуюся маскировочную сетку, чем предотвратил взрыв боеприпасов, с таким трудом доставляемые на скалистый берег.

Такие бои повторялись каждый день. Противник начал проводки днем и ночью.

В один из боев сто пяти миллиметровый снаряд врага пробил щит орудия, где находился Иван, и разорвался во дворике. Пушка на десять суток вышла из строя.

Наверное, досталось в этом бою и фашистам. Четыре батареи, свободные от стрельбы по транспорту, вели ответный огонь и заставили замолчать фашистскую батарею на мысу Нумерониemi.

В начале мая 1942 года погода стояла ветреная, шли сильные дождевые заряды, и все же дальномерный пост и наблюдатели с батареей обнаружили в час ночи транспорт врага, направляющийся в залив. Сразу включили прожектора и огонь открыли обе батареи сто тридцаток. Два снаряда угодили в транспорт, и он не сумел проскользнуть в Петсамо-вуоно, скрылся в пелене дождя.

Вражеская артиллерия ответила шквальным огнем по советским батареям. Они выпустили около трехсот пятидесяти снарядов, не причинив в этот раз значительного вреда расчетам орудий.

Глава 16

Неожиданно заболел Олег, который простыл на огороде. На боку вскочил чирей, который болел так, что мальчик лежал пластом. Анна извелась, переживая за него, но на работу ходила ежедневно, потому что место могут занять другие переселенки. Она намазала шишку величиной с куриное яйцо мазью, которую принесла соседка, и заклеила пластырем, когда за занавеску заглянул Трофим. Он посмотрел на страдающего мальчика, на исхудавшую за зиму Анну, и сказал:

– На печь положи мальчика, чтобы хворь вышла! Пускай прогреется на горячих кирпичках. Марфа аккурат, как протопила ее.

Вскоре чирей лопнул, гной вытек мутной и вонючей массой, открыв дыру на боку, которая нестерпимо чесалась. Но Олег очень боялся ее трогать, думал, что через нее вылезут кишки, терпел невыносимый зуд. Но рана вскоре зажила, оставив глубокий шрам. Мальчик снова перебрался на топчан за занавеской. Мама мальчика очень радовалась выздоровлению, говорила, что скоро кончится война, и они поедут домой к папе.

– Когда война кончится? – спросил сын.

– Когда-то должен наступить мир, тогда и будет конец войне, – уклончиво ответила Анна. Олег не стал настаивать на точном ответе, понимал, что мама сама не знает его.

Вчера, когда они пололи огород, увидели, что в их сторону, вынырнув из-за кромки леса, летел тупорылый самолет. Мать и сын разглядели красные звезды на зеленых крыльях и летчика в шлеме. Когда он пролетал над ними, мимо прожужжали пули, но не задели их. Летчик, видимо, принял фигурки на земле за немцев. Им было и обидно, что стрелок не разобрался, хотел убить своих людей, но и радостно, что остались живыми.

На следующий день их самолет возвращался домой – так думал Олег, когда его атаковали юнкеры.

«Лаптежники», как люди прозвали немецких штурмовиков, легко подожгли русский ястребок, который рухнул на вздрогнувшую землю недалеко за деревней.

Олегу было жалко летчика и досадно за него, что обстрелял их недавно, но не выпустил ни одной пулеметной очереди по фашистам сегодня.

Рано утром на место падения самолета сходил Трофим и принес документы убитого летчика. Мальчик слышал, как он сказал маме:

– После войны отправлю родным лейтенанта. Если немцы не заберут тело, похороним на нашем кладбище по-человечески.

Но уже через час приехала машина с фашистами и увезла погибшего летчика.

Олег решил тайком сходить на место крушения самолета. За ним увязались девочки, Маша и Дарья. Как сестрички догадались, куда направился городской мальчик, непонятно, но вышли за ним из дома и упорно держались рядом. Упрямства им было не занимать, Олег это знал, поэтому махнул на девчоночий хвост рукой – пускай идут, если не трусят.

Возле груды искореженного металла уже стояли два мальчика, рассматривая обломки крыльев. Один тоже был переселенец, как Олег. Его звали Миша, и он жил в доме родителей другого мальчика Гриши. Оба подружились и всегда гоняли вместе по улице. Олег познакомился с ними на лугу, где друзья строили городки из рюх, и с тех пор они играли втроем. Гриша знал хорошо местность и показал мальчикам округу, где проходили бои. Дети находили патроны и забавлялись тем, что вытаскивали пули из них и сыпали в кучку порох. Затем поджигали. Порох быстро и жарко сгорал, стремительно выпуская едкий дым.

У всех мальчиков папы ушли на фронт. Поэтому они часто играли в войну, сражались с фашистами, ловили шпионов. Однажды ребята нашли в траншее большую гранату.

– Наша! – авторитетно заверил Гриша. – У немцев с длинной ручкой.

Все кивнули головами, потому что такие гранаты видели у фашистов за поясами.

– Наша, противотанковая! – крикнул Олег.

– Откуда знаешь? – оторопел Миша. – Наши солдаты кидали бутылки с зажигательной смесью, я сам видел.

– Я тоже видел у красноармейцев в бою такую гранату, которые готовились взорвать немецкий танк, когда мы попали на передовую.

– Ладно, спрячем пока ее, может, пригодится когда-нибудь, – прекратил спор Гриша. Мальчики затолкали гранату в дупло огромного дуба и прикрыли мхом, чтобы она сохранилась до поры, до времени.

– А, давайте отомстим немцам за летчика? – вдруг предложил Гриша. Он был старше всех из детей, смелее, поэтому его слушались.

– Как? – спросил Миша.

– Взорвем гранату на дороге, чтобы немцы не ездили!

– Здорово! – воскликнул Олег. – Большая воронка получится, не объедешь на мотоцикле!

– Пехота пройдет! – авторитетно возразил Миша.

– Ну, и пускай идут на своих двоих, наши встретят огнем, дадут прикурить! – упорствовал Гриша.

– А, я расскажу дедушке все! – неожиданно выпалила Даша.

– Да, он сказал, чтобы не брали в руки опасные предметы, можно, остаться без глаз, рук или даже головы! – поддержала сестренку Маша, утвердительно потрянув головой с тонкими косичками.

– Ты зачем их привел с собой? – грозно повернулись к Олегу Гриша и Миша. – Чтобы сопливые девчонки шпионили за нами?

– Мы – не сопливые, сам – такой! Будешь обзывать, тоже скажем дедушке! – обиделись девочки.

– Ладно, не будем! – пошел на хитрость Гриша. – И гранату спрячем подальше, чтобы потом отдать нашим солдатам, когда придут сюда. Это будет наша общая тайна, но вы поклянитесь, что не продадите нас.

Он смотрел внимательно на девочек, ожидая ответа.

– Мы не скажем никому, обещаем! – заверили они, широко раскрыв для убедительности синие глаза.

– Тогда идите домой, а у нас дела есть! – степенно сказал Гриша, хитро прищутив серые глаза.

– Ну, и пусть! – снова оскорбились «косички» и поплелись в деревню.

– Ну, сыграем в казаков-разбойников? – когда Даша с Машей скрылись за поворотом дороги, спросил радостно Олег.

– Выполним задание, тогда сыграем! – ответил Гриша, показывая гранату.

– Чье задание? – не понял Миша.

– Ты носишь чью пилотку? – спросил мальчик, показывая на голову, на которой почти на ушах сидела красноармейская пилотка, доставшаяся ему от проходившего с отступающей частью солдата.

– Нашу!

– Значит, и задание от наших, а не немцев. Что не понятного?!

– А, где взрывать будем? – дрогнувшим голосом спросил Олег. Ему было очень боязно. Одно дело – найти гранату и прятать ее от взрослых, осознавая, что страшное оружие находится в их руках. Другое дело – рвануть гранату на дороге, когда никто не имел представления, как это делается.

– Забздел? – Гриша внимательно взглянул, почувствовав неуверенность в голосе мальчика.

– С чего ты взял? Нисколечко? Просто, хотел знать, где? Дорога большая.

– Где, где! В самом узком месте рванем возле переезда. Там воронка от мины есть, в ней и спрячемся, чтобы осколками не посекло, – уверенно со знанием дела пояснил старший мальчик. Олег и Миша поверили ему. Все оживленной стайкой направились к месту задания, гранату несли по очереди, чтобы каждый прочувствовал важность задуманного дела.

Сначала пацаны потренировались на месте. Они кидали камни из воронки, стоя во весь рост, но после броска умело падали на дно. Получилось, что точнее и дальше всех, швырял Гриша. Ему и доверили выполнение задания.

Мальчик взял в руку боевое оружие, примерился и скомандовал:

– Не высовывайтесь из ямки, пока не долбанет!

Гриша размахнулся и бросил гранату. Полтора килограмма взрывчатки в металлической оболочке пролетели метров пять и упали на дорогу. Пацаны лежали на дне воронки и с

волнением ожидали, когда вздыбится, как на картинке, земля. Но прошла минута, другая и ничего не произошло. Тишина!

Мальчики дружно и осторожно выглянули из воронки. Никто не хотел выглядеть трусом.

– Может, не той стороной упала? – спросил Миша.

– Не, должна рвануть! Может, неудачно приземлилась на мягкое место и запал не сработал. Сейчас повторим! – Гриша стремительно выбежал из воронки и схватил гранату.

Пацаны замерли в укрытие в страхе, ожидая беды. Но старший мальчик уже стоял над ними и улыбался:

– В штаны не наделали, герои?

Он гордо прошелся по краю ямы, разглядывая побледневших друзей. Гриша явно вошел в раж от перевозбуждения:

– Ладно, можете подальше спрятаться отсюда. Я рвану гранату! Как говорится, если погибну за Родину и Сталина, то один.

Но Миша с Олегом отвергли позорное предложение друга и снова залегли в воронке. Гриша приготовился к последнему броску.

Но по дороге уже бежали, размахивая руками и что-то крича, Анна и Трофим. Девочки все же проболтались, когда Анна Максимовна, словно почувствовав что-то материнским сердцем, спросила их об Олеге. Маши и Даша замаялись, переглядываясь, чем только подтвердили догадку женщины, что здесь кроется тайна. Она решительно приступила к допросу сестренок, но те лишь пожимали плечами, верные данному мальчишкам слову. Тогда беспокойство Анны передалось Трофиму, и он показал внучкам на ремень, если что-то с постояльцем случится плохое.

Девочки сдались и рассказали страшную правду, попросив не выдавать их.

Мужчина и женщина помчались по дороге. Вскоре заметили воинов с гранатой. Трофим отобрал находку детей и сказал, что им повезло, что не догадались повернуть предохранитель. Иначе, взрыв был бы такой силы, что укрытие тоже накрыло, и пацаны вознеслось бы к небу.

– Как Херувимы, только без крыльев! – для убедительности сравнил он.

Гриша и Миша за проведенную военную операцию получили первое боевое крещение – их выпороли отцовскими ремнями, а Олега отругали и оставили неделю без прогулок за околицу.

Пацаны чувствовали себя почти героями, а Гриша заявил, потирая после наказания тощий зад:

– У меня мина в надежном месте спрятана, рванет не хуже гранаты.

Вскоре после этих событий партизаны в районном центре взорвали склад с топливом, погибло много фашистов. Жители в деревне рассказывали об этом шепотом, боязливо поглядывая по сторонам.

Следующей ночью Анна вновь слышала тревожные мужские голоса в избе, негромкий плач девочек, но не вышла из своего угла. Затем стукнула входная дверь, за окном протарахтели колеса телеги и все затихло. Но женщина больше не уснула, ей передалась тревога от посещения ночных гостей, которая витала, казалось, в доме, и она едва дождалась утра.

Глава 17

Запах хвои и свежесрубленного дерева перемешивался с едким дымом костра, от которого тянуло вкусной кашей.

Елена и Варя сразу же кинулись помогать кашевару Илье, мужчине средних лет, который помешивал деревянной палкой варево и, немилосердно ворча, обращался к девчатам:

– Где это видано, чтобы на войну брали одних командиров?

– Мы не знаем, дяденька, – пожимали плечами они.

– Вот и вы не знаете. А кто тогда скажет мне? Кто должен за конями смотреть, картошку чистить, кормить бойцов, воду носить, баню топить? Один Илья? К кому не обращаюсь: то помощник командира, то писарь, то пекарь, то интендант, то взводный или еще кто его знает. Все – белая кость: инструкторы горкома, работники исполкома, милиции, почты, избы-читальни. Работяг-то – кот наплакал.

Что – верно, то – верно, в первую очередь в партизаны записались коммунисты и комсомольцы, занимающие различные посты в советских аппаратах власти. Никто в партизанском отряде не хотел подчиняться, все желали командовать, как в мирной жизни. Даже охранять штаб ставить некого.

Командир отряда не хотел обижать начальников, поэтому черную работу взваливал на немногочисленную часть простого народа.

– Вот, скажи мне, – обратился к Елене кашевар, заметив, что ее слушается Варя, – почему командир угождает всем, как вашим, так и нашим? На войне не годится так. Слово командира – закон, сказано – сделано, нет – трибунал. Тогда будет порядок.

– Мы недавно здесь, дяденька, не знаем.

– Вот заладили дяденька и дяденька. Какой я вам дядя, мне сорок лет стукнуло, рано в старики записывать, зовите меня Илья. А вас, как прикажите величать?

– Лена.

– Варя, дяденька!

– Тьфу, ты! Ей говоришь стрижено, а она – брито! Бери ведро, за водой беги с глаз долой!

– Я моментом, дяденька!

Землянок в лесу вырыли достаточно еще до войны. Елена с Варей получили отдельную земляную хатку, были счастливы, что определились на место, даже поставили в консервную банку поздние лесные цветы на сколоченный из нетесаных досок стол. Командир приказал им выдать военную мужскую одежду без знаков различия и санитарные сумки с красными крестами.

– Что бы удобнее было зайками по лесу бегать, а бинтами перевязывать раны русакам, если кто из лесных зайцев на сучок наколется, – весело сообщил он девочкам. Он любил балагурить с девушками, устраивал вечеринки, и особенно не рвался в бой, предпочитая отсидеться в лесу.

Нерешительный и безвольный командир вызывал раздражение людей, а праздность разъедала дисциплину. Когда из отряда дезертировали три районных милиционера, комиссар И.С. Борисов созвал совещание. После долгих споров назначили нового командира. Круглов И.М. воевал в финскую войну, проявил героизм при штурме линии Маннергейма.

Он оценил обстановку, приказал арестовать дезертиров и доставить их в отряд. По законам военного времени их расстреляли перед строем. Бойцы почувствовали властную руку командира, беспрекословно выполняли приказы, безропотно несли службу. Анархия закончилась, но лагерь атаковали немцы. Нашелся предатель, который привел их на партизанскую базу.

Оставив заслон, партизаны под минометным огнем спешно уходили лесными тропами. Елена с Варей покидали кухонную утварь на телегу, держались рядом с телегой, запряженной лошадей, которую вел за уздцы Илья. Впереди маячила знакомая фигура Ефима, которой управлял упряжкой с провиантом.

Девушки вздрагивали от страшного грохота, когда рядом земля вздымалась от взрыва мины. Сосны валялись на землю, выворачивая корнями землю и приминая вершинами кустарник. Осколки, как ножом, пересекали толстые с руку сучья, которые устилали собой и без того ухабистые тропы.

Вдруг Илья охнул и повалился на землю, лошадь, испуганно поводя ушами, остановилась.

– Илья! – закричала Лена и кинулась к мужчине. Плечо Ильи заливала кровь. Подбежавшая Вера не своим голосом запричитала:

– Что с тобой, дяденька! Кровь, тебя убило? Ой, мамочка!

Побледневший повар, морщась от боли, усмехнулся:

– Горбатого могила исправит. Да не верещи, как резанная, помоги ей затащить меня на телегу.

Мужчина кивнул на Елену, и попытался встать на ноги. Девушки подхватили его и подвели к повозке, уложили.

– Теперь перевяжи и гони дальше, – Илья взглянул на Лену. – Молодец! Хорошо держишься.

Елена с помощью Вари наложила тугую повязку, как учили еще до войны на курсах медсестер.

– Теперь дай попить, – попросил раненый боец Елену. Она взяла алюминиевую фляжку и открутила крышечку, которая выпала из рук в траву. Девушка, чертыхаясь, нагнулась и стала искать ее. Недалеко раздался очередной взрыв, над ее головой, обдав горячим воздухом, пролетел осколок и вцепился в ствол небольшой сосенки, которая вздрогнув вершиной, перегнулась к земле. Если бы не пробка, то лежала бы сейчас Елена без головы вместо дерева.

– Оставь, гони! – девушка услышала в шуме стрельбы голос мужчины. Они бросились догонять отряд. Позади заслон уже отбивался от егерей: часто строчил пулемет, винтовочные выстрелы, как могли, поддерживали его. Минометный налет прекратился, стало тихо в лесу.

Партизанам удалось уйти от карателей. Новая база в урочище Прудины в тридцати километрах от города Андреаполь была подготовлена в августе военными строителями. Никто о ней не знал, кроме комиссара отряда.

Здесь, в глухом лесу, в окружение непроходимых болот, протекала Черная речка. На ее берегу были вырыты землянки. В отряде насчитали семьдесят человек. Несколько дней ушло на обустройство лагеря, а затем командир разбил отряд на четыре боевые группы. Когда отряды уходили на задание, часто на базе оставалось десять человек. Седьмого октября 1941 года группы ушли на первое задание. Одну из них возглавил командир, другую – комиссар, еще две – лейтенанты Красной армии, присланные в лес для усиления боеспособности партизан.

Через неделю партизаны вернулись на базу. За рейд уничтожили пять автомашин, в двух местах взорвали железнодорожное полотно. В результате ушел под откос вражеский эшелон, погибли десять немцев. Ни один мост уничтожить не удалось. Подходы к ним усиленно охранялись врагом, требовалась тщательная подготовка, чтобы осуществить диверсию.

Но и этого было достаточно, чтобы бойцы поверили в свои силы, а в округе заговорили о партизанах, которые били фашистов.

22 октября отряду сообщили, что в деревне Козлово немцы расстреляли красноармейцев, выбиравшихся из окружения. Командир Круглов со своей группой сразу ушел на задание. Между деревнями Теренино и Васильево они залегли у большака.

Больше двух часов прошло, когда послышался шум автомобильного мотора. Штабная легковая машина на скорости пыталась быстрее преодолеть опасный участок дороги.

– Огонь! – скомандовал командир. В лесу раздалась винтовочные и пулеметный выстрелы. Машина свернула с дороги и уткнулась носом в сосну. Два офицера, шофер и солдат были убиты. Партизанам достались важные документы.

Глава 18

К концу зимы 1942 года при обстреле города Ленинград осколком убило мать Полины.

Бабушка не решалась сначала говорить внучке, но хоронить Феодору без девочки не решалась, поэтому прижала к себе и все рассказала ей, добавив в конце:

– Твоя мама даже испугаться не успела, мгновенно умерла, не мучилась, сердечная.

Пожилая женщина закутала Полины, оделась сама, и они побрели на Серафимовское кладбище. Город по пути был почти безлюден, а редкие прохожие двигались очень медленно и осторожно.

Еще стояли сильные морозы, и с Большой Невки, откуда черпали воду для питья, клубился сизым саваном туман. Ветерок пронизывал до костей. Нина Петровна посмотрела на внучку и сказала:

– Сейчас зайдем в кочегарку и погреемся.

Возле общественной бани увидели штабеля трупов.

– Последнюю службу сослужат для людей, – пояснила бабушка, когда спускались по ступенькам в теплое помещение кочегарки. – Их сжигают вместо дров. Хоронить не надо, и вода горячая есть.

Город превратился в морг. В каждом подвале лежали мертвецы, дожидаясь вывоза. На улицах и проспектах лежали на белом снегу черные трупы.

Пожилой истопник не удивился посетителям, без улыбки спросил лишь:

– К Серафиму Саровскому пробираетесь?

– К нему, горе у нас, мать убили у внучки.

– Мир ее праху! – мужчина перекрестился.

После похорон с трудом вернулись домой. Полина не плакала, не было слез от холода и голода. На иждивенческие карточки жить стало еще труднее. Судороги в желудки от голода не приносили облегчения. Каждую минуту девочка думала о хлебе. С трудом дожидалась, когда бабушка протянет ей очередную порцию и нальет в кружку кипятка.

Во время налета фашистских самолетов перестали спускаться в бомбоубежище, безразлично сидели в комнате. Теперь спали на одной постели, кутались в одеяло, берегли тепло.

В марте стало теплее. Полина проснулась и позвала бабушку:

– Вставай, бабушка, будем кушать. Не молчи, бабуля!

Девочка протянула руку и дотронулась до лица старой женщины. И сразу отдернула: щека была ледяная.

Полина с трудом перебралась через бабушку и побрела к соседке.

– Тетя Валя! Бабушка не шевелится, а я хочу есть. Мне страшно!

– Ты посиди на стуле возле окошка, Полечка. Я тебя закутаю одеялком, чтобы теплее было. А ты смотри в окошко, как мы повезем твою бабушку, попрощайся с ней.

С собой брать девочку нельзя, она с трудом ходила на распухших ножках...

Старенький вагон покачивало, убаюкивая и клоня ко сну пассажиров, расположившихся на грубо сколоченных нарах из неотесанных сосновых досок, пахнущих смолой.

Через маленькие окна под самым потолком виднелось только небо с темными облаками.

Под деревянным полом слышалось мерное перестукивание колес. Иногда вагон сильно кренился, и у Полины замирало дыхание. Ей казалось, что состав сейчас опрокинется и покатится под страшный откос. Она закрыла глаза от ужаса, который был схож с тем, который она испытала при перелете из военного Ленинграда на Большую землю.

Страхи появились после блокадных переживаний и голодной дистрофии. Девочка не раз видела, как тихо угасали ослабленные люди в городе. Достаточно было позволить себе сесть в снег по пути за водой или передохнуть на промерзших ступеньках между этажами, чуть-чуть не добравшись до своей двери.

До войны Полина счастливо жила с папой и мамой на Васильевском острове. Когда началась война с фашистами, и отец ушел на фронт, девочке исполнилось семь лет.

Он хорошо запомнила, как папа пришел домой в военной форме, чтобы проститься с ней, мамой и бабушкой. Мужчина взял ее на руки и, крепко прижимая к груди, сказал:

– Будь умницей, Полюшка, слушайся маму с бабушкой, а я прогоню врагов с нашей земли и вернусь к вам. Ты мне расскажешь, что ты сделала, чтобы пережить тяжелые времена, как помогала маме с бабулей.

Его голос слегка подрагивал, но был тверд и необычайно серьезен, глубоко проникал в сознание девочки.

Она обхватила ручками голову отца и обещала выполнить все, что он говорил. Полина еще не знала, что такое война, но по тревожному поведению родных поняла, что случилось что-то страшное и непоправимое.

Через два месяца в доме не стало в достатке продуктов, и девочка впервые испытывала голод. Теперь она радовалась любому кусочку черного хлеба, которым делились с ней мама и бабушка, тайком отрывая от своих пайков. Девочка старалась не плакать, когда голод донимал ее, а зимой ходила вместе с бабушкой за водой на реку. Она мужественно тащила по скользкой обледенелой тропинке целый чайник драгоценной влаги вслед за бабулей с ведром. Полина мечтала, что расскажет папе, когда он вернется, как из невской воды, которую она принесла домой, бабушка накипятила чаю к приходу с работы мамы. Втроем сели за стол и долго чаевничали горячей водой, заваренной морковью.

Глава 19

Немец стволом автомата повел в сторону поляны, и Павел с трудом поднялся на дрожащие от напряжения ноги. Медленно огляделся вокруг и, покачиваясь, как пьяный, направился в сторону, указанную конвоиром. На поляне уже стояла обезоруженная группа советских солдат с поднятыми руками. Они подавленно молчали, исподлобья разглядывая фашистов. Павел Семенович присоединился к ним.

От удара в мозг Павла путались мысли, он не мог сосредоточиться, с трудом стоял, сдерживая тошноту. Начинался его долгий путь по мукам.

Пленных, подталкивая в спину автоматами, вывели на дорогу и куда-то повели. Через километр группу загнали на большое поле недалеко от большака. Там уже находились пленные красноармейцы, и «пополнение» влилось в общую толпу. Некоторые солдаты были ранены. Кто в руку или голову, кто – плечо. Они сидели на траве, и у многих через марлевые повязки проступила кровь. Лица пленных были бледны и измождены ранами, усталостью и голодом, безразличны к происходящему вокруг них.

Павел Семенович повалился на землю и закрыл глаза, ожидая расстрела. Сейчас было неважно, лишь бы закончился этот кошмар блуждания по лесу, и можно было бы спокойно умереть или, если повезет, жить дальше, но сытым и здоровым.

Ветер, неожиданно налетевший на поле, отогнал смрад загнивающих ран и крови, пригнал тучи. Начался дождь, который освежил пленных. Красноармейцы подставляли пилотки и собирали воду, чтобы напиться.

Павлу полегчало, у него не так сильно кружилась голова, но ночью было холодно, от намокшей одежды тело пробивала крупная дрожь.

Утром немцы подняли плененных воинов и повели в Сычевку. Там завели в колхозный амбар и оставили на ночь голодных и без воды. Не все увидели рассвет следующего дня, остались лежать на соломе три человека, которые умерли от ран и недоедания.

Солдат построили в колонну и в сопровождение охраны с собаками на поводках форсировано погнали в Ржев. Через час бешеной ходьбы некоторые не выдержали и упали на землю. Колонна расступалась и, не снижая темпа, равнодушно шла дальше. Павел, сцепив зубы, старался не отставать, чтобы не получить удара в спину. Через одиннадцать часов достигли города Зубцов, где колонну придержали полчаса для отдыха на площади. Местные жители выбегали из домов, завидев пленных соотечественников, и бросали им хлеб и вареный картофель. Павлу Семеновичу удалось схватить на лету горбушку хлеба. Он с жадностью вцепился в нее зубами, стал есть. Он заметил рядом голодный взгляд

высокого худощавого солдата, который, не отрываясь, смотрел на краюху. Павел вздрогнул от звериной жадности во взгляде молодого мужчины, отломил половину и протянул ему:

– Бери, ешь! Брюхо не терпит пустоты. Как звать-то тебя?

– Илья! – машинально ответил он, схватив хлеб, и неуверенно добавил, – спасибо, тебе самому мало было.

– Меня Павлом величают. Ты не благодари, много хлеба вредит солдату. Злее будем на голодный желудок.

Вроде, по небольшому куску чернухи жадно проглотили Павел и Илья, но это прибавило им сил. Мужчины даже повеселели и бодрее шагали дальше по пути в фашистскую неволю.

– В лесу взяли? – спросил Павел.

– Там. Напоролись на фашистов, переодетых в наших командиров. Они и привели без боя в плен.

– Гады!

– Нелюди, что говорить, но нужно теперь держаться, не падать на землю. Пристрелят! А меня ждут дома жена, дети.

– Я – холостой, но отец и сестры тоже будут рады, если уцелею.

В город Ржев колонна пленных вошла, когда уже стемнело. Красноармейцев завели на футбольное поле, оборудованное под лагерь, огороженный колючей проволокой и освещенный прожекторами. На середине сброшено горкой прошлогодняя солома для подстилки. Солдаты засуетились вокруг нее, хватали охапки, кидали на землю и падали на нее, забываясь усталым сном. Ни воды, ни еды не дали, за проволокой свирепо лаяли овчарки, слышалась чужая речь.

Павлу с Ильей тоже досталось соломы, они постелились возле футбольных ворот и легли. На черном небе светились, как угли, звезды. Мужчины лежали на спинах, рассматривая их.

– Смотри, мирное небо над нами и звезды, как до войны. Может, нам все приснилось? – тихо сказал Илья.

– Много отдал бы, если это был только сон. Но одно хорошо, небо фашистом не закрыть колючей проволокой и звезд не погасить. Они всегда будут нас поддерживать, потому что над русской землей горят, значит, наши, и никакая сила не отнимет от нас.

– Это – верно, небо не отберут, как и воздух, которым дышим, но свободы лишили нас, и неизвестно: выберемся ли мы когда-нибудь отсюда.

– Вот, ты ответь мне. На войне, говорят, гибнут в первую очередь трусы. Значит, трусы убиты, храбрые воюют на фронте. А кто – мы? Солдаты, которые к фашистам угодили?

– Я тоже думал об этом. Мы не по своей воле угодили сюда. Нас взяли в плен, потому что находились без памяти. Те, которые сами к немцам пришли, предатели. Трудно будет доказать, как все произошло на самом деле.

– Вот и я об этом же. Как бы нас не обвинили в измене Родине. Я убегу из плена, не буду ждать у моря погоды. Не хочу, чтобы меня облили грязью, что не выполнил приказ: живым не сдаваться.

«Чуть горит зари полоска узкая,

Золотая, тихая струя...

Ой, ты, мать-земля родная, русская,

Дорогая родина моя!»

Глава 20

Шестнадцатого мая, а зима в разгаре. Метели припорошивают почерневшие сугробы новым снегом. Кругом ослепительная белизна.

День. До темноты можно отдохнуть и заняться своими делами. В светлое время враг не решается сунуться для проводки судов. Доклад вахтенного сигнальщика оказывается полной неожиданностью:

– Пеленг двести шестьдесят девять градусов, дальность сто сорок кабельтовых, курс сто тридцать — транспорт и четыре катера.

Батарея изготовилась к бою. Тотчас следует новое сообщение:

– Пеленг двести, дальность шестьдесят, высота три тысячи, курсом на батарею девять «юнкерсов».

– В чем дело? Что заставило их пойти днем? – тревожились командиры.

– Бес их знает! Проверяют батареи на готовность, как их учили, с самолетами и эскортом.

«Юнкерсы» роятся над старой позицией. Метель занесла там дорожки вместе с макетами. Новой позиции немцы пока еще не разведали. Потому что отсюда не сделали ни одного выстрела.

Транспорт ползет медленно.

Батарея открывает огонь с предельной дистанции, когда транспорт подошел на 80 кабельтовых.

В боевой рубке КП даже вылетели стекла, насколько мощно «плюнули» пушки.

«Юнкерсы» тотчас пошли в пике, но на старую позицию. Значит, первого залпа с новой позиции фашистские летчики не засекли.

Сразу после залпа для маскировки дали орудиям угол снижения. Фашистские бомбы рвутся в стороне.

Дальномерщики доложили о результатах первого залпа: накрытие!

И снова залпы гремят над заливом.

Немецкие летчики уже разобрались, откуда велся огонь, и ринулись в атаку на новую позицию, поливая ее из авиационных пушек и пулеметов. Бомб не бросали — все израсходовали на ложную позицию.

Зенитная батарея Пушного и счетверенная зенитная установка подключились к бою. Один самолет загорелся и ушел на свою территорию.

Батареи противника поддержали корабли ответным огнем.

Катера ставят плотную дымовую завесу. Они легли на обратный курс — навстречу транспорту. Над транспортом поднимаются пламя, дым.

– Попадание! — радостно докладывает дальномерщик.

– Горит! — кричит и сигнальщик.

Катера быстро закрывают транспорт сплошным белым дымом и, уменьшив ход, идут на расхождение.

Командир батареи Поночевский командует:

– Обстрел акватории!

Батарея дает шесть залпов. Цели не видно. Катера находятся за пределом дальности стрельбы. Самолеты уходят.

– Постама искать транспорт! – кричит командир.

Но транспорта не видно — даже высокие горы в дымовой завесе.

– Катера сбросили морские дымовые шашки, — докладывает сигнальщик.

По курсу катеров черными кляксами легли дымовые шашки, к небу поднялся кудрявый белесый дым.

– Вот, гады, додумались!

Но вход в залив чист. Значит, транспорту не прошел. Дымовая завеса медленно уходит на запад, корабль прячется за ней.

– Наверное, лег на обратный курс, — сокрушается кто-то. — Гасит пожар.

Артиллеристы огорчены, каждый вставляет свое слово.

– Жаль, очень жаль, — гудит на ухо командиру комиссар Бекетов.

– Конечно, жаль, но что поделаешь? — отмахивается тот.

– Еще одно попадание, и он не ушел бы...

– Задача выполнена – порт блокировали.

– Уничтожить, понимаешь, топить надо, а не повреждать!

Всем до боли обидно, но дальше 80 кабельтовых транспорт уже не достать.

Иван тоже недоволен: столько труда, а результат нулевой. Он угрюмо смотрит на белую муть дымовой завесы и слушает, как тихо спорят товарищи о том, прав ли командир, что открыл огонь с предельной дистанции. Одни считали, что поторопился.

Но можно ли пускать противника дальше? Куда? Прямо в порт? Оттуда до входа в порт всего 12 кабельтовых. Это не более пяти, семи минут хода при малой скорости. А что такое пять минут при плохой видимости, да если еще цель закрыта дымом?

Спорят не только матросы.

– Не рано ли открыл огонь? – спрашивает комиссар Бекетов.

– Нет, бить надо с предела, – уверенно отвечает Поночевский.

Комиссар считает, что следует немедленно критически разобрать ход боя. Ведь это только начало, первый бой. Очевидно, враг прощупывает возможности.

Через полчаса дымовая завеса, все время поддерживаемая катерами, рассеялась: на море ни катеров, ни транспорта.

Поночевский вызвал на командный пункт всех командиров.

Прибывающие на совещание подавлены.

Краснофлотцы слышат, как лейтенант Годиев, сверкая черными глазами, шумно здоровается и темпераментно кричит:

– Влепили гаду! Жаль, что сбежал. Надо было ввести в дело моих стрелков!

– Ну конечно. Только потому и не добились победы, – иронически замечает кто-то из офицеров.

– Почему не добились? — горячится Годиев. – Будет победа. И сегодня победа!

Транспорт не прошел.

– Не велика победа, — вмешивается врач, капитан медицинской службы Попов.

– Вы, медики, что в этом понимаете?! Только клизмы умеете ставить!

Попов и Годиев переругиваются, их разнимает Бекетов.

Этот спор немного разрядил атмосферу, ослабил напряжение.

26 мая был особенно богат снежными зарядами. Пелена за пеленой напоздали с северо-запада на полуостров. Вахтенные сигнальщики то и дело отмечали в «Журнале наблюдения» перемену видимости.

Солнце – в зените. Все, кроме вахтенных, легли отдыхать.

– Десант! – доложили наблюдатели.

Сигнал боевой тревоги поднял всех на ноги.

– Где десант? – подлетел к стереотрубе командир.

Лейтенант Трегубов, не отрываясь от стереотрубы, шептал:

– Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать... Товарищ командир! Пеленг двести сорок градусов, дальность сто восемьдесят кабельтовых, курс восемьдесят градусов — семнадцать кораблей противника.

– Вижу, что за корабли?

– Три больших, наверное, транспорты, шесть средних, похоже, тральщики, восемь малых – катера.

– Думаете, это десант?

– Похоже. Столько никогда не ходило.

– Кораблей много, не спорю, но это конвой!

На ярком горизонте небольшие суда кажутся большими. Танкер, два транспорта, шесть тральщиков и восемь сторожевых катеров. Впереди, в кильватер, сторожевые катера. За ними тральщики. Между берегом и эскортом следует караван — транспорт, танкер и транспорт. Всего 17 единиц.

Быстро передали донесение в Полярный. Возможно, помогут авиацией.

Поночевский звонит командиру армейской батареи Василию Кокореву:

– Видишь армаду?

– Вижу, вижу.

– Надо стрелять по катерам. Да! Тебе стрелять по катерам. Не допускать постановки дымовых завес. Меня прикрывать не надо. Пусть бьют. Главное — расстроить их боевой порядок.

– Хорошо. Сейчас выкачу орудия на прицельную наводку и буду стрелять дистанционной гранатой.

– Давай, время еще есть. Наш успех зависит от тебя, от того, как ты подавишь катера. Батарея давно изготовилась к бою. Ждет. На дальности 100—120 кабельтовых караван замедлил ход.

– Чего-то ждут, — заметил кто-то.

– Авиации, — уверенно отозвался лейтенант Трегубов. Отдаю боевое распоряжение зенитчикам:

– Патроны зря не жечь, стрелять только на дальности действительного огня и по пикировщикам.

Маркин настойчиво проверяет правильность подготовки данных для первого залпа. Игнатенко то и дело запрашивает у дальномерщиков дистанцию до кораблей. Чувствуется, что люди волнуются.

Немцы стали перестраивать боевой порядок конвоя. Катера пошли строем фронта. Очевидно, попытаются поставить дымовую завесу в восемь рядов. Тральщики пошли прежним строем — в кильватер, прикрывая караван с моря от возможных действий советских подводных лодок, торпедных катеров и авиации. Между тральщиками и противоположным берегом за катерами по-прежнему следовали три корабля. Головной транспорт водоизмещением свыше десяти тысяч тонн.

– Самолеты противника! — доложил наблюдатель.

Черные машины с белыми крестами, заходят один за другим в круг над батареей. Зенитная батарея не открыла огонь — высоко. Пусть фашистов радует отвлекает мнимая подавленность.

Двадцать четыре бомбардировщика — не шутка. Над ними осами носятся «мессера». На батарее ни звука. Только рев моторов в небе.

Командиру звонит Бекетов.

– К нам прибыла тридцатисемимиллиметровая зенитная батарея. Куда поставить?

– Где она сейчас?

– Справа от первого.

– Пусть там и развертывается к бою.

Связь на батарее единая, каждое слово слышат на всех боевых постах.

– Дальность девяносто пять! — докладывает дальномерщик Андреев.

– Огонь открывать с 74 кабельтовых, — передает команду Поночевский.

Не спеша, идут корабли. Кажется, время стоит на месте. А самолеты беснуются над головой. Батареи не подают признаков жизни.

– Дадим концерт фрицам? — кричит все по связи командир батареи.

– Обязательно!

– У как же, устроим, — слышатся голоса командиров орудий Покатаева и Фисуна.

– До смерти развеселим, — доносится басистый голос Ивана Андреева.

Такая переключка отвлекает от ревуших самолетов.

В ожидании боя даже напевали...

– Дальность семьдесят шесть кабельтовых! — сообщает Иван.

– Приготовиться! — предупреждает боевые посты командир батареи.

– Дальность семьдесят пять!

– Дать угол возвышения! — командует Поночевский на огневую.

– Дальность семьдесят четыре с половиной!

- Поставить на залп!
- Дальность семьдесят четыре!
- Залп!

От дружного залпа трех орудий крупного калибра задрожала земля.

Самолеты повернули на вспышки. Первый начал пикирование. Мгновенно заработали зенитные орудия, пулеметы, винтовки. Огневая завеса понеслась навстречу самолетам. Первый самолет не выдержал, второпях сбросил смертельный груз и отвернул в сторону. В общий треск зенитного оружия врезался вой бомбовых сирен, грохот разрывов. За самолетом – черный хвост дыма, машина в пламени. Пылающим факелом она нырнула в море.

По сторожевым катерам открыла огонь батарея Кокорева. Один катер окутался пламенем.

На батарею яростно обрушилась артиллерия противника. Над полуостровом слышен сплошной гул.

Сторожевые катера попытались ставить дымовую завесу, но удачные взрывы дистанционных гранат кокоревской батареи разогнали их.

Горящий катер разлетается в щепки от взрыва. Три других повернули назад. Остальные прибавили ходу и позорно бежали в залив Петсамовуоно.

221-я батарея перешла на поражение.

На четвертом залпе над головным транспортом взметнулся столб пламени, дыма, и тут же последовал сильный взрыв. Видно, как падали мачты.

– Тонет! – кричит Иван.

Транспорт медленно уходил под воду. Батарея перенесла огонь на танкер. Теперь дымовую завесу пытаются ставить тральщики. Но и они не выдержали обстрела кокоревской батареи и тоже легли на обратный курс.

Танкер медленно ползет вперед. В корму подпирает идущий сзади второй транспорт, слева тральщики, справа берег, а впереди гибель. Он в мешке. Тогда начинает маневрировать идущее сзади судно. Танкер пытается повторить за ним, но седьмой залп дает прямое попадание. Танкер похож на горящий остров.

На огневой позиции кричат «ура». Тральщики и второй транспорт к этому времени вышли за предел дальности стрельбы батареи.

Второй самолет противника валится в море. Огонь по батарее открыли тральщики. Но их снаряды не долетают до берега.

Батарея прекратила стрельбу по танкеру. Он в огне, потерял ход и дрейфует. Других целей на море нет.

С позиции батареи несется троекратное:

– Ура! Ура! Ура!

Затем артиллеристы побежали к пулеметчикам. Кого-то стали подбрасывать в воздух в благодарность за поддержку против самолетов.

– Почему тянете с докладом? – прервал суету командир батареи.

– Виноват. Все в порядке. Потерь личного состава и повреждений техники нет.

– Сбито два самолета, третий повредили, но он ушел к себе. Тяжело ранен командир зенитчиков лейтенант Павлов. Его отправили в госпиталь, но боимся, что не доvezут.

После боя прошло три часа, а танкер все горел. Прилив пригнал его к берегу.

Кто-то предложил поставить танкер на якорь, как память о сегодняшнем бое. Мысль кажется всем заманчивой, но как забраться на танкер?

Глава 21

Осунувшийся лицом Трофим уже бродил по двору. Мужчина сообщил, что внучек забрал сын к себе в город, их звал тоже, но они отказались.

– На кого такой домина оставим, вмиг все растащат! – заявил он поселенке. Хозяин избы все еще был уверен, что Анна принимает его сына за полицаю, который служит в городе.

Еще Трофим сказал, что соседнее село сожгли каратели, а жителей куда-то увели. Их деревню Бог миловал, так что беспокоиться не стоит пока.

Анна Максимовна накормила сына, наказав ему сидеть дома и за ворота не показывать носа, и побежала на работу.

Как назло, по пути повстречался староста, который ненавидел женщину. Он еще не забыл ее шутки, поэтому, заметив молодую женщину, ехидно сказал в спину:

– Немецкая власть не забрала еще тебя? Недолго ждать, настанет час, жди!

– Ждать – не устать, было бы чего искать!

– Ну, ну! – ухмыльнулся ей в спину тот.

Скоро настал этот день. Анна ждала его и держала под топчаном необходимые вещи в вещевом мешке. Она успела бросить туда каравай хлеба и вареный картофель, когда налетели на деревню немцы. Трофима и Марфу сразу увели куда-то, а поселенку с ребенком выгнали на улицу. Фашисты были хорошо осведомлены, кто жил в деревне и каком доме.

– Постарался, сморчок! – зло вспомнила Анна плюгавого старосту.

Потом всех согнали на дорогу и под конвоем, пешими, повели, как скот, на запад. По дороге примыкали люди из других деревень. С каждым днём этих несчастных людей становилось всё больше. Была летняя жара, и, когда проходили через деревню, немцы поджигали дома, и становилось ещё жарче. Люди шли по пыльной грунтовой дороге и вглядывались: впереди не видно начала колонны и конца не видно. Конвой был и спереди, и сзади, и по бокам. Останавливались только на ночь, в поле или около речки. Продуктов немцы не давали, люди кормились тем, что успели прихватить с собой.

Рано утром конвоиры кричали:

– Рус, вставай, поехали...

И опять вели их целый день по жаре пешком.

Несколько раз налетали на мирную колонну одновременно советские и немецкие самолёты. Они стреляли друг в друга, кружась, как шмели над людьми, потом разлетались в разные стороны, не причинив никому вреда.

Когда подходили к городу, из облаков вынырнули два советских истребителя. Их обстреляли из зениток фашисты. Они подбили один самолет, и он, выпуская черный шлейф дыма, потянул за лес. Другой остался невредимый и моментально исчез из вида.

Колонну пригнали к железнодорожному вокзалу и расположили на большом лугу рядом. Это была уже Эстония. Ночью появились советские бомбардировщики и бомбили какой-то объект в городе. Анна прикинула, что не дальше километра, поэтому сюда долетали осколки. К счастью, никого не задело, но люди ужасно боялись, лежали, закрывая руками головы.

Два дня фашисты делили людей на группы и переписывали всех. Затем погрузили в товарные вагоны, дали по буханке хлеба на душу и куда-то повезли.

Анна и Олег пристроились возле стенки на полу. Рядом сидели другие женщины и дети, тихо переговаривались между собой. Через приоткрытую дверь вагона иногда мелькали исковерканные вагоны и рельсы – результат налета авиации, и все молили Бога, чтобы не разбомбили их эшелон.

Олегу очень хотелось кушать, но мать не давала много, говорила, что неизвестно, сколько еще ехать, нужно экономить. Мальчик, чтобы не думать о хлебе, нашел в стенке щелочку и рассматривал через нее пробегающий лес и телеграфные столбы вдоль железной дороги. Когда надоело это занятие, принялся играть с соседним мальчиком на щелбаны.

Анна то о чем-то судачила с женщинами, то дремала, низко опустив голову на грудь, то размышляла о том, что будет с ними дальше. Вот, уже год живет с сыном в неволе и

конца, края этому не видно. Олег не доедает, не учится в школе. Они спят как попало, урывками. Кругом бродят смерть, болезни и страдания.

– Господи! Сделай так, чтобы прекратилась бессмысленная бойня, пришел мир, и люди могли жить, как раньше, – прошептала Анна и перекрестилась.

– Ты чего, мама? – сын удивленно смотрел на нее. – Ты говорила, что не веришь в Бога, когда папа спрашивал тебя.

– Да, верю, сынок, верю в Бога. Кому еще доверяться в такое смутное время? Отец у нас партийный человек, им запрещена вера в Господа. Вот, и притворялась, чтобы угодить ему. Грешна была, каюсь! Домой вернемся, повешу иконы на место.

На остановках конвоиры разрешали выходить из вагонов, но далеко не давали отходить, стреляли в спину, если кто отдалялся слишком далеко. Иногда эшелон встречали местные жители и передавали хлеб. На всех не хватало, но люди радовались, что кто-то заботился о них.

Рано утром состав прибыл на станцию недалеко от моря. Анна с Олегом видели через дверь бескрайнюю водную равнину, испещренную белыми пенными барашками волн, и услышали, как кто-то сказал:

– Балтийское море, товарищи.

На что какая-то женщина в вагоне отчаянно крикнула:

– Утопят, как котят!

Но и без этого заявления людей одолевал страх – неизвестно, что будет с ними дальше.

Затем последовала команда разгружаться. Людей повели колонной в лагерь, который был в километре от моря. Когда завели в ворота, то все увидели одноэтажные казармы. Женщины и дети разместились прямо на бетонном полу без кроватей, одеял и подушек. Что было с собой у кого, то и стелили. Опять переписали по группам по тридцать человек. Каждой выдали по паре ведер, чтобы ходить в столовую дважды в день. Там наливали по ведру супа и чая, выделяли на каждого по сто грамм хлеба.

Анна впервые услышала о карантине и, что они находятся в Польше. Их держали здесь целый месяц. Самые слабые – старики и дети – болели и умирали. Никто не лечил, человек триста отправили на местное кладбище за это время.

Голодные ребята часто бегали на кухню. Там выбрасывали картофельные очистки, и они набрасывались на них, как мухи на мед. Самые нерасторопные из детей оставались ни с чем.

Олегу тоже частенько не доставалось очистков, и он сопровождал счастливиц до барака в надежде, что кто-то поделится. Такого никогда не случалось, но голодные дети надеялись на чудо.

В этот раз Олег снова вернулся от кухни с пустыми руками. Он лежал на полу и наблюдал, как один мальчик жадно поедает из консервной банки картофельные очистки. Едва он закончил трапезничать, как схватился за живот и повалился на бок. Его вырвало.

К нему подполз его ровесник, мальчик десяти лет съел вырыганный массу.

Олег отвернулся, а Анна, наблюдавшая страшную картину, заплакала, прижимая к груди сжатые кулаки, и сквозь слезы молилась Богу:

– До ручки довели людей, помоги им, Господи!

Затем людей снова погрузили в товарные вагоны и выдали немного продуктов, чтобы только не умерли с голоду. Так везли несколько дней. На одной остановке Олегу на пекарне рядом со станцией дали белый батон. Он осторожно запихал его за пазуху и принес в вагон.

Анна половину отдала соседям, а свою долю поделила с Олегом. Они смаковали каждую крошку и были очень счастливы в этот день.

Всех выгрузили в германском лагере Дахау и разместили в бараке с трехъярусными нарами из грубых досок. Два дня заполняли документы на них, водили на осмотр к врачу, где отсортировали людей: кого для работы, кого для медицинских опытов.

Анне повезло, ее определили в рабочую группу, поэтому на третий вывели с утра на большую площадь. Взрослым навесили бирки с адресами, куда они предназначались на работу.

Олег не понимал, что было написано по-немецки на картоне, висевшем на груди матери. Он не отходил ни на шаг от нее, боялся, что останется один, если ее увезут без него. Заказчики подходили, читали надписи, находили своих рабочих и уводили. Толпа редела, а Анна Максимовна и Олег все стояли на месте.

Наконец к ним подошел пожилой немец, взглянул на бирку и сказал:

– Meine!

Больше он не проронил ни слово. Мужчина привел мать и сына на станцию и посадил на поезд. Они ехали несколько часов, пока не остановились на большой станции.

– Ulm, – буркнул немец и показал, чтобы выходили из вагона.

Затем он провел их на другой перрон и посадил в первый вагон. Олег видел через стекло двери, как маленький паровоз окутался паром, вагон дрогнул и покатился по рельсам, весело постукивая колесами.

Через полчаса вышли уже на небольшой станции. Там их ожидала конная повозка с молодой белокурой женщиной.

Хозяин кивнул головой немке и показал Анне, чтобы садилась на телегу. Анна усадила Олега на повозку рядом с встречавшей женщиной, а сама пошла рядом, как и хозяин. Тому понравилось, что русская бережет лошадь и идет пешком. Он добродушно улыбнулся и ткнул себя в грудь рукой:

– Walter!

– Анна, – показала на себя русская женщина, затем на сына. – Олег.

– Ана! Ольег! – смешно повторила девушка на повозке и приложила руку к своей высокой груди, представилась:

– Elsa.

– Schwiegertochter! – добавил Вальтер, кивая головой в сторону возницы. Анна не поняла, но охотно кивнула, чем развеселила Эльзу, которая рассмеялась звонким колокольчиком. Свекор досадливо нахмурился, она смолкла и прихлопнула возжами бока серой лошадки, которая, почувствовав слабинку, сбавила шаг.

Они проехали небольшим лесом, потом полем и въехали на большое крестьянское подворье с амбарами и двухэтажным жилым домом. Чистый и асфальтированный двор, четкие линии дорожек, ажурные занавески на окнах приятно удивляли и привлекали внимание приезжих из России. Вальтер завел Анну с сыном в помещение на первом этаже. Это была кухня, где стояли кирпичная плита, топившаяся дровами, большой стол и буфет. Затем он открыл дверь в небольшую комнату и, приложив ладонь к уху, сказал:

– Schlafen.

Анна в этот раз поняла и охотно кивнула головой. В это время пришла моложавая хозяйка и протянула руку с узенькой ладонью Анне Максимовне, которая недоуменно вытянула навстречу свою. Пожилая женщина перехватила ее руку и пожалала, как обычно делали мужчины между собой, а Вальтер ее представил:

– Frau Marta.

Хозяйка приказала нагреть воду в небольшом котле в ванной комнате. Там стояла эмалированная ванна, в которой купались и стирали белье. Анна наносила воды из небольшой речки, протекавшей за домом. Олег натаскал дров под присмотром Марты, и вскоре вода закипела. Анна помогла вымыться сыну и намылась сама.

Грязную воду хозяйка приказала выливать в овраг в ста метрах отсюда. После этого их пригласили к столу, который накрыла Ельза. Она поставила перед ними по тарелке супа, по большому куску хлеба и по стакану эрзац-кофе. Впервые женщина и мальчик почувствовали сытость в желудке. Горький кофе не понравился им, но они выпили его, чтобы угодить хозяевам. Так началась жизнь матери с сыном в Германии на окраине небольшого швабского города Шельклингин.

Кроме них, на подворье уже работал пленный поляк, который ночевал в амбаре с сеном. Он с утра до вечера пропадал с Вальтером на поле. Сын хозяев погиб в первый день войны с СССР, и власть оказывала помощь крестьянской семье рабочей силой.

На другой день, прежде, чем уйти в поле, хозяин заставил Анну и Олега пилить дрова. Они лежали неровным штабелем во дворе. Рядом стоял «козел» и к нему приставлена пила с двумя ручками.

Работа явно не клеилась. Мальчик ни разу не держал в руках инструмент. Его маме не часто приходилось этим заниматься тоже, поэтому полотно застревало в двухметровом стволе, гнулось, не желая пилить проклятую древесину. Женщина выбивалась из сил, кричала на сына, чтобы сильнее тянул за ручку пилы, но дело не шло. К обеду они едва напилили десяток чурок.

Анна заметила, что из окна второго этажа за ними наблюдает старая женщина. Которая открыла окно и стала им что-то кричать по-немецки.

– Что орать, когда тебя не понимают, – возмутилась в полголоса женщина. – Дрек, дрек. Что бы это значило? Да, похоже, немка не в себе немного.

В обед пришел Вальтер, который раскричался на Анну. Как оказалось, что нужно было пилить сначала сухие и лиственные лесины, а не те, которые поближе и хвойные. Хозяин, очевидно, говорил ей это вчера, но она не поняла.

Немец переговорил с женой. И с тех пор Анна работала под руководством Марты в доме, а Олег выполнял отдельные поручения хозяев. Остальное время проводил во дворе, играл с большой собакой и лазил по деревьям. Чем злил старую женщину на втором этаже, которая всегда кричала из окна одно и тоже. Мальчик слышал привычные:

– Дрек, дрек! – и не обращал на нее внимание.

Глава 22

Елена и Варя несколько раз бегали к комиссару отряда, просили записать их в боевую группу.

– Забота о раненых, вовремя приготовленный обед, стирка – не менее важная работа для партизанского отряда.

– Так, кроме Ильи, раненных и нет, а кашу Ефим стоговит. Мы согласны санитарями пойти в рейд, только скажите командиру, чтобы взял.

– Ладно, поговорю, может, найдет вам задание по силам.

– Вот, обещаете все, а сами не берете нас, – уходя, буркнула Лена.

Но через день девушек вызвал в штабную землянку командир.

– Кто из вас бывал в Охвате? – спросил Круглов, когда партизанки вошли и остановились напротив стола, за которым он сидел.

– Я, – подала голос Варя, застенчиво поглядывая на сильного мужчину. – У меня дядька Арсений живет возле водокачки.

– Да садитесь к столу, поговорим о деле. В ногах правды нет!

Холодным декабрьским вечером 1941 года Елена и Варя возвращались из разведки. Они были довольны, что удалось собрать ценные сведения о размещении воинских частей и техники противника на станции Охват. Они прошагали за день больше пятидесяти километров. Им осталось пересечь железную дорогу и уйти в лесной массив.

Страшный взрыв оглушил девушек уже возле самого леса и взрывной волной отбросил в сторону. Разведчиц засекли немцы и стали бить по ним из минометов.

Елена Ершова не помнила, сколько времени она пролежала без памяти. Когда очнулась, услышала стон. Лена подползла к подруге.

– Ты как? – спросила Варя. – Я, похоже, ранена.

Осколком Варе Вихровой разворотило ногу. Елена приподнялась, чтобы перевязать подругу. Немцы заметили и снова открыли огонь. Лежа, не поднимая голову, Лена перебинтовала Варю. Потом из платья и ремня соорудила волокушу. Она несколько

километров ползла с тяжелой ношей по лесу, пока не наткнулась на партизанский дозор. Варя была спасена.

Декабрь сорок первого года оказался вообще неудачным для партизан.

Когда территорию Ленинского района (ныне Андреапольский) захватили фашисты, Лида Сидоренко из Андреаполя стала разведчицей партизанского отряда.

Все задания она выполняла с юношеским задором, гордясь тем, что именно ей доверяют самые опасные поручения.

В декабре один из предателей выдал Л. Сидоренко. Вместе с нею были арестованы младшая сестра Вера и их мать Анна Тимофеевна. Начались жестокие пытки и издевательства.

– Расскажи, где партизаны, и ты останешься жива! – требовал на ломаном русском языке немецкий офицер.

Лида молчала. Фашистские палачи избили ее до полусмерти. В ответ – ни слова. Едва Лида пришла в сознание, палачи вновь подвергали ее пыткам.

– Ты комсомолка? – продолжая допрос, неистовствовал офицер.

– Да, я комсомолка и горжусь этим! – гордо подняв голову, ответила Лида. – Можете убить меня, но ничего не узнаете!

Выбивая признания, фашисты на глазах Лиды начали пытать сестру Веру. Но ничего не добившись, они выстрелом в голову убили Веронику.

– Мы убьем и мать, если ты будешь молчать! – выходя из себя, кричал офицер.

Ввели Анну Тимофеевну. Мать увидела мертвую Веру, измученную, едва живую Лиду и, собравшись с силой, глядя в последний раз на дочь, сказала:

– Держись, доченька.

Лида, ее младшая сестра Вера и их мать погибли в фашистском застенке. Славные патриотки проявили высокое благородство души, безграничную преданность Родине, ненависть и презрение к врагу.

Стойкость славной разведчицы Лиды Сидоренко произвела огромное впечатление на всех партизан.

Андреапольская комсомолка Люда Морозова со своими помощницами бесстрашно расклеивала в населенных пунктах, захваченных врагом, партизанские листовки. Впервые жители на местах немецких приказов, заканчивающихся обычно словами «За невыполнение – расстрел на месте!», видели призывы «Бей фашистских оккупантов!» Вскоре Лена сопровождала Варю на партизанский аэродром возле деревни Луги. Командованием была разработана целая операция по эвакуации раненых Вари и Ильи. Их сколько могли, везли на повозке по проселочным дорогам. Затем переложили раненую партизанку на носилки и четверо бойцов, сменяя друг друга, понесли ее дальше по лесным тропинкам. Илья, который согласился отправиться «на большую землю», шагал сам впереди Николая, который прикрывал тыл группы.

К месту партизанского аэродрома вышли вовремя, оставалось несколько часов до прилета самолета. Поздним вечером запалили костры. Яркие языки пламени отвоевали у темени лесную поляну, причудливо играли всполохами по деревьям и кустарникам.

Лена не отходила от Вари. Девушки предчувствовала долгую разлуку.

– Ничего, война кончится, увидимся в родной деревне, – сказала Лена.

– А, если немцы сожгут наши дома? – голос Вари задрожал от страха.

– Не горюй, подружка, спялят, новые построим, еще лучше прежних. Лишь бы войне пришел конец.

– И живыми остаться, – добавила Варя.

В полночь прилетел самолет. Он низко прошелся над кострами, взмыл в воздух и исчез в темноте. Затем неожиданно бесшумно вынырнул из-за леса и пошел на посадку.

Летчик явно нервничал и поторапливал партизан:

– Быстрее, товарищи, выгружайте груз и заводите раненых в салон.

Партизаны поспешно выбросили увесистые тюки из машины и помогли подняться раненым товарищам. Летчик, махнув на прощание рукой, убрал лестницу и закрыл дверь. Самолет взревел рассерженным зверем, легко разбежался и, оторвавшись от земли, пропал в темноте. Костры прогорели и вернули поляну ночи. Партизаны зажгли фонарь «Летучая мышь», чтобы ориентироваться в дороге. Карманные фонари берегли, батареек в лесу не сыщешь, поэтому пользовались ими в исключительных случаях.

Они не ожидали, что груз будет тяжелым. Командир говорил о почте и небольшой посылке для отряда.

– Подводу нужно просить в ближайшей деревне, – сказал Николай. – Без лошади не допрём груз до базы.

– В Луги заходить нельзя. Там останавливаются часто немцы, не напороться бы на них, – предупредил молодой партизан Федор, который часто ходил в разведку в эти края.

– Нам ни к чему сейчас ввязываться в бой с фашистами, – сказал командир группы Михаил Пугач. – Груз доставить сейчас важнее, чем шлепнуть пару, другую фашистов. Какая деревня ближе?

– Величково, но туда тоже соваться опасно без разведки. Лучше в Анихово, километра два, три до деревни.

Командир достал карту, определил направление, затем сказал:

– Николай и двое бойцов остаются с грузом, остальные за мной!

Михаил, Федор и Елена ушли в деревню Анихово.

На окраине села прислушались: никого, даже псы молчали, не гавкали на чужаков. Партизаны погасили фонари, прошли по улице до середины деревни и остановились у колодца с высоким журавлем.

– Похоже, немцев нет, – вполголоса сказал командир. – Ладно, стучимся в этот дом.

Михаил указал рукой на один из домов и направился к нему.

Тихонько постучали в окошко и прижались к стене. Тишина и темень, хоть в глаз коли. Месяц на небе спрятался за тяжелое облако и не хотел выходить из укрытия. Пугач снова постучал в окно, но уже настойчивее.

Только на третий раз партизаны услышали тяжелые шаги и увидели, как загорелась керосиновая лампа. Кто-то подошел к окну и громко спросил:

– Кто тут?

– Люди! – ответил Федор. – Открой дверь, поговорить надо!

– Что за люди ходят по ночам? Утром приходи разговаривать, спим мы! – голос пожилого мужчины слегка дрожал от волнения.

– Отец! Ты не бойся нас! Мы – партизаны, нам нужна помощь, – Михаил Пугач шагнул к окну и стал напротив, чтобы попасть в полосу света керосинки, которую человек в доме поднес к стеклу, чтобы разглядеть путников.

После минутного молчания из дома послышался голос:

– Сейчас открою, в избе поговорим.

В доме уже суетилась хозяйка, которая гостеприимно указала партизанам на лавку у стола:

– Садитесь за стол, сейчас что-нибудь поесть сварганю.

– Спасибо, хозяйюшка, только нет времени нам рассиживать за столом, спешим мы очень! – весело поблагодарил Федор, усаживаясь за стол. Елена примостилась рядом, поглядывая на занавеску, которая подрагивала, будто кто за ней подглядывал, что творится в горнице.

– Доченька! Раз не спишь, лети в подпол за соленой капустой, огурцами, – не обращая внимание на слова Федора, приказала хозяйка. – Картошка вареная осталась с ужина, ржаной хлеб. Хоть и холодное все, а перекусите на дорожку малость.

Из-за занавески вылетела стройная девушку в домотканом платице и, чиркнув мельком живыми взглядом по гостям, внимательно осмотрела с ног до головы Елену и побежала в чулан.

Вскоре она вернулась, поставила на стол деревянные миски с капустой и ядреными огурцами и села рядом с партизанкой, исподтишка рассматривая ровесницу.

– Тебя как звать? – спросила Елена.

– Нюра.

– Анна, значит, а меня – Лена, будем знакомы.

– Ты – партизанка?

– Не видно?

– Что за одежда на тебе? – не отвечая на вопрос, спросила Нюра.

– Да, обыкновенная, солдатская форма, командир выдал для удобства. Что, к нам хочешь?

– Не, я боюсь. У тебя и ружье есть? – глаза девушку светились неподдельным и живым любопытством, и Елена рассмеялась:

– Раз – партизан, то непременно должен с ружьем бегать по лесу. Нет, мне хватает без этого работы в отряде: картошку чистить, стирать, одежду латать.

На лице Нюры отразилось явное разочарование, и Лена поспешно добавила:

– Раненных перевязывать приходилось, а, если стрелять придется, то не промахнись тоже, не сомневайся!

– Ишь, какая!

– Какая?

– Боевая! Не то, что я. А, где находитесь вы?

– Военная тайна, не спрашивай!

– Ишь, ты!

Глава 23

Шел шестой месяц фашистской неволи. Изменился быт пленных, которых к зиме перевели в бараки, одели в шинели и шапки, снятые с убитых солдат. Немцы привезли ворох одежды и сбросили на землю, чтобы пленные солдаты подобрали себе. Павлу досталась шинель с дыркой от пули на груди.

– Зато шапка цела, – горько усмехнулся он.

– У меня – наоборот: шинель без дыр, а шапка велика и прострелена, отверстие в два пальца. Голова будет мерзнуть!

– На пилотку надевай, не будет слетать и дыра закроется.

Каждый день военнопленных гоняли на работу. Павел расчищал завалы на дорогах, засыпал воронки. Он, молча, выполнял тяжелую работу, поглядывая по сторонам, выжидая удобный случай, рвануть в лес, убежать из неволи. Но немцы надежно охраняли пленных красноармейцев, при попытке бегства стреляли в спину.

Кругом лежали сугробы, в которых по колени тонули ноги, было холодно, и недоедающие слабеющие люди даже не помышляли бежать. Молодые парни боролись за жизнь, никому не хотелось умирать. Но к февралю 1943 года из двухсот человек ремонтной бригады, куда входили Павел и Илья, остались девяносто изможденных мужчин. Остальные умерли от голода и ран, погибли, пытаясь бежать.

Тяжелая работа с рассвета до заката солнца и скудное питание измотали друзей, и они безразлично выполняли приказы немцев, прислушиваясь к артиллерийской канонаде, которая день ото дня приближалась к городу Ржеву.

– Никак наши лупят по фашисту! – радовался Павел Семенович, прислушиваясь к далеким взрывам. – Смотри, как встревожились немцы.

Илья кивнул головой и сказал:

– Скорее бы освободили нас, а то сил нет работать на супостата.

Враг заспешил, каждый день отправлял на запад эшелоны со скотом, оборудованием, вывозил на работы в Германию молодежь. По шоссе в тыл катились вереницы грузовиков, набитых людьми и награбленным добром.

Военнопленные не дождались освобождения. 23 февраля их построили и погнали на железнодорожную станцию, погрузили в вагоны и отправили в город Ярцево Смоленской области.

Там выгрузили и в сопровождение охраны с рвущимися с поводков собаками в их руках повели на сборный пункт в лагере военнопленных. Старинный город встретил красноармейцев опустевшими улицами и разбитыми войной домами. К весне сорок третьего года в городе осталось около четырех тысяч жителей, в десять раз меньше, чем до войны.

Павла Семеновича с утра лихорадило, он с трудом передвигал ноги. Илья, видя состояние друга, шел рядом, поддерживая его за плечи. Когда их затолкали в барак, Павел рухнул на ближайшие нары и потерял сознание.

На крики Ильи пришли солдаты, они долго о чем-то говорили, поглядывая на Павла Семеновича. Затем один из них ушел и вернулся через десять минут с носилками и фельдшером, который осмотрел больного и сказал:

– Тиф. Несите его в инфекционный барак.

– Не выживет, к утру умрет, – сказал один солдат.

– Русские живучие, пару дня протянет, – возразил другой, показывая автоматом на хмурые лица военнопленных кругом.

– Ты, не прав, Курт, этот парень не умрет. Спорим на две рейхсмарки? – возразил фельдшер.

– Многовато будет, пожалуй, для этого доходяги, но я согласен. Деньги твои, если он останется на этом свете, ну, а если подохнет, значит, ты отстегнешь две марки. Согласен?

– По рукам!

Павла унесли в карантинный барак и положили на нары. Рядом лежали такие же бедолаги в тифозном жару. Многие бредили в беспамятстве, бормотали о чем-то или звали на помощь. Между ними сновали военнопленные санитары, мочили в моде тряпки и прикладывали на головы стонущих людей, поили их, когда те приходили в себя. Больше они ничем не могли облегчить страдания умирающих от болезни красноармейцев. К утру десять человек затихли навечно, некоторые пришли в сознание, остальные продолжали метаться по нарам в бреду.

В барак вошел вчерашний фельдшер с солдатами, и привели с собой военнопленных солдат для уборки трупов и обработки тифозного барака дезинфицирующим раствором.

Павел Семенович был жив, но лежал без памяти. Фельдшер осмотрел его и удовлетворенно кивнул головой. Парень даже в бреду цеплялся за жизнь и просил воды.

Подозвав кивком русского пленного санитаря, фельдшер приказал напоить больного и сменить на лбу повязку. То ли денег было жалко, и он хотел выиграть две марки. То ли немолодой медик сочувствовал молодому голубоглазому человеку и искренне хотел, чтобы тот поднялся на ноги. Он навещал Павла два раза в день. Всякий раз подходил и наблюдал за ним. Павел Семенович на второй день так же лежал на нарах безвольной колодой с запекшимися от высокой температуры губами.

Фельдшер, покачав сочувственно головой, уходил прочь, приказав в очередной раз напоить больного водой.

На третий день Павел пришел в себя. Температура спала, и молодой человек тихо лежал, но уже не бредил. Санитар принес в котелке немного баланды и накормил его. Молодой организм пересилил болезнь, и Павел Семенович пошел на поправку.

Через день он поднялся на ноги и помогал санитарам поить и кормить больных.

На следующее утро Павла перевели в общий барак, и он встретился с Ильей.

– Эко, тебя скрутила хворь, братец. Кожа да кости остались, качаешься от ветра, – сочувственно присвистнул он, рассматривая белокурого друга.

– Болезнь не по лесу ходит, а по людям. Ничего, кость цела, а мясо наживем.

Но окрепнуть физически Павлу немцы не дали. Через день ранним утром построили и куда-то повели.

К вечеру уставшие и оупевшие от долгого пути люди увидели город.

– Никак, Смоленск, братцы! – услышал Павел удивленный голос позади. – Я воевал здесь. Значит, драпает немчура на запад, а то с чего бы нас сюда отправили.

– Нам-то, что с того, если бегут гитлеровцы? Все равно не вырваться на волю! – горький возглас заросшего бородой до ушей солдата резанул по сердцу Павла Семеновича.

– Правду говорит человек. Семь месяцев гнием в плену и ни одной попытки бежать, – вполголоса сказал Илье он.

– Ага, тебе сейчас в самый раз тикать отсюда! – укоризненно покачал головой друг, бережно поддерживая за руку ослабевшего Павла. – Да, и как уходить, когда везде охрана с овчарками.

В Смоленске пленных задержали полмесяца на ремонтных работах. Вновь водили на восстановление разбомбленных советской авиацией шоссе и железнодорожных путей, кормили впроголодь. Одежда прела от сырости и расползалась по швам. Пока спасали шинели, в которую пленные закутывались поплотнее и не спеша брели на работу в сопровождение фашистов. Ни окрики, ни толчки в спину не могли заставить их прибавить шаг. Постоянный холод и голод обрыдли людям так, стало безразлично: сейчас придет к ним смерть или позже.

Павел посматривал по сторонам, надеясь в удобный момент сигануть под откос в ближайший лес. Но ноги становились, как колоды, распухли от недоедания и простуды, походили на слоновьи. Какой побег, когда не стало сил даже подниматься на ноги.

Глава 24

Горячие головы решили подобраться к танкеру на шлюпке. Но танкер не дался в руки матросам. Один за другим прогремели два взрыва на судне, взметнувшееся пламя предупредило, чтобы моряки не лезли на транспорт. Но судно не шло на дно, дрейфовало дальше.

Всю ночь пылающий транспорт не давал покоя. То и дело звонило начальство, ругало:

– Почему не добились? Немцы к себе утащат!

– Сам сгорит, жалко снаряды!

– Смотрите у меня!

Ветер загнал танкер в залив Матти-вуоно к берегу противника. Там он сел на мель.

С северо-запада опять наползают снежные заряды. Батарея Пушного принялась обстреливать транспорт.

Но и днем танкер по-прежнему горел на мели.

Нешуточно пригревало землю солнце, снег стал таять и вода затопила землянки. Матросы бросились делать сточные канавы, мутная вода ушла. Но оказалось, что продовольственный склад тоже пострадал от наводнения, растаяли два мешка сахара. Кладовщик Коля Черепанов во время боя подносил на орудия снаряды. Он устал и заснул. За это его отдадут под суд. На батарею прибыл следователь. За мешок сахара могли расстрелять.

Коля – хороший и смелый человек. Командиры бросились спасать парня, просили оставить на батарее, чтобы искупил вину.

Проклятый танкер все горел и дразнил матросов. Приливо-отливное течение сняло поврежденное судно с мели и понесло на северо-восток. Артиллеристы думали затопить его при входе в залив Петсамо, но танкер вынесло в море.

Его решили добивать. Иван замерил расстояние – сорок кабельтов, доложил.

Лучший наводчик сел к механизму наводки. Залп. Снаряд упал рядом с небольшим недалетом. Второй – точно поразил цель, но танкер дал крен и остался на плаву. Считая этот, двадцать восемь снарядов из тридцати двух поразили транспорт, но не утопили. Жалко тяжелые заряды, которые нечеловеческими усилиями загружали на батарею.

Однако через полчаса радостный наблюдатель заорал:

– Тонет!

Все бросились смотреть. Танкер перевернулся и погрузился в воду, выплунув из пучины огонь.

Артиллеристы повеселели – не зря потрудились. Вскоре позицию посетил всенародный староста Калинин и сообщил, что батарею представили к ордену Боевого Красного Знамени.

В июне пришло тепло. Снег растаял, но в оврагах белели остатки полярной зимы. Звонко побежали ручейки. Буйно полезла трава и красиво распустили бутоны цветы. В кустарнике суетятся чижы, ладят гнезда, не пугаясь людей. Рев самолетов и взрывы снарядов не отвлекали пернатый мир, они в грохоте войны заботились о новом поколении.

Матросы тоже радовались солнышку. Землянки опустели, дверь и окна раскрыты для просушки, все собирали щавель и дикий лук – первое средство от цинги.

Некоторые бойцы умудрялись загорать на позиции в минуты затишья.

Но война есть война. Снова слышится шум моторов – летят самолеты. Краснофлотцы одеваются и скрываются в землянках.

Немцы отбомбились с большой высоты – ниже не давали зенитчики, и ушли восвояси, не причинив вреда батарее.

Корабли в тот день не пошли, но их ждали.

На другой день из Норвегии приполз густой туман, словно дымовая завеса накрыла море. На батарее сияет солнце, а на море серая сплошная пелена. Что в ней – непонятно, локаторов нет.

Дальномерщикам и сигнальщикам объявили боевую тревогу, чтобы усилили наблюдение за морем. Командиры орудий самостоятельно приводят пушки в готовность к стрельбе.

До передней кромки тумана сто пятьдесят кабельтовых.

Но постепенно он подкрадывается к берегу, клочками проплывает над позицией, принесся сумерки, запах соленой воды и прохлады. Солнце не пробивается сквозь серую мглу.

– Шум винтов! – доложил наблюдающий.

– Что-то на море есть! – крикнул другой.

Но уже кое-где проглянуло море. Из тумана показались вражеские сопки.

– Транспорт! – крикнул дальномерщик Андреев. – Чуть правее Ристаниеми, почти не виден.

– Первое видит транспорт! – докладывает командир орудия.

– Первое – цель! Второе – цель! Третье – цель! – раздается команда.

Сразу гремят выстрелы, но взрывов не видно. Батарея продолжает стрелять вслепую. В ответ открыли огонь немцы.

Ничего не видно, но поставили заградительный огонь на вход в бухту. Результата не наблюдается. Батарея прекратила огонь. Немцем повезло с туманом, который рассеялся на вторые сутки.

Немцы успели провести транспорта, и на море пока пусто. Батарея тренируется наводить орудия на береговые цели, которые хорошо видны теперь.

Но и немцы не сидят, сложа руки.

Конец июня обещал быть тихим. Но на позиции раздался взрыв.

– Бомба замедленного действия! – предположил кто-то. – Которую не обнаружили после налета.

Второй взрыв вызвал тревогу. Командир приказал осмотреть воронку.

Ему доложили, что нашли донную часть от двухсот – двухсот десяти миллиметрового снаряда.

Поночевский дал приказ, наблюдать за берегом противника. Сразу же раздался третий взрыв.

– Засек! – кричит дурным голом наблюдатель. – Бьет дура!

Батарея противника на сопке за портом методично бьет по позиции. Снаряды рвутся, неся смерть. За батареей загорается торф, огонь приближается к боеприпасам второй

пушки, на которой находился Иван. Заряжающий, снарядный и наводчик спрятались за щитком пушки от осколков, остались на месте на случай стрельбы. Остальные побежали тушить пожар.

Командир дивизиона в стереотрубу засекал на секундомере вспышку выстрела вражеской батареи, выжидал и за пятнадцать секунд до падения снаряда командовал:

– Ложись!

Матросы теперь не прислушивались к полету снаряда, кидались на землю по команде, интенсивнее тушили огонь.

Непросто бороться с огнем под обстрелом. Один из снарядов угодил в орудие. Матросы ворвались в оружейный дворик. Трое товарищей лежали в крови. Одному оторвало руку, но он сам побрел в санчасть, зажав рану. Он не хотел отвлекать матросов от борьбы с огнем. Иван помогал укладывать израненного осколками наводчика на носилки, позже он узнал, что из него вытащили сорок кусочков металла.

Заряжающий был ранен в живот, его тоже погрузили в санитарную машину.

Выпустив около тридцати снарядов, немцы успокоились. Но встревожились советские батарейцы – сотня снарядов врага и трех пушек не станет.

Но потом враг стрелял неоднократно по этой позиции и не смог причинить значительного урона морякам. Тогда пришли к выводу, что первое прямое попадание было случайным.

Иван Андреев в том бою получил ранение в ладонь. Осколок прочертил на поверхности полосу, вспоров кожу. Иван перевязался сам и к медикам не обращался.

На другой день артиллеристы выдержали три бомбежки. Около девятисто бомбардировщиков сбросили на батарею смертоносный груз, не причинив вреда. Даже помогли восстановить второе орудие, поврежденное накануне прямым попаданием снаряда. От взрывной волны заработал заклинивший механизм угла снижения ствола.

Артиллерийский мастер-ремонтник в шутку крикнул «спасибо» врагам.

Глава 25

Николай Парамонов, хозяин гостеприимного дома, не только накормил партизан, но и собственноручно вывел из хлева жеребца и запряг его в телегу:

– Вот, берите повозку, раз надо для военного дела.

– Ну, бывай, подружка! Бог даст, еще свидимся! – попрощалась с Анной Елена.

– После войны встретимся! – крикнула уверенно девушка вслед.

Командир отряда поблагодарил вернувшихся партизан за выполнение задания и обещал наградить медалями.

Больше Елена Ершова не просилась в походы. В лагере хватало работы, и она целый день крутилась в заботах, не замечая бежавшего времени. Но, когда она услышала от брата, что небольшая группа отправляется к городу Холм, чтобы встретиться с новгородским отрядом и обсудить совместные действия, разволновалась так, что у нее все валилось из рук. На пути маленького отряда будет родная деревня Ивановщина.

– Как там мои родные: папа, мама, сестры? – переживала она. Девушка побежала к командиру:

– Меня возьмите с собой. Я только на минутку забегу к своим, ведь мимо пойдете. Мои-то ничего не знают обо мне, наверное, думают, что пропала дочь где-то. Я дороги хорошо знаю там, пригожусь.

– Да, как я тебе возьму-то, если здесь нужна? И сто верст по лесам пробираться на лыжах непросто, группа пойдет форсированным маршем. Скидки, что женщина, не будет.

– Товарищ командир, миленький, разреши ты мне с ними, выдюжу все, лишь бы одним глазком посмотреть, одним словечком обмолвиться. Я век буду благодарить тебя.

Синие глаза девушки потемнели от наворачившихся слез, и столько надежды читалось в них, столько мольбы, что командир сдался:

– Ладно, иди, скажи командиру группы, что я разрешил. И, вот еще, сходи к завхозу, пусть провиант выделит тебе для гостинца родным, поди, голодают при немцах.

Счастливая девушка унеслась от него, как на крыльях.

В начале января 1941 года морозы несколько ослабели и не снижались больше пятнадцати градусов. Но снега было достаточно. Впереди пробивали лыжню мужчины, и за ними идти Елене было легче.

На вторые сутки вышли к деревне Ивановщина Новгородской области, и группа залегла на краю леса.

– Вроде, немцев нет там, как стемнеет, войдем. Где твой дом? – спросил командир группы.

– Вон, на горе стоит с тесовой крышей.

Еленино сердце радостно колотилось при виде родной усадьбы, она была готова тотчас рвануться к нему, но командир придавил рукой ее плечо и сказал:

– Успеешь, скоро уже.

Уже в сумерках прошли по улице, держа лыжи на плече, и остановились напротив широких высоких ворот большого пятистенного дома.

Командир постучал и присвистнул:

– Хороший домина, часом не куркуль твой тятя?

– Как все живем, отец вступил в колхоз перед войной, и он излишки сразу сдал в колхоз, – Елена умолчала, что семью дважды раскулачивали. Отец Трифон и его брат выделывали шкуры и шили полушубки, шапки, тулупы, а Матрена, мать девушки, шила на машинке тужурки, платья и приучила к швейному ремеслу дочек. Единственный сын, Николай, пока не покинул родительский дом, скорняжничал.

Семья Ершовых трудом добилась благополучия, имела пару коров, лошадей, десяток овец и пчелиную пасеку.

В первый раз комитет бедноты в 1920 году вынес решение, забрать у крепкой семьи лошадку, корову, всех овец и половину ржаных семян. Пасеку не тронули. Куда с ней? Тут требовался уход за пчелами, а кому хочется ходить покусанным от злых насекомых?

Но постепенно семья пережила утрату и вновь зажила неплохо. Да в 1937 году вновь пристала власть, как репей к конскому хвосту:

– Для общего благосостояния советского народа вступай Трифон в колхоз.

– Какой такой колхоз, неграмотные мы, не понимаем ничего в этом!

– Да, чего тебе понимать здесь? Сообща трудиться будем, навалимся гуртом, спорее дело пойдет. Ты тащи инвентарь в колхозный амбар, не задавай лишних вопросов, а то в кулаки запишем.

Трифон, чтобы не сжили с земли, махнул рукой и сдал в колхоз плуг, сенокосилку, борону и пару мешков с рожью. И на этот раз пасека осталась в семье. Сколько себя помнила Лена, всегда на столе мед и соты были, страсть до чего сладкие, так бы и ела, не переставая.

– Как теперь будет, коль война приспела? – подумала она, прислушиваясь. – Что-то не идет никто открывать, все ли в порядке дома?

– Кто – там? – услышала девушка тревожный голос Трифона и радостно закричала вполголоса. – Я – это, папа, открывай дверь, я ненадолго зашла, только проведать вас.

– Ленушка! – ахнул пожилой мужчина. – Я сейчас открою, обожди.

Радости было старикам, не наоборот. Трифон суетился в погребе, доставая припасы на ужин, Матрена бестолково бегала по горнице, причитая заполошным голосом, что уже не чаяла увидеть кровинушку. А белобрысая Валя, тринадцатилетняя дочь сестры Мани, во все глаза смотрела на тетушку в красноармейской форме.

– Ну, как вы тут? – когда все успокоились и сели за стол. – Немцы были в деревне?

– А как же, – Трифон погладил окладистую бороду и посмотрел на партизан. – Как наши войска ушли. Они и приспели тотчас, набились гуртом в избу, стоят, греются возле печки и гомонят что-то на своем языке. Мы думали, что застрелят нас, но ничего, обошлось.

Одни отогрелись и дальше пошли, другие остались здесь, неделю жили в Маниной половине.

– А, сама она куда подевалась? – Лена вопросительно посмотрела на мать с отцом.

– Как это называется слово, забыл совсем? – Трифон наморщил лоб, вспоминая слово.

– Эвакуация, – подсказала Матрена мужу.

– Эвакуация, наверное.

– Верно, Ленушка! Она, окаянная. Солдаты уходили, и население за собой уводили в тыл, вот наши и ушли: Маня с детьми, Ольга, соседи. А мы с Матреной остались. Старые уже стали, бегать по свету, да и последнее унесут из дома. Потом о тебя ни весточки не получили, думали, вот, придет домой, а тут никого. Пасеку было тоже жалко, за ней присмотр нужен.

– А Валя почему тогда не убежала с мамкой?

– Она в няньках жила в Мурзино в одной семье, когда немец пришел туда, – Матрена посмотрела на девочку, которая смущенно улыбнулась. – В лес убежала, когда стали по домам ходить наши солдаты, людей собирать. Потом сюда добралась к ночи, спряталась в амбаре сначала, боялась, что немцы в доме. Утром уже ее мы нашли. Так и живем втроем. Немцы припасы наши подъели и ушли, с тех пор не видно, не слышно их.

– Они, нянька, сказали, что их коровы в Германии живут лучше, чем мы в доме, – Валя возмущенно закатила глаза. Она звала родную тетю всегда нянькой – Елена всегда с ней возилась. Валя была первым ребенком у старшей сестры Мани.

– Зачем же приперлись тогда к нам, если там лучше им? – возмутилась партизанка.

Елена Ершова, побывав дома, все же решила вернуться с отрядом снова на партизанскую базу, хотя командир говорил:

– Если надумаешь остаться дома, то никто не упрекнет тебя. Добровольно пришла, добровольно ушла, никто не обязывал.

– Мне назад дороги теперь нет, пока немцев не прогоним с нашей земли. Я обещала отомстить за Дуню, вот, чем смогу, а помогу громить врага.

Глава 26

Иногда Олега отправляли с карточками за продуктами. Карточки отоваривали в небольшом магазинчике в центре города. Его вход был без порога и выходил прямо на площадь. Когда мальчик открывал дверь, раздавался серебряный звон колокольчика. На карточки давали хлеб, масло, крупу, сахар, кофе.

Когда Олег первый раз пришел в магазин, то сразу подошел к молодой продавщице и протянул ей карточки. В метре от прилавка стояла небольшая очередь – шесть или семь немок. Они по очереди подходили к девушке, когда от нее отходил очередной покупатель, но в этот раз опередил какой-то незнакомый ребенок. Мальчик же подумал, что они ждут что-то, поэтому не подходят ближе. Немки были аккуратно одеты. На головах красовались шляпки, а на руках перчатки. Они изумленно рассматривали нахального ребенка. Потом пожилая женщина подошла к Олегу и, взяв его за руку, отвела в конец очереди и спросила:

– Wo kommst du her? (Откуда приехал ты?)

Мальчик молчал и силился понять, что хотела от него высокая и худая, как хозяйская швабра, седая немка. Но женщина, настойчиво добиваясь ответа, спросила:

– Polnisch?

– Русланд, – ответил мальчик, когда до него дошло, что она хочет знать. Ему стало стыдно, что о нем могли подумать плохо эти люди. Он же не нахал, просто, не знал их порядков.

В воскресенье не работали. Хозяева были католики и, переодевшись в чистое платье, уходили в местную церковь. Анна хлопотала по дому, наслаждаясь тишиной. Олег лазил, как всегда, по двору. На усадьбу пришла в гости девушка. Она работала на соседнем

фермерском хозяйстве и была вывезена из Украины. Девушка, которую звали Оксана, смешно вставляла украинские слова в русскую речь, закатывала при разговоре серые глаза на красивом лице с милыми ямочками на абрикосовых щеках.

Она жила недавно в Германии, и ей только вчера исполнилось восемнадцать лет. Анна была рада поговорить с соотечественником на чужбине, и они долго сидели за чаем, пока не пришли из кирхи хозяева. Девушка много рассказала о себе.

Она перешла в десятый класс, когда началась война. Оксана стала санитарной дружинницей в госпитале. Ей не удалось эвакуироваться вовремя, и девушка оказалась в оккупации. Через три месяца получила повестку, явиться на сборный пункт для отправки в Германию. Он в страхе побежала за помощью к родному отцу, который не жил с ними:

– Попочка, миленький, помоги мне. Я пропаду одна в Германии!

Он довольно спокойно выслушал дочь и сказал:

– Ты зря беспокоишься так. Не одну тебя оправляют, всех девушек от семнадцати до тридцати пяти лет забирают немцы на работу. Так что поезжай с ними, Европу посмотришь, дурочка, а после войны обменяют тебя на пленного немца, вернешься домой.

Белый свет потускнел в глазах девушки от такого совета, но ничего не сделаешь, и она, когда пришло время, отправилась на сборный пункт.

– Двадцать первого мая 1942 года нас оттуда повели пешком до Мариуполя. Представь себе: тепло, солнце весело светит, птички заливаются на все голоса. И траурная колонна идет по пыльной дороге. Ни смеха не слышно, ни улыбки не видно на мрачных лицах, только раздавался плачь временами да горестные вздохи.

В Мариуполе людей погрузили в вагоны для скота, набили так тесно, что было не продохнуть. Даже сейчас, рассказывая, Оксана переживала, возмущенно прижимая руки к груди:

– Самое страшное, что мужчин и женщин погрузили в один вагон вместе. Вместо туалета поставили в угол деревянную парашу с двумя ручками. Очень стыдно было, ходить на нее при мужчинах. Я иногда терпела до остановки так, что зубами себе прокусывала руку до крови, потом неслась, сломя голову, в станционный туалет.

– Как же ты сюда попала? – спросила Анна.

– Сначала в лагерь привезли под Нюрнбергом. Вокруг колючая проволока и полицейские с собаками. В бараке двухъярусные нары, матрасы, набитые колкой соломой, такие же подушки. Неделю работала на конвейере, сортировала уголь. Тяжелая и грязная работа изматывала, так, что руки не поднимались вечером. Кое-как кормили баландой с куском хлеба. За нарушение охранники били резиновыми дубинками, пинали сапогами. Я поняла, что не долго протяну здесь, очень тосковала. Но мне повезло, когда всех вывели на плац и построили в шеренги.

Мимо ходили дамочки в сопровождение солдат и присматривались к нам. Вот, одна женщина и показала на меня. Оказалось, что они выискивали себе работниц в дом.

– Ну, как твои хозяева, не обижают?

– Не, нисколечко! Сначала ругались, если не так сделаю. Но потом показали, как крахмалить белье, стирать, чистоту наводить. С тех пор ничего, справляюсь, они и притихли. Мне нравится, лучше, чем на конвейере работать. Они даже деньги мне платят, на книжку кладут каждый месяц, сказали, чтобы снимала себе, когда надо. Зачем мне сейчас деньги? Когда одета, обута, кормят, я и довольна.

Анна очень удивилась, что Оксане платят деньги, сказала:

– Все не с пустыми руками вернешься домой?

– Да, не очень верю, что отпустят домой и денег дадут. Я бы осталась здесь насовсем, но не предлагают.

– Неужели не охота домой? – удивленно всплеснула руками Анна Максимовна.

– А что там светит мне? Скотина, сено, стирка, работа в колхозе, грязь.

– А, здесь?

– Тут, сделала дела и отдыхай себе, никто не запретит. Все чистенько, культурно! Отца видеть не хочу, а матери отсюда буду помогать. Когда-то наладится жизнь везде, не все войне быть, буду навещать.

– Ну, не знаю, тебе виднее, а я с первым поездом уеду домой, соскучилась по мужу, отцу, маме, сестрам, брату. Да и Олега нужно срочно в школу определять, бегает неучем по неметчине, ни профессии не получит, ни читать, писать, не сможет.

Оксана ушла, а Анна еще долго вздыхала, вспоминая родной Ленинград и семью.

В конце августа хозяин привел на подворье изможденного русского парня. Он называл его Паулем и велел накормить пленного солдата Анне. Она усадила его на кухне и спросила:

– Давно мыкаешь горе?

– С июля сорок второго, а ты?

– Через три месяца от начала войны. Тебя как величать?

– Павел Семенович Лошаков.

– Ишь, как официально, тогда зови меня Анна Максимовна, а лучше Анна или Нюра. Жена имеется?

– Нет! Только отец и братья.

– Я замужем, сын вот со мной, а муж на войне где-то.

В это время раздался крик Вальтера:

– Пауль! Во двор выйди!

Павел поблагодарил Анну и вышел. Анна грустно посмотрела ему в след:

– Так и Иосиф, может, в плену мается также, поди, узнай.

Вскоре русский парень отремонтировал хозяйский трактор, и хозяин был очень доволен, разрешил работать на машине. Мужчины пропадали втроем в поле и домой возвращались поздним вечером.

Ельза буквально прилипла к новому голубоглазому и светловолосому работнику. Она всегда находила случай, пройти мимо него, бросала кокетливые взгляды.

Анна заметила и улыбнулась:

– Видно, влюбилась девушка в пленного мужчину. Война войной, а любовь, как нейтральная полоса, никому не принадлежит, кто ползет, к тому и относится.

Глава 27

Все тот же фельдшер заметил состояние Павла и отправил мужчину в больничный барак санитаром. Едва парень стал оправляться от болезни, и ноги обрели человеческие контуры, военнопленных снова подняли в дорогу. В этот раз привели на грузовую железнодорожную станцию, дали пайку хлеба, напоили горячим чаем и погрузили в теплушки. В вагоне теснота. Всем не хватало места на нарах. Эти места брались с боем самыми сильными. Остальные стояли, крепко прижатые друг к другу. Толкотня, ругань. Вдруг, перекрывая шум, раздался в вагоне громкий голос:

– Так дело не пойдет. Сидеть должны больные и слабые.

К нарам протискивался высокий плотный человек в командирской фуражке, в гимнастерке с разорванным воротом. На него заворчали, но он уже сгонял усевшихся на нарах пленных.

– Остальные будут стоять, по очереди прислоняясь к стенкам вагона. Так всем будет лучше.

Как-то само собой получилось, что все подчинились его властному голосу. Через несколько минут в вагоне устанавливается относительный порядок.

Состав долго после этого стоял на путях, затем стронулся и покатился.

Военнопленные стояли в полутьме вагонов и не видели, как проехали станции Витебск, Полоцк. Через десять часов их выпустили и спешно построили в колонну.

- Двинск! – услышал чей-то голос Павел.
- Даугавапильс называется теперь, – поправил его кто-то. – Литва – это, братцы!
- Хоть, мир посмотрим, – усмехнулся Илья.
- Мир скучен за колючей проволокой, – возразил Павел.
- Ничего, нам бы выжить, скорее домой вернуться.

Военнопленных пригнали в лагерь и распределили по баракам. Зима к этому времени отступила, и все чаще с небес проглядывало солнце, прогревая простывший воздух. Запахло весной. Пленные не сидели по душным помещениям, выходили на двор, подставляя теплым лучам изможденные лица.

Через день немцы с утра объявили построение. Людей выталкивали из бараков на плац и строили в шеренги. Затем длинный худощавый офицер в сопровождении охранников с рычащими на поводках собаками прошел по рядам, тыкая хлыстом на свой выбор в грудь пленных солдат, которые спешили выйти на два шага из шеренги.

Павел и Илья оказались в отделенной группе. Всех, кого не выбрал офицер, загнали в бараки, а оставшихся построили и повели на выход, где погрузили в крытые машины.

Павел Лошаков и Илья Семенов оказались вместе в кузове машины. Они недоуменно переглядывались, но молчали, боясь окрика конвоирующих солдат, сидящих с автоматами наперевес у заднего борта.

Солнечный день вынудил охранников приподнять брезент позади себя, чтобы в прогретом кузове не так остро воняло немытыми телами людей. Военнопленным было не так тошно сидеть в плотно набитом людьми грузовике. Они с любопытством смотрели на мелькавший позади лес и дорогу.

К вечеру грузовики въехали через ворота в тюрьму. Людей развели по камерам. Вонь, нары, баланда, грубые тычки в спину и толстенные стены с единственным зарешеченным окном на Божий свет – все, чем располагали последнее время пленные солдаты Красной армии.

А на улице буйствовала весна. Слежавшийся посеревший снег стремительно таял, весело разбегались от него звонкие ручейки. Послеполуденная капель с крыш вызвала зуд в грязном теле парней, хотелось намыться в бане, чтобы веником распарить многомесячную коросту, смыть ее горячей водой. Затем переодеться в чистое белье и чаевничать за домашним столом. А вечером пойти на гулянку, проводить девушку до дому и долго тискать ее, прощаясь, у ворот.

Павел отвернулся от окна и вздохнул:

- Скорее бы пришел конец всему.

Литовский город, куда их привезли немцы, назывался Екабпилс. Его надвое разделила река Даугава. Это на литовском языке она – Даугава, а на русском – Западная Двина. И, если плыть по ней против течения, то можно добраться до озера Охват, из которого река начинает свой бег к берегам Рижского залива в Балтийском море. В семи километрах от поселка с таким же названием, что и озеро, раскинулось родная деревня Алексино.

– На пузе дополз бы до нее, только бы оказаться на воле, – размышления Павла прервались на колдобине, на которой телегу так крепко тряхануло, что, кроме него с Ильей, и пожилой злобный литовец схватился за борт.

Сегодня военнопленных барака построили на плацу, и хмурый мужчина в гражданской одежде и прутом в руке долго ходил вдоль, рассматривая парней. Затем указал на Павла и Илью, словно угадал, что они друзья.

Переводчик по приказу офицера сказал:

– С хозяином хутора поедете, будете жить в его доме и делать, что прикажет Господин Жемайтис. За непослушание или побег – расстрел, за причинение вреда имуществу – розги. Понятно?

- Да! – почти разом ответили Павел и Илья.

– Леонас Жемайтис! – ударил себя в грудь мужчина и приказал садиться на телегу. Он сносно разговаривал на русском языке и сразу предупредил, усевшись спереди. – Шаг влево или вправо – убую на месте. Хозяин показал на карабин рядом с ним и свирепо добавил:

– Или, как свиней, заporю на конюшне.

Хутор приткнулся дворовыми постройками к лесу, а двухэтажным домом под черепичной крышей к полю. В хозяйстве были лошади, коровы, свиньи. Из дома выскочила молодая женщина на смешных деревянных туфлях и с любопытством уставилась на парней.

Хозяин нахмурился и что-то отрывисто сказал ей. Девушка покраснела, крутанулась на месте и упорхнула в дом. Сразу же вышла пожилая женщина и мужчина средних лет, который принялся распрягать лошадь.

Выслушав женщину, Леонас повернулся к парням и спросил:

– Вши есть?

– Не без этого!

– Сначала отправляйтесь в баню, помойтесь, чтобы заразы не занести в дом. Одежду скиньте, сожжем потом. От меня получите чистое белье и мешки. Отработаете.

– Мешки для чего? – спросил его Илья.

– Разберетесь зачем, – усмехнулся тот.

Такого блаженства парни давно не испытывали, когда намывшись в бане и переодевшись, сидели в предбаннике и не решались выйти, чтобы не ломать состояния идиллии чистого тела и покоя, наступившие впервые за время плена.

– Одежка с убитых солдат снята, – Павел Семенович нащупал пулевое отверстие на гимнастерке. – Крохобор хозяин. Отработаете! У немцев выклянчил или сам мародерничал где-нибудь.

– Ничего, нам послужит теперь бельишко. Поди, не в обиде будет усопший, что помог солдату по несчастью.

На ночлег хозяин хутора приказал мужчинам устроиться на сеновале в кирпичном амбаре, который закрывал на замок.

– Все лучше, чем в бараке! – Павел с удовольствием вытянулся на прошлогоднем сене, зарываясь в него, чтобы не замерзнуть. Ночи еще были холодные.

– Немного наберемся сил и зададим стрекоча отсюда, – добавил он, засыпая.

Рано утром Жемайтис дал работникам по куску хлеба и по кружке горячего чая. Затем отвел в хлев, где их ждал брат хозяина, которого они уже видели вчера. Под его присмотром они трудились с утра до темна, но работа не особенно утомляла пленных – соскучились по сельскому труду. Они убирались в коровнике, свинарнике, конюшне, кормили животных, кололи дрова. Им пригодились мешки, которые дал хозяин и деревянные колодки, выданные неразговорчивым мужчиной. Они проделали дырки для рук и головы в мешковине и надевали, чтобы не измазаться в навозе, а вместо ботинок – деревянную обувь, подбитую резиной на подошве.

Через неделю Павел и Илья чувствовали себя почти хорошо, к ним вернулись силы и бодрость – сказалось, хоть и скудное, но регулярное питание.

Парни повеселели на столько, что игриво засматривались на дочь Леонаса, которую звали Гедра. Красивая девушка видела расположение к ним молодых русских и всегда норовила пробежать мимо парней, кокетливо опуская к земле взгляд темных бархатистых глаз.

– Быстрая на ноги, как юла и стройная, словно, козочка, – сказал Павел, провожая ее взглядом. – Но ягодка не нашего поля!

Илья буркнул:

– Еще надо посмотреть какого она полюшка.

Через месяц парни пахали землю. На перемену один водил под уздцы лошадь, а другой шел за плугом. Ноги глубоко уходили в раскисшую и холодную землю. Колодки

застрелили и приходилось руками вытаскивать их. Павлу надоело возиться с ними, и он, сбросив их, ходил босиком. Илья последовал его примеру.

На хутор возвращались усталые и замерзшие. Однажды парни обрадовались, когда узнали, что хозяин разрешил им помыться в бане.

Они сидели в предбаннике и млели. Весна уже всю командовала природой, и было очень тепло. Разгоряченные парни открыли дверь, чтобы остыть после бани, когда туда стремительно заскочила Гедра.

Она принесла что-то и никак не ожидала, что молодые люди сидят там. Девушка остолбенела от удивления и стояла, как вкопанная, прижав руки к груди.

– Ты что? К нам пришла? – голос Ильи задрожал от волнения. Он подошел к девушке и нежно прижал ее к себе.

Щеки девушки зарделись, глаза стали похожими на блюдца. Она оттолкнула парня и выскочила, как ошпаренная, из предбанника.

Илья рассмеялся:

– Ну, вот, а ты говорил не нашего поля краля!

– Как-то нехорошо получилось, Илья. А вдруг отцу расскажет?

– Промолчит, мы нравимся ей.

Герда промолчала бы, пожалуй. Она примчалась домой, прибежала на кухню и схватила ковш с водой, стала жадно пить, чтобы остудить смущение. И вдруг увидела отца, который смотрел в окно. Девушка ахнула, Леонас стоял напротив двери предбанника, которая была открыта, наблюдал, как пленные выходили оттуда. Посеревшее от ярости лицо отца не предвещало ничего хорошего.

– Иди к себе и не смей подходить к рабам! – грозно сказал он.

На следующий день Жемайтис укатил на лошади в город и вернулся после обеда с двумя немецкими солдатами, вооруженными автоматами.

Илья и Павел работали в хлеву, когда их отвели на конюшню. Там уже толпилась прислуга и батраки хутора. Все с любопытством посматривали на русских солдат в стороне. Леонас на своем языке что-то объявил людям и махнул рукой немцам. Те взяли за руки Илью и подвели к перекладине на высоте вытянутой руке, откуда свисали веревки.

Павел похолодел от ужасного предчувствия:

– Неужели повесят?

Виски парня сдавило обручем отчаяния и злости. Ничего нельзя было поделать, и Павел Семенович сцепил зубы, наблюдая, как стянули гимнастерку с нижней рубашкой, связали руки друга и, подтянув их к перекладине, привязали веревкой. Тишина стояла такая, что, казалось, слышалось биение сердца связанного пленника.

– Пятьдесят розог за то, что посмел распускать грязные руки на хозяйку! – громко порусски объявил Леонас, поднимая длинный гибкий прут.

Глава 28

Одна из бомб врага угодила в поликлинику при заводе, где работала мама, и девочка осталась с бабушкой. Для них началось страшное и совсем голодное время.

Когда умерла бабушка во сне. Исхудавшую девочку отвели в ближайший детский дом. Там было немного сытнее и теплее, но дети не могли наесться. Мальчик по имени Венья собирал кумушки во дворе и показывал Полине:

– Смотри, какие конфеты. Вот соберу целый карман и тебе дам попробовать одну. Хочешь?

Девочка отрицательно покачала головой, но промолчала. Она стала часто болеть. Ее и еще двадцать детишек-доходяг врачи решили переправить на материк, чтобы спасти от смерти.

Маленький Венечка не дождался. Однажды ночью он съел собранные «сладости» и умер. Ледовая тающая дорога через Ладожское озеро была опасной, поэтому ребяташек

отправили на небольшом самолете. Поле запомнилось, как его швыряло в воздушных потоках: то падал вниз, то взмывал вверх. Дети боялись, но они не хныкали и сидели, молча, держась за скамейки вдоль бортов. Они разучились плакать в блокадном городе. Наконец, самолет приземлился. Детей отвезли на автобусе в одну из школ, где разместились детский дом. Это было временное пристанище, распределитель для отправки в глубокий тыл. Но детей там начали лечить и сытнее кормить.

Воспитатели испуганно смотрели на новых питомцев, поражались их худобе и изможденным лицам. Удивляло, что они были по поведению необычайно взрослыми детьми, которые без возражений выполняли команды персонала, но передвигались медленно и осторожно, «теньями».

Когда они немного окрепли, а на лицах даже стали появляться улыбки, детей решено было переправить в детский дом на Урале. Об удобствах переезда в условиях военного времени никто не помышлял, и считалось удачей получить для перевозки эвакуируемых хотя бы «теплушку».

...Когда вагон выровнялся после очередного толчка, Полина открыла глаза. Серые глаза девочки казались огромными на худеньком и серьезном личике. Она осмотрелась.

Многие детишки не спали и смотрели на свою воспитательницу Марию Федоровну, сидевшую за небольшим столом, покрытым белой простыней.

Путешествие детей затягивалось. Их эшелон часто стоял на запасных путях, пропуская воинские эшелоны, спешащие на фронт. На стоянках воспитательница отодвигала дверь, и дети могли видеть вагоны, полные солдат. Бойцы приветливо махали детям и что-то кричали. Полина напряженно всматривалась в лица солдат, выискивая родное лицо папы.

В дороге Мария Федоровна варила детям картофель, раздавала хлеб и поила чаем, заваренным сушеной черникой. На шестой день утомительного пути, продукты почти кончились. Но завтра путешествие завершится, и детей отвезут на новое место жительства, накормят и уложат спать в мягкие постели. Об этом воспитательница сообщила детям, которые почти не отреагировали на новость и продолжали равнодушно смотреть на нее. Женщина уже привыкла к молчанию детей: что с них взять, они много пережили и видели в блокадном Ленинграде, знали, что такое смерть, голод и холод. Потребуется немало времени, чтобы научить их смеяться, играть, бегать, не вздрагивать от резких звуков.

На следующий день прибыли на станцию назначения. Это был крупный железнодорожный узел с многочисленными путями, сплошь заполненными составами всех видов: пассажирскими, воинскими, товарняками с военной техникой и порожняком, готовым к погрузке.

Мария Федоровна широко открыла дверь «теплушки». Состав стоял на одном из многочисленных путей, слева и справа тянулись эшелоны. Где-то вдали слышался шум паровоза, виднелся его дым. Воспитательница поняла, что потребуется немало времени, пока их найдут и выгрузят. Погода встретила прибывших детей неприветливо, но это не страшно, главное, что утомительная поездка позади.

Радостное настроение воспитательницы, которая быстро сновала по «теплушке» и весело разговаривала с детьми, передалось Поле. Она с любопытством слушала слова женщины о том, что они скоро приедут в новый дом, познакомятся и подружатся с другими детьми, а ночью будут спать на чистых постелях, и им будут сниться только хорошие сны.

Девочка даже разволновалась, ее щеки слегка порозовели, а глаза сияли.

Мария Федоровна решила сходить на станцию и выяснить, когда придет транспорт, чтобы переправить прибывших питомцев в детский дом. Заодно, нужно было набрать питьевой воды – ведерный чайник был пуст.

Посмотрев на детей, она бодро сказала:

– Я схожу на станцию, разузнаю все и наберу воды. Вы оставайтесь на местах. Если что-то понадобится, то обращайтесь к Полине, она поможет всем.

Поля Степанова была самая сообразительная из подопечных детей. Отзывчивая и сообразительная девочка всегда помогала воспитательнице кормить и поить других детей, ухаживать за больными. Мария Федоровна прыгнула на землю и, подумав немного, крикнула внутрь «теплушки»:

– Поля, я, пожалуй, закрою дверь. На улице сыро и прохладно, как бы вы не простыли у меня. Ждите, я быстро обернусь!

Дверь покатила на роликах и шумно закрылась, в вагоне стало сумрачно от скудного света.

Девочка прошла к столу и села на место воспитательницы, подражая ей, подперла голову кулачками и стала ждать.

Дети лежали и сидели на своих постелях, молча, смотрели на Полину, их глаза на исхудалых лицах казались неподвижными и печальными.

Минут через десять снаружи послышались голоса. Кто-то подошел к «теплушке», и женский голос громко сказал:

– Вот, этот вагон, смотрите, номер совпадает.

Поля услышала, как что-то прошуршало по стенке вагона – так обычно пишут мелом, и шаги стали удаляться. Через какое-то время послышались пыхтение и гудки паровоза. Вагон дернулся и покатился по путям, затем остановился, потом снова тронулся. Он двигался то назад, то вперед, стоял и опять куда-то ехал.

Наконец, «теплушка» остановилась. Послышался лязг сцепного устройства. Вагон отцепили от паровоза, который на прощание весело просвистел и удалился.

Дети смотрели на дверь, а Поля встала из-за стола, подошла и прислушалась. Тишина. Голосов не слышно. Она села на место.

Прошел час, но никто не появился.

Самые маленькие начали беззвучно плакать. Они лежали неподвижно, и по их щекам стекали крупные слезы.

Полина чувствовала себя не лучше остальных, боялась, что их забудут здесь, и они умрут от голода в темном вагоне. Но девочка постаралась не показывать своего страха малышам, стала подходить к каждому и успокаивать:

– Ну, чего ты плачешь? Мы приехали, нас скоро заберут отсюда. Видели, сколько вагонов на станции? Потерпи немного, нас обязательно найдут среди них.

Дети перестали плакать, но стали просить, попить и поесть.

Поля подошла к столу, посмотрела в стоящий под ним ящик, где обычно хранился хлеб, нашла пару краюшек. На столе стояли две полные чашки, куда воспитательница слила остатки воды.

Девочка раздала по кусочку черного хлеба самым маленьким детям.

– Вы уже большие и подождете, пока Мария Федоровна придет, – уговаривала она остальных ребят.

Ей трудно было давать кусочек хлеба одним, обнося других. Все одинаково хотели кушать, но девочка выбирала слабых, отворачиваясь от просящих глаз обделенных хлебом детишек.

Пить Полина давала детям по глоточку, чтобы хватило подольше, но к вечеру этого дня воды не осталось.

Перед сном, чтобы малыши не плакали и не просили кушать, Поля рассказывала им сказки, которые слышала от своей бабушки Нины. Потом стала выдумывать разные истории, где папы убивали проклятых фашистов, возвращались с Победой домой и подкидывали на руках детей высоко вверх, так, что дух захватывал.

Девочка так уверенно рассказывала, что дети ожили. Глаза малышей засияли радостью, а лица оживились.

– Мой папа – разведчик, – громко сказал один мальчик. – Когда его хотели схватить фашисты, он их всех раскидал и поубивал из автомата. Он сильный, а когда придет за мной, то возьмет на руки и унесет домой к маме.

– Обязательно придет, ты только не плачь больше. Ты жди его, он заберет тебя и будет гордиться, что его сын не хныкал от голода и не боялся темноты, – сказала ему Поля.

– А, мой папа – танкист! Он, как стрельнет из пушки по немцам, только щепки полетят, а ему ничего не будет. У него в танке броня, ее не пробить ничем. Он тоже придет за мной, а я ему скажу:

– Я пить очень хотел, но не плакал, терпел.

Я расскажу, как страшно быть одному в вагоне.

– Твой папа – герой. И ты будь таким же, не бойся темноты, не один ты здесь, нас много и за нами придут завтра, – подбодрила его девочка.

– И наш папа вернется, – воскликнули две девочки-сестренки, – он такой сильный, что нас сразу двоих на руки возьмет.

Отовсюду посыпались возгласы:

– И мой придет!

– И меня заберет!

Поля уложила спать детей, но сама плохо спала. Девочке хотелось есть и пить, но она терпела, время от времени проводя языком по пересохшим губам.

– Где же наша воспитательница? Почему не приходит? – думала девочка, глядя в темень вагона.

На следующее утро Мария Федоровна не возвратилась. Дети уже вторые сутки находились одни без воды и хлеба. Ночью малыши продрогли – небо было покрыто свинцовыми облаками, моросил мелкий дождь.

Полина решила приоткрыть дверь «теплушки», но ее сил не хватило. Тогда девочка подзвала двух самых сильных мальчиков, втроем они налегли на дверь, и она стронулась с места, но затем ее заклинило.

Осталась маленькая щель, куда проходила только тонкая рука ребенка.

Сквозь этот узкий проем, Поля разглядела, что их вагон стоит напротив какого-то строения, значит, когда-нибудь здесь появятся взрослые и вызволят детей.

Малыши не просили больше есть, но очень хотели пить и снова беззвучно плакали.

Дождь усилился и перешел в ливень. Полина вытянула наружу руку и та стала мокрая.

Повернув вверх ладонью руку, девочка собрала немножечко воды и слила ее в чашку, сама же просто облизала свою руку и жажда стала меньше.

Она подзвала на помощь детей постарше, чтобы делали также.

Из чашечки, куда удалось набрать дождевой воды, она поила детишек, приговаривая:

– Вот, попей немножечко и оставь другим.

К вечеру почти все лежали безучастно на своих местах, молчали и больше не плакали.

Полина старалась поддержать дух детей, стала рассказывать им, что по дороге к ним автобус сломался, застряв в большущей луже, ведь на улице такой ливень. А завтра сюда приедут люди, с ними будет Мария Федоровна, которая принесет хлеба и воды.

– Вы поспите немножечко, а утром все кончится, – уговаривала девочка самых слабых малышей. Она ложилась рядом и разговаривала с ними, пока дети не засыпали.

Ночью девочке было особенно страшно: если завтра их не заберут отсюда, то маленькие и слабые детишки начнут умирать. Она смотрела на яркую звездочку на темном небе и шепотом просила Марию Федоровну вернуться.

Но и на следующее утро ничего не изменилось, детей не приехали забирать. Только погода наладилась, дождя не было, и с утра пригревало солнце. Детям стало теплее.

Поля уже не знала, что должна им говорить, но не подавала вида, что встревожена и сама теряла силы.

Вдруг послышались голоса людей, девочка подошла к двери и вытянула наружу руку.

– Откройте двери, подгоните самосвал и скидывайте металл в кузов! Мартеновцы ждут сырье, – прозвучал зычный мужской голос.

– Петрович! Гляди, что это такое? – раздался женский голос.

К двери «теплушки» подошли люди и с удивлением рассматривали тоненькую детскую

руку, на которой отчетливо просвечивались синие жилки.

– Открывайте дверь! Только осторожно, а то выпадет ребенок!

Двери поехала в сторону, и Полину подхватили сильные руки.

Через полчаса к вагону прикатил автобус, и с ним Мария Федоровна, которая закричала сквозь слезы:

– Потеряшки, вы, наши! Мы думали, что вагон на фронт по ошибке увезли, а его здесь спрятали, решили, что в нем металлолом!

Детей осторожно перенесли в автобусы, где дали напиток и немного покушать. Потом повезли в местный детский дом.

Полина сидела возле Марии Федоровны, которая прижала к себе, гладила ее по головке и думала:

– Считай, вторую блокаду детки пережили. Пожалуй, если бы не мужество девочки, то не знаю, как бы все вышло. Проклятая война, видишь, что делает.

Поля была спокойна, она знала, что теперь все будет хорошо.

А еще девочка верила, что после войны ее заберет отец. Он придет сильный, красивый, с множеством боевых наград на груди и высоко поднимет ее на руках. Даша расскажет ему, что была умницей, и они будут снова жить в Ленинграде.

Глава 29

Первый удар розги по спине заставил Илью содрогнуться, он рванулся вперед, но веревка держала его прочно. Кожа вздулась и наполнилась кровью. Удары сыпались на беззащитное тело, парень глухо стонал от боли и всякий раз вздрагивал, когда прут рассекал кожу. Вскоре вся спина была испещрена кровяными полосами. Леонас продолжал с оттяжкой наносить удары.

Последний удар розги Илья уже не чувствовал, сомлел, и, если бы не путы, упал бы на землю. Люди уже не смотрели на пленника, отвернулись. И только Павел Семенович не мог отвести взгляда от окровавленного мяса на спине друга, каждый удар принимал тоже на себя и вздрагивал от боли, как и Илья. Слезы непроизвольно лились по исхудавшим щекам парня.

– Он получил свой урок! – сказал Жемайтис, оглядывая всех, когда Илью потоком колодезной водой из ведра привели в чувство солдаты. – Надеюсь, он не повторит ошибки.

– Сука! – с ненавистью прошептал Илья.

– Что ты сказал? – Леонас побагровел, и у него от ярости вздулись жилы на шее. Он размахнулся и ударил изо всех сил розгой по пленному солдату. Прут змеей прошелся по спине и тонким концом обил на секунду шею Ильи. Палач потянул розгу на себя. Страшный удар распорол вену, как ножом. Артерия лопнула, и из нее ударил красный фонтан.

Через минуту друга не стало.

Павел Семенович люто возненавидел хозяина и поклялся отомстить за друга. Но Леонас отправил его с немцами снова в лагерь для военнопленных, побоялся держать в доме русского солдата, в глазах которого читалась угроза.

В лагере Павел попал в группу, которую отправили в город Кохтла-Ярве. Это была уже Эстония. Павла Семеновича определили работать на сахарном заводе. Как оказалось, не совсем плохое место для невольников. Люди питались украдкой свеклой и патокой, окрепли физически от такого приварка к скудному немецкому пайку.

Павел отрешенно и молча работал и ни с кем близко из пленных собратьев не сходил. За годы войны он потерял уже двух друзей: Петра Ивановича и Илью. Павел Семенович замкнулся в себе, много не разговаривал, но всегда приходил на помощь товарищам, если в этом была необходимость. Он подкармливал ослабевших солдат, когда получал дополнительный паек от немцев за квалифицированную работу. Павел еще в армии стал

мастером, как говорится, на все руки. Он разбирался в моторах, был на ты с электричеством, охотно слесарничал, плотничал. Все в жизни интересовало его.

Двадцатого апреля тысяча девятьсот сорок четвертого года группы пленных погнали на железнодорожную станцию, снова выдали небольшой паек и загнали в вагоны.

Через двое суток выгрузили в порту Виртсу и посадили на катера. Павел Семенович впервые увидел море. Он стоял на палубе среди пленных солдат и грустно любовался зеркальной поверхностью пролива Муху, который надежно прикрывали от балтийской крутой волны острова Муху и Езель.

У причала острова Муху военнопленных ссадили с катеров и погрузили на машины. Снова замелькала привычная земля, леса, села. На ночлег остановились в городе Муху в каком-то каменном сарае.

– Кругом одни лишь мухи, и мы среди них, как духи! – рядом с Павлом укладывался спать неунывающий парень, который всегда балагурил.

– Муха, мухой, лишь бы не получить за разговоры в ухо, – улыбнулся ему Павел Семенович. – Тебя как звать?

– Иосиф.

– Меня величают Павел Семенович. Неужели еврей?

– Зачем еврей, белорус – я, Иосиф Яковлевич Купрейчик.

Мужчины разговорились. Павел рассказал о себе все и спросил:

– Давно в плену сам-то?

– Считаю с начала войны. Я был саперным лейтенантом и командовал ротой охраны. Мы обороняли шоссе мост у Двинска на Западной Двине...

26 июня Иосифу доложили, что четыре грузовика с солдатами в советской форме пытаются захватить мост. Когда он прибежал к посту, одна машина уже проскочила через мост. Три другие задержали. В перестрелке погиб командир диверсантской группы немцев и пятеро их солдат, много было ранено. Они отошли, но удалось захватить одного из них в плен. Он рассказал, испугавшись смерти, что это была группа из полка особого назначения «Брандербург» под командованием обер-лейтенанта Кнаака.

– Мост, значит, удержали?

– Нет, браток. Через час подошли немецкие танки и вышибли нас к чертовой матери. Меня отшвырнуло взрывом в сторону, и я потерял сознание. Когда пришел в себя, был уже вечер и везде хозяйничали немцы.

– Мост-то успели взорвать?

– Нет! Приказ так и поступил на уничтожение объекта, хотя я доложил, что идут танки и пехота. Без приказа взорвать мост нельзя – расстрел на месте, сам знаешь.

– Дела, – Павел присвистнул и посмотрел на коренастого мужчину. – Чего же они держат тебя с рядовыми солдатами, если лейтенант?

– Я не сказал, что командир, записался, как рядовой. У них тоже бывает неразбериха, записали, как сказал, и отправили в лагерь.

– А форма?

– В том-то и дело, что пришел в себя в нижней рубашке и кальсонах. Даже без сапог оказался, босой. Литовские мародеры поработали, спасибо им, даже портянки забрали, а они у меня были из байки, командирские. А так бы расстреляли на месте, и все дела.

– Да, знал я такого в Литве мародера, не дай Бог попасть ему в руки.

– Тоже слышан о зверствах литовцев.

– Не боишься, что продам тебя? – Павел с любопытством покосился на Иосифа, который доверил ему свою тайну.

– Не, не такой ты, Павел Семенович! В плену видно человека насквозь, да и страх я давно потерял уже. Давай вместе держаться!

– Давай я тебя Осипом буду звать, мне привычнее так.

– Хоть горшком, только в печь не ставь! – рассмеялся Иосиф.

На другой день пленных накормили, на грузовиках привезли в порт и снова посадили на катера. Всех высадили в бухте острова Даго, где их дожидался грузовой пароход. Военнопленных солдат, подталкивая в спины, по трапу завели на палубу и заставили спуститься в трюм.

Когда задраили крышку люка, люди оказались в полутьме огромного грузового помещения. Пара фонарей сверху скупо освещало человеческий муравейник. Каждому дали по буханке хлеба. Питьевая вода подавалась прямо в трюм по резиновому шлангу.

Павел открыл кран и напился воды.

– Ничего водица, пресная, а я боялся, что соленая будет, морская, – сказал он.

– Воды хватает, амбар крепок, углы не худы, но до леса далеко! – Иосиф похлопал по металлической обшивке трюма. – Остается узнать, где поставить кровать. Переминаясь с ноги на ногу, не раскаляешься.

Друзья опустили на стлани трюма и прислонились спинами к переборке.

– Жаль не видим, куда нас судьба везет, – сказал Павел.

– Поди, в неметчину, иначе, зачем на корабль погрузили нас. Как ни бейся, на что не надейся, а себя не теряй!

– Верно, давай перекусим, пока хлебушек есть чем жевать, – Павел Семенович достал из-за пазухи буханку.

Вскоре послушалась беготня команды судна по палубе, крики, и люди в трюмах почувствовали, как задрожала обшивка корабля, услышали шум винта и пыхтенье парового двигателя.

Корабль вышел в море и отправился в путь.

За двое суток судно ни разу не качнуло, море было спокойное и гладкое, как зеркало. Но военнопленные этого не видели. Они сидели в душном трюме, в котором воздух на третьи сутки стал вонючим и ядовитым. Туалета в трюме не предусмотрели, и люди ходили в один угол, из которого уже на второй день путешествия несло так, что даже привычные ко всему пленные солдаты зажимали носы.

Через пятьдесят два часа пути грузовые люки наконец распахнулись, зловонное облако рассеялось, и люди, глотнув свежего воздуха, повеселели.

– Родная сторона – мать, чужая – мачеха, – сказал Павлу Иосиф, когда их вывели из трюма, и они увидели чужие островерхие крыши кирх и каменных домов.

Так судьба занесла военнопленных в польский город Гданьск, но не задержала здесь. Мужчин построили в колонны и погнали на железнодорожную станцию. Там распихали по товарным вагонам и выдали по буханке хлеба и банке мясных консервов.

Вскоре поезд тронулся и покатился по рельсам.

– Arbeit macht frei, – прочитал вслух надпись на железных воротах Павел, когда через четверо суток пленных выгрузили из вагонов и пригнали в концентрационный лагерь Дахау.

– Беда бедой беду затыкает, – сказал Иосиф. – В самое фашистское логово угодили мы. В такую даль нас завезли, аж под Мюнхен. Я до войны читал в газете, что в этих краях Гитлер начинал карьеру фюрера нации.

– Для бешеной собаки семь верст не крюк! – зло прошептал Павел Семенович. – А нам далеко придется до дома шлепать отсюда.

На многоярусных нарах лежать днем не разрешали. Только ночью после работы или опытов, которые проводились в концлагере Зигмундом Рашером по приказу Генриха Гиммлера над людьми.

В первый день на пленных оформили учетные карточки, сняли отпечатки пальцев, присвоили номера и переодели в полосатые одежды. Ефрейтор Лошаков получил первый номер. Иосиф – сотый, и его тщательно осмотрел врач и что-то пометил в бумагах.

– Что-то не нравится мне такое внимание к моей персоне, – сказал он Павлу. – Одних смотрел врач, других – нет. Как бы не угодить в преисподнюю. Хоть у меня остались кость да жила, а все же сила.

Иосиф Купрейчик оказался прав, и он угодил в группу военнопленных, над которыми проводились опыты изучения воздействия холода на человека. Доктор Рашер рьяно выполнял заказ национал-социалистических военных ведомств.

– Ну, как, Осип, там? – спросил Павел друга, когда он вернулся на ночлег в первый день испытания холодом.

– Был бы омут, а черти найдутся. Если бы дрожать не умел, совсем бы замерз, – в обычно насмешливом голосе лейтенанта звучала смертная тоска. – Гады, издеваются над людьми, и ничего нельзя сделать.

– Держись, браток! Неволя скачет, неволя пляшет, неволя песни поет.

– Ты, если что, сообщи моей жене Анне. Расскажи, как были в плену. Жаль, не увижу ее и сына Олега.

– Не узнаю тебя, Осип! Мы еще погуляем с тобой на воле.

– Конечно, погуляем, Павел, но на всякий случай, запомни адрес моей семьи в Ленинграде.

– Да, я и так знаю, как и ты – мой.

На следующий день Иосифа Купрейчика увели в медицинский блок, а Павла посадили с другими военнопленными в автобус и увезли в Дессау для работы на сахарном заводе. С тех пор разошлись дороги друзей по неволе.

И Павла Семеновича «заклинило» на побеге. Тоска по дому и родным краям тисками сдавливало сердце, отключило здравый смысл.

Через неделю он выбрал удобный момент и выскользнул за ворота. Откуда было знать калининскому парню, что в Германии нет бескрайних лесов, где можно затеряться.

Городки, села и деревни, как рассыпавший горох на полу, густо усыпал немецкую землю, так близко друг к другу, что между ними было не больше пяти, шести километров.

Невозможно пройти мимо села незамеченным. Уже через пару часов после побега его схватили полицейские и сопроводили к охране.

Павла Семеновича пороли на глазах пленных солдат. Павел, молча, вынес экзекуцию, и уже через день работал на сахарном заводе. Какой-то бес вселился в парня. Он, рискуя быть расстрелянным, тихонько менял сахар на сигареты и делился с товарищами. Жизнь, казалось, для него не представляла большой ценности.

Через месяц, когда внимание охранников к нему ослабло, Павел Семенович перемахнул через забор и побежал к лесу.

В этот раз ему не удалось даже добежать до лесного массива. Собаки, пущенные по его следу, загнали парня на дерево.

Снова Павла высекли, и он опять стал работать на заводе. Видимо, немцы понимали, что война завершится поражением. Они не хотели проливать лишней крови, оставили парня живым.

Но уже через тридцать дней Павел Семенович вновь самостоятельно ушел за ворота. Через день его выловили и опять дали пятьдесят розог. На спине больше не было живого места, казалось, одни рубцы вместо кожи.

Терпение немцев лопнуло, и Павла отправили в лагерь Мосбург-на-Изаре. Но там не оказалось свободных мест, и его переправили в Мемминген, где пленника тоже не приняли.

Потом привезли в лагерь военнопленных в Нойбург-на-Дунае, где в рядах шестисот человек определили работать на постройке аэродрома.

Как уже говорилось выше, Павел Семенович Лошаков имел хорошую голову и золотые руки. Поэтому его заметил баур, который забрал парня и привез на крестьянскую усадьбу в Шельклинген. Сын хозяина погиб на восточном фронте, и он имел право на помощь властей для ведения хозяйства.

Подворье стояло на окраине села, но Павел не помышлял больше бежать. Он понял тщетность попыток, решил, что лучше работать в поле, чем быть повешенным за непослушание.

Он не знал, что творится в мире, как идут дела на войне, но по отношению немцев к военнопленным, понял, что она идет к концу.

Как у литовского хозяина хутора когда-то, здесь Павел тоже спал в сарае на соломе вместе с поляком, который уже год трудился на подворье.

Баур сносно кормил и был благодарен русскому парню, что тот отремонтировал ему трактор, на котором разрешил умельцу пахать землю.

Невестка хозяина Ельза всегда улыбалась синеглазому парню, и Павел в ответ степенно кланялся, чем очень смешил белокурую девушку. Вскоре хозяин заметил обоюдные симпатии молодых людей, предложил Павлу Семеновичу:

– Пауль! Скоро война закончится, оставайся у меня. Ельзу отдам в жены, она хорошая девушка и не жила совсем с моим сыном Ерихом. Только расписались и на следующий день его забрали в армию. Говорят, что русских солдат, побывавших в плену, отправляют в Сибирь. А здесь будешь спокойно жить, своих детей растить.

Глава 30

Отряду, в который входила Елена Ершова было не суждено вернуться с задания. Их накрыла волна наступающих советских войск в районе города Холм. Как прошлым году, когда немцы обогнали стадо колхозных коров, которое перегоняла на восток Елена Ершова, в январе этого года маленький партизанский отряд, в который входила Елена, оказался на передовой.

Выстроенные в три эшелона войска 3-ей ударной армии наносили удар врагу в направлении города Великие Луки. Полки 4-ой ударной армии наступали на Пено, Охват, Андреаполь. Сосед 3-ей, 34 армия, которая находилась справа, левым флангом наносила удар на Ватолино, обеспечивая наступление правого крыла своей же армии.

Севернее Осташкова в районе станции Охват наступающие войска А.И.Еременко встретили боевую группу 81-й пехотной дивизии в составе 189-го пехотного полка, усиленного дивизионом 181-го артиллерийского полка дивизии. Боевая группа дивизии попала в классический «мотти», горькие уроки которых Красная Армия извлекла из финской кампании. По опыту финской войны в СССР были сформированы отдельные лыжные батальоны, которые придавались дивизиям и армиям для обходов и охватов по глубокому снегу. Применение лыжных батальонов в насыщенной населенными пунктами местности на западном направлении встречало определенные трудности. В наступлении на Холм и Торопец лыжники были применены по прямому назначению. Два лыжных батальона обошли обороняющуюся боевую группу по льду озера с тыла и перехватили ее пути отхода.

Их разведчики засекли четырех партизан на лыжах в лесу и доставили в батальон. После проверки мужчин отправили в стрелковую роту – каждый солдат был на вес золота, а Елена Ершова стала санитаркой медицинского отделения боевой группы из пятисот бойцов – все, что осталось от двух батальонов.

Бои с окруженными немцами шли несколько дней, с 13 по 15 января 1942 года. Боевая группа была практически полностью уничтожена врагом, к Торопцу вышли всего 40 человек, в том числе и красноармеец Елена Трифоновна Ершова.

Задорная и беспечная до войны девушка повзрослела на крови, страданиях и лишениях. Она не вздрагивала от минных разрывов, не пригибалась от каждого свиста пуль, привыкла к стонам раненых бойцов. Девушка перевязывала покалеченных мужчин, поила водой и отгаскивала с поля боя.

Растянувшийся на 500 км при наступлении Северо-Западный фронт остановил войска и с февраля перешел к обороне уже переименованный в Калининский фронт. Полки

зарывались в землю, и, пользуясь временной передышкой, получали пополнения в живой силе, технике и снабжении.

Медсанбат спешно отправлял в тыл раненых солдат. Елена таскала носилки, меняла повязки, не замечая времени. Без сил падала на топчан в построенном для лазарета бараке на ночь. На фронте было затишье, и только тревожили налеты фашистской авиации. Елена Трифонова привыкла ко всему, кроме натужного воя пикирующих самолетов, поливающих свинцом землю и разбрасывающих позади себя бомбы. Елена забивалась в щель и закрывала голову руками, дожидаясь, когда прекратится бомбежка. Затем бежала на помощь раненым во время налета солдатом.

Без малого десять месяцев Калининский фронт стоял на месте, не наступал, но и не давал немцам прорвать оборону. 24 ноября 1943 года началось наступление в направлении Великих Лук. Советские войска, преодолевая свирепое сопротивление врага, километр за километром продвигались вперед, освобождая деревни и села.

2 декабря, встретив хорошо организованное сопротивление немцев в районе Новосokolьников, соединения ударной армии вынуждены перейти к обороне. Вплоть до 25 декабря советские войска отражали атаки немецких войск. Каждый день немыслимое число раненых солдат поступало в армейский лазарет, медицинский персонал сбивался с ног, разгружая санитарные машины. Елена держалась, работала сутками, стараясь не уснуть на ходу, а раненых все везли и везли и, казалось, конца не будет вереницы машин.

Немцы выдохлись, остановились и приступили к перегруппировке своих сил. Используя затишье, медсанбат отправил тяжелораненых солдат в тыл, передохнул.

4 января немцы вновь приступили к атакам, но советские войска, подтянув резервы, прорвали немецкие ряды и пошли в наступление. 16 января 1943 года у противника остался единственный очаг сопротивления – штаб обороны во главе подполковника фон Зассом. Но майор Э. Лемминг с тридцатью красноармейцами ворвался в подвал и захватил в плен пятьдесят два немецкого солдата и подполковника.

Великие Луки были освобождены.

Битва на великолукском направлении ознаменовалась исторической победой советских войск на курской дуге.

В тяжелых оборонительных боях армия участвовала западнее города Великие Луки до октября 1943 года. Девять месяцев напряженного труда воинов советской армии не позволили врагу ни на шаг продвинуться вперед. И уже в составе Прибалтийского, а затем 2-го Прибалтийского фронтов 16 октября пошла в атаку и освободила старинный русский город Невель.

Елена Ершова с группой санитаров возвращалась 27 июля 1944 года с передовой на грузовых машинах в лазарет, когда колонну остановил лейтенант. Третья ударная армия атаковала город Резеке, открывая начало боевых действий на территории Литвы.

– Приказываю всем, кто может, помочь подносить боеприпасы минометным установкам, которые понесли большие потери, – крикнул офицер и тихо добавил. – Пожалуйста, добровольно, у нас снайперы выбили людей. Мы поменяли позиции, а бойцов почти не осталось.

Елена вместе с другими санитарями побежала за лейтенантом. Реактивные минометные установки БМ-13, легендарные «Катюши», уже установили в боевые позиции, и немногочисленные расчеты спешно заряжали их для залпа. Явно было видно, что бойцов не хватало, оставшиеся в живых солдаты металась между складом боеприпасов и боевыми машинами, подтаскивая мины.

Лейтенант распределил подкрепление по расчетам, и Елена в паре с другим санитаром принялась подносить мины к своей установке. Минометчики подхватывали снаряд, вставляли его в направляющую и задвигали до хвостового оперения.

– Как на рельсы кладут, – подумала девушка, рассмотрев «Катюшу».

– Расчет в укрытие! – услышала она команду и забежала со всеми в траншею.

– Пли! – крикнул командир. Машины слегка вздрогнули, и с рельсовых салазков один за другим сорвались мины и улетели вдаль. Шестнадцать реактивных снарядов, постанывая в воздухе, унеслись светлячками за горизонт, разбивая в шести километрах в пух и прах монастырь, в котором укрепились фашисты.

Как только последний снаряд уходил в небо, расчет выбежал из укрытия и вновь заряжал установки смертоносными минами.

Завершив огонь по врагу, установки привели в походное положение и увезли на другие позиции. Враг мог засесть батареею и уничтожить ответным артиллерийским огнем. Санитаров отпустили, и они отправились догонять своих.

Армия, в которой служила красноармеец Ершова, освободила города Резекне, Двинск и двинулась к Рижскому заливу.

Но в конце 1944 года армию погрузили в железнодорожные вагоны и перебросили в Польшу, в район Минск-Мозовецки, Калушин, Лив, Добре (25 км восточнее Варшавы), в составе 1-го Белорусского фронта.

По мере прибытия на место, армии маскировались в лесах. Враг располагался недалеко, Варшава еще находилась в руках фашистов.

Войска пополнялись бойцами, техникой, готовилось большое наступление на запад.

Боевые действия первого Белорусского фронта вновь начались 14 января 1945 года. За четыре дня продвинулись на сотню километров. В лазарете снова закипела напряженная работа. Елена закрутилась в привычном ритме: погрузка, разгрузка раненных солдат, перевязки ран и уход за тяжелоранеными бойцами.

День освобождения Варшавы медсанбат встретил на марше, армия получила приказ двигаться вторым эшелоном вслед за наступающими войсками и быть готовой поддержать их.

Елену Ершову с утра знобило, она чувствовала себя так отвратительно, что не могла стоять на ногах. Врач, осмотревший ее, установил воспаления легких. Елену уложили на носилки и отправили в лазарет.

Она несколько дней лежала в забытьи. Когда пришла в себя поразила солнечному дню. Дневной свет пробивался сквозь окна и непривычно резал глаза больной. Очень хотелось пить, и Елена потянулась рукой к кружке, стоящей на тумбочке.

– В себя пришла? – услышала она удивленный голос. К ней подошла женщина в белом халате и таком же платочке. – Уже думали, ты не встанешь, умрешь, не дождавшись победы.

Она напоила Елену и сказала:

– Теперь лежи, сил набирайся, сейчас поесть принесу.

– А, мои, где теперь? – спросила Елена Ершова.

– Твои-то топают по Германии уже. А ты отправишься домой, когда поднимешься на ноги. Войне – конец скоро, так что приказано всех, кто болен, ранен, по выздоровлению демобилизовать, и женщин в первую очередь.

Елена разволновалась от такой новости. Очень хотелось домой, но и жаль расставаться с боевыми товарищами, не попрощавшись.

– Бог даст, увидимся, – утешила себя девушка.

В начале апреля врач после осмотра сказал:

– Все, Елена, выписываю тебя и комиссию из армии по болезни. Ты побереги себя первое время, больше пей молоко, может, через пару месяцев окончательно оправишься от хвори.

Пригожим днем Елена Трифионовна закинула за плечи вещевой мешок с сухим пайком и подарками для мамы, отца и сестер – пару цветастых платочков на голову, два отреза на платье и кирзовые сапоги, и отправилась первым эшелоном из Польши в Советский Союз.

Лето в Заполярье было короткое и трудное, потому что бои стали более ожесточенными. Чем лучше воевали воины Заполярья, тем больше это вызывало раздражение противника и его активность.

В боях наступил август. На материке – самое лучшее время года: тепло, солнечно, но не жарко. А в Заполярье лето уже кончилось. Хотя белые сумеречные ночи еще продолжались, но было холодно, и краснофлотцы бушлат не скидывали даже в полдень.

Блокада полуостровов Средний и Рыбачий продолжалась гитлеровской авиацией, но и фашистов сильно зажали на подступах не только к Петсамо-вуоно, но и во всем Варангер-фьерде.

В начале августа с наблюдательного пункта 221 батареи доложили, что недалеко от берега плавают надувная лодка с летчиком, выпрыгнувшим с парашютом из подбитого «фокке-вульфа». Едва выслали катер подобрать его, как появились вражеские истребители, которые стали барражировать над летчиком на воде. Катер вернулся, иначе погиб под ударами фашистских истребителей.

Вскоре подоспел немецкий гидросамолет. По нему открыла огонь батарея лейтенанта Захарова. По ней начали стрелять тяжелые пушки из района Лиинахамари. Батарея, где служил Иван, и артиллеристы Соболевского стали работать по тяжелой артиллерии врага. Гидросамолет вынужден был улететь восвояси. К лодке выскочил немецкий катер из залива, но по нему открыли огонь советская батарея ЗИС-3 с полуострова Средний.

Командир артиллерийского дивизиона Космачев уже получил приказ, не допускать, чтобы фашисты спасли сбитого и так хорошо опекаемого летчика.

Вот такая баталия разгорелась из-за одного аса с «фокке-вульфа». С русской стороны вступили в бой еще две батареи. Они прекратили огонь только тогда, когда смолкли пушки противника. Фашисты израсходовали четыре сотни снарядов, советские артиллеристы выпустили не меньше. «Фокке-вульфы» улетели.

Один из советских летчиков на бреющем промчался над злополучной надувной лодкой, проскочил ее, и вместе с асом она пошла на дно. Противник не преследовал истребитель, и он благополучно сел на аэродроме.

Зима 1944 года выдалась не менее снежной. Артиллеристы, не покладая рук, трудились на батарее. Они разгребали снег, перетаскивали снаряды в погреб, стреляли днем и ночью по врагу. Редко выдавалась свободная минута, другая, когда можно присесть и отдохнуть, взглядываясь в бушующее свинцовое море, серое от облаков небо и белые скалистые берега. Только две краски главенствовали зимой в природе Заполярья: белая и серая. Война добавляла в однообразную палитру еще две: черную от взрывов и красную от крови.

В Петсамо, древней Печенге, высадили десант. 15 октября советские войска освободили порт и двинулись дальше на запад.

Для стационарной береговой артиллерии полуостровов война закончилась. Опустел Рыбачий. Почти все войска ушли в район Киркенеса.

Человеку, привыкшему к боевой жизни, трудно было найти себя в новой обстановке.

Но через несколько дней опять закружилось довоенное колесо жизни: боевая подготовка, практические стрельбы, строевые занятия. Жизнь входила в колею нормального рабочего дня, хотя на остальном фронте еще продолжались боевые действия.

Последние залпы в дивизионе дали 9 мая 1945 года вместе с артиллеристами всей Страны Советов.

На батарею позвонил начальник артиллерии Северного Оборонительного Рубежа и приказал приготовиться к стрельбе всеми батареями, но холостыми зарядами.

– Зачем, товарищ полковник? – спросил командир.

– Слушай радио, поймешь!

– Победа! — закричал командир и включил приемник.

Пролетел год. Весной сорок третьего года Олег сорвался с дерева. Он далеко ушел из дома, залез на самую высокую сосну у леса, хотел осмотреть округу – надоело слоняться на дворе дома. То ли оступился, то ли закружилась голова, и мальчик, потеряв равновесие, рухнул вниз. Он успел запомнить, как стремительно приближалась земля, которая жестко приняла его, и Олег потерял сознание, ударившись головой о ствол дерева.

Недалеко работали лесники, которые заметили мальчика. Они положили ребенка на телегу и повезли в поселок. Немолодой врач осмотрел пострадавшего и вызвал машину неотложной помощи. Он заявил, что нужно сделать рентгеновский снимок, чтобы убедиться, что кости целы, а это можно только сделать в соседнем городе Эхинген.

Олег пытался протестовать и, коверкая немецкие слова, просился домой к маме. Но его не слушали и на носилках погрузили в карету скорой помощи.

Напуганный мальчик с тоской проклинал про себя свой поступок и немцев, которые не захотели слушать его. Через пятнадцать минут Олег был в госпитале, и, не смотря на то, что мальчику было уже намного лучше, медицинские сестры уложили его на каталку и увезли на рентген.

Потом пришел хирург, посмотрел снимки и сказал, что кости целы, и разрешил встать. Но на левой ноге, на которую с трудом наступал пациент, оказались растянуты связки. Врач наложил тугую повязку на ногу, перевязал голову и куда-то позвонил.

Вскоре прибыл полицейский, который должен решить, что делать с сыном «остарбайтерин». Полицейский с огромным шрамом на лице и не сгибающейся рукой молча показал Олегу, чтобы тот следовал за ним. Мальчик с трудом доковылял с полицейским до остановки автобуса. Мужчина указал ему на скамейку, и сам присел рядом с Олегом.

Через полчаса прибыл автобус, и полицейский с мальчиком зашли на заднюю площадку. Олег увидел, что в салоне есть места и хотел пройти внутрь, но мужчина его остановил и показал, чтобы стоял здесь. Автобус тронулся, и мальчик уцепился за поручень, чтобы было легче стоять на больной ноге.

Через пять минут мужчина в гражданской одежде крикнул полицейскому из салона:

– Ему тяжело стоять, пускай сядет на свободное место!

Все повернулись к мальчику и сочувственно рассматривали его. Олег покраснел от смущения и отвернулся к окну. Ему мама объясняла уже, что в транспорте они не должны заходить в салон, где сидят немцы, обязаны оставаться на площадках и тамбурах. Но он надеялся, что позовут присесть, потому что нога болела от толчков автобуса.

– Дамы и Господа! – громко сказал полицейский. – Он – русский!

Пассажиры отвернулись и больше не предлагали полицейскому, посадить мальчика.

Автобус по просьбе мужчины, сопровождающего ребенка, шофер остановил напротив подворья, и полицейский провел мальчика в дом, где долго что-то рассказывал хозяйке.

Анна схватила Олега и прижала к себе. Она уже знала от очевидцев о происшествии сыном, шептала:

– Зачем ты поперся так далеко от дома и полез на проклятое дерево?

Когда полицейский ушел, фрау Марта погрозила мальчику пальцем, но ругать не стала. Он и без того с трудом стоял на ногах и был бледный, как отбеленное полотно.

Анна уложила сына в постель и ушла хлопотать по дому. Она была рада, что не случилось ужаснее, чем она думала за время ожидания, и сын поправится скоро.

Незаметно бежало время вперед. Немцы жили своей жизнью: трудились, ходили в кирху по воскресеньям, где обсуждали дела на фронте, ждали ее окончания. Русские военнопленные и работники тоже отдыхали в воскресный день и тоже ждали конца войны. И вряд ли те и другие ясно понимали: для чего на фронтах гибнут люди. Зачастую, отгоняли опасные мысли, что так не должно быть, или на это есть уважительная причина, и об этом хорошо знают люди сверху. А задача простых людей выжить и дождаться мирных и счастливых времен, как раньше.

Анна жила надеждой, что скоро все кончится, и она с сыном поедет домой. Женщина была благодарна хозяевам, которые хорошо обращались с ней, были терпеливы к ее ребенку. После ужасов плена, работа по дому казалась ей раем, и она буквально «летала» по помещениям: мыла, скребла, стирала, гладила. В благодарность фрау Марта иногда дарила ей платья, сыну приносила обувь.

Вальтер не обращал никакого внимания на это, занимался с пленными работой на поле. Дела на фронте шли для немцев все хуже и хуже, и до работников стали доходить слухи о победном шествии Красной Армии. Павел с Анной при встречах торжествующе переглядывались, мол, скоро конец неволи.

В январе 1945 года Олегу исполнилось тринадцать лет. Мальчик заметно вырос, разговаривал баском и уже сносно говорил по-немецки.

Анна переживала, что сын останется неучем, потому что успел поучиться только один год в школе.

– Скорее бы вернуться в Ленинград, – говорила он сыну апрельским пригожим днем. – На чужбине хорошо, а дома все лучше. В школу еще походишь, вон, вымахал как.

Анна потрепала сына по голове и обернулась на шум моторов.

Во двор въезжала вереница незнакомых машин. Глаза слепило яркое солнце, и Анна Максимовна приложила к глазам домиком ладошку, с удивлением наблюдая, как из них, как черти из табакерки, посыпались горохом люди в странной форме. Особенно поражали негры, которых видела впервые.

– Какие черные, – удивился Олег. – Кто они, мама?

– Не знаю, сынок, но сдается, что кончилась война для нас с тобой.

Незнакомые солдаты по-хозяйски и деловито устраивались на подворье для ночлега. При этом они весело переговаривались и улыбались, казалось, что во рту мужчин белоснежных зубов у них больше, чем у обычного человека. Прибывшему домой Вальтеру протянули деньги и попросили забить поросенка. Тот кинулся с братом исполнять волю военных людей. Павлу и поляку не осмелились поручить это.

Такими запомнила на всю жизнь американцев, освободивших их из плена.

Павла и поляка уже на следующий день увезли на машине куда-то.

Он подошел к Анне и, смущенно улыбаясь, сказал:

– Ну, прощай Анна Максимовна! Может, свидимся когда на родине.

Затем он повернулся к Олегу и протянул руку:

– Бывай и ты, парень. Домой вернешься, наверстаешь учебу, только не ленись учиться. Знание – сила нынче.

Анна улыбнулась, но не стала отчитывать за официальный тон парня, попрощалась:

– Дай тебе Бог, Павел, здоровья и легкой дороги домой.

Павел махнул рукой и направился к Ельзе, которая скромно стояла в сторонке. После непродолжительного разговора с ней, он сел в машину, которая сразу тронулась.

Анна Максимовна грустно смотрела вслед. Пока она не скрылась за поворотом, как будто чувствовала, что судьба не сведет их больше вместе.

Вечером фрау Марта долго присматривалась к своей работнице, словно не решалась спросить, но потом все-таки предложила:

– Оставайся у нас, Анна, будешь по дому работать за деньги. Сына в немецкую школу отправим, комнату выделим вам побольше. Ты – хорошая девушка и прекрасная горничная служанка, мы были довольны тобой.

Анна долго думала, но отказалась:

– Спасибо, фрау Марта. Мы с сыном благодарны вам за хорошее отношение, но поймите, там муж будет ждать. Отец, мать, брат и сестры – тоже, я скучаю по ним, не обижайтесь, что отказываюсь.

– Вольному воля, мы не в претензии, конечно, среди своих лучше, чем среди чужих. Но говорят, что власти не жалуют, кто побывал в Германии.

– Чему быть, тому не миновать, но своего мужа и ему отца, – Анна кивнула на сына. – Я не брошу.

Вальтер сам через день доставил на поезде Анну и сына в город Ульм, где американцы разбили лагерь для русских военнопленных и работников. Фрау Марта собрала сумку, куда положила несколько платочков, отрез на платье, а Вальтер положил бритву для мужа служанки.

Американцы заполнили анкету на вновь прибывших и потом предложили работу на выбор в странах: Англия, Канада, Греция, Франция и даже Австралия. Но Анна Максимовна, не смотря на запугивание офицера, что в СССР им не поздоровится, решительно отказалась и в конце разговора добавила:

– На чужбине и собака тоскует.

Но не все рвались домой, многие оставались в Германии или переезжали в другие страны.

Через два дня американцы снарядили кортеж из грузовиков и отправил в Потсдам партию соотечественников в советский фильтрационный лагерь.

Глава 33

Павел промолчал, хотя и был польщен вниманием баура, но в его планы не входило оставаться на чужбину. Он намыкался по чужим углам, когда жил в Новгороде с отцом.

– Благодарю за предложение, Вальтер, но в чужом краю веселье, да чужое, в родном – беда, да своя, – сказал он.

Немец долго молчал, потом сказал:

– Может, ты и прав. Не зря народ говорит, что на чужбине и собака тоскует. Но знай, если надумаешь, всегда рад принять хорошего работника.

Павел Семенович кивнул головой и отправился в сарай. Прошло несколько месяцев, как он у хозяина сельского подворья. На жизнь парню жаловаться грех: накормлен, одет, обут, крыша над головой, но это все – чужое, очень хотелось домой.

– Олег, сколько раз тебе говорила, не шлепай по лужам, смотри, опять вымазался, как поросенок. Фрау Марта будет недовольна, что в доме живет такой неаккуратный мальчик, – услышал Павел строгий голос Анны, служанки хозяев, когда открыл ворота. Он знал, что она из Ленинграда, и была с сыном в концентрационном лагере Дахау. Ее тоже забрал на подворье хозяин.

Павел редко разговаривал с молодой женщиной, виделись только мельком. Она готовила обеды, прибиралась в доме и стирала на хозяйской половине дома, он работал на подворье и жил в сарае.

Весна 1945 года – ранняя, в апреле частые дожди насытили влагой землю так, что было не пройти, не измазавшись.

Мальчик низко опустил голову и молчал. Напротив него стояла рассерженная мама и строго смотрела на него.

– Ну, что ты накинулась на мальчика, Анна Максимовна, весна на дворе, снег ручейками тает, кораблики в самый раз пускать. Иль не была сама ребенком?

– Не заступайтесь за него, Павел Семенович, если бы в первый раз перемазался, а то каждый день приходится стирать его штаны. Мне и без того хватает хозяйского белья, а еще и сын подбрасывает. Хозяйка не любит неаккуратных людей, ворчит.

– На то она и хозяйка, чтобы держать работников в строгости. Ты отпусти парня погулять по двору, нечего в сарае держать. Поди, насиделся под нарами в лагере?

Павел слышал о женских камерах в Дахау. Многие женщины были там с детьми, которые прятались под нарами, когда заходила охрана в барак, боялись, что разлучат с матерями.

– Не без этого, но и волю давать ему нечего. – Анна грозно взглянула на сына, который тишком подглядывал за русским дяденькой, вздохнула. – Когда же кончится война уже. От рук отбился без отца. Ладно, беги, только смотри там, не лезь в лужи.

Олега, как ветром, выдуло из сарая. Анна улыбнулась ему вслед и покачала головой.

– Муж-то где? На войне?

– На ней, где еще! С первого дня забрали, с тех пор не слышала ничего о нем. Да меня и саму с сыном забрали уже через месяц немцы на передовой, когда ров рыла, намыкались по лагерям, пока сюда не попали.

– Скоро уже конец войне, Анна, думаю, раз хозяин сам заговорил об этом. Тебе не предлагал остаться в Германии?

– Фрау Марта уговаривала, подать заявление.

– И, что решила?

– Да, ничего, домой поеду, если позволят. Муж, дай Бог, вернется с войны, соскучилась нему, отцу с матерью, сестрам, брату.

– Ишь ты, большая семья выходит у тебя?

– Большая, Павел Семенович, но об этом расскажу потом, а сейчас бежать надо в дом, а то хватится фрау Марта меня, рассердится, что бездельничаю где-то.

Анна живо повернулась к выходу и ушла. Павел отправился по своим делам. На душе стало теплее, удалось хоть немного поговорить со своим человеком, который, как и он, находился на чужбине.

26 апреля 1945 года Павел Семенович трактором пахал землю на дальнем поле, когда увидел колонну машин по дороге на город Эхинген. Необычные машины, странные каски на головах солдат вызвали у него недоумение, но колонна проехала без остановки мимо, и Павел принялся работать дальше.

Вскоре прибежала Эльза и позвала парня домой. По дороге она, смешно закатывая серые глаза, возбужденно сообщила, что прибыли американские войска, и теперь власть находится в их руках.

На подворье хозяйничали молодые парни в незнакомой форме. Они приветливо встретили Павла и дружески похлопывали его по плечу, что-то лопотали на непонятном парню языке.

Хозяин скупно пояснил своему работнику:

– Теперь ты свободен, и никто не имеет права насильно держать тебя. Завтра тебя отвезут в город Ульм, где оформят необходимые документы и отпустят домой. Понятно?

Павел недоверчиво посмотрел на хозяина, на широко улыбающихся американских парней и кивнул головой. Солдаты весело рассмеялись и отошли от русского парня.

Вечером, улегшись на ночь в привычном для ночлега сарае, Павел Семенович долго слышал голоса подвыпивших освободителей, которые о чем-то кричали и горланили песни. Но усталость взяла верх, и он заснул.

– Пауль, Пауль! – услышал он истошный голос Эльзы и проснулся. Двое мужчин повалили на сено Эльзу и спешили раздеть ее. Третий стоял, покачиваясь, на ногах и подсвечивал карманным фонариком. Девушка отчаянно сопротивлялась пьяным солдатам, но силы были неравные, и она теряла силы, но продолжала звать Павла на помощь.

– Что творят, гады! – Павел Семенович не переносил несправедливости. Он вскочил и подбежал к насильнику, с размаха врезал одному в ухо и схватил за голову другого, отдирая его от Эльзы. В это время солдат с фонариком размахнулся автоматом и ударил прикладом по голове Павла. Парень провалился во тьму.

Голова Павла Семеновича, казалось, раскалывалась на части, он никак не мог сообразить, что случилось и почему руки связаны за спиной. Павел очень хотел пить, его рот был сухой, а язык шершавый, как наждачная бумага.

Павел Семенович открыл глаза и осмотрелся. Он лежал на боку в том же сарае, где спал по ночам последний год, на дворе было уже светло, и снаружи у двери просматривалась фигура американского солдата с автоматом на шее.

Парень вспомнил все и чертыхнулся:

– Теперь точно расстреляют за нападение на солдат. Только, что же все норвят по голове шибануть, так не долго и мозги вышибить.

Утром Павла подхватили под руки, подвели к американскому бобику «Виллис- МВ», усадили на заднее сиденье джипа и сняли веревку.

Павла Семеновича допрашивал следователь американской военной полиции, который сносно говорил по-русски.

– Лошаков Павел Семенович – солдат Красной армии и продан немцам за жратву.

– Кто тебе сказал это? – насмешливо спросил Павел. Он не боялся следователя, потому что ничего не ждал от него хорошего.

– Броситься на бойцов союзной армии, освободившей вас из плена, поступок, который ясно говорит об этом.

– Союзники или бандиты – кто знает. Bei Nacht sind alle Katzen grau, – Павел сам не понял даже, почему ввернул в разговоре по-немецки пословицу, ночью все кошки серы, и продолжил разговор по-русски. – Ельза звала на помощь, я и приложил малость вашему бойцу по уху, чтобы не насильничал.

– Значит, рассчитался с фашистом за кусок хлеба, за райскую жизнь?

– Получается, что за это отблагодарил немца! – Павел Семенович побагровел от злости, сдернул рубашку и повернулся оголенной спиной к следователю.

Американец изумленно смотрел на изрубцованную спину парня и долго молчал.

– За что получил?

– Три раза бежал из немецкого рая, как вы говорите.

Следователь подобрел к советскому солдату и порвал протокол. Павел Семенович со своей стороны не настаивал расследовать факт попытки насилия над немецкой девушкой.

Павла переодели в советскую форму, накормили. Через день снова вызвали и предложили:

– Американское правительство любезно предоставляет вам свое гражданство. У вас есть также право стать гражданином дружественным нам государств: Австралии, Канады, Франции и Англии. Вы подумайте, прежде, чем отправитесь в советскую зону. Таких, как вас, они прямиком из Германии везут в Сибирь для работы в лагерях НКВД.

Павел Семенович отказался. Его посадили вместе с другими советскими узниками концлагерей в автобус и доставили к советским войскам. Особой отдел переправил их в фильтрационный лагерь Пилау, ныне город Балтийск, недалеко от Кенигсберга.

После небольшой проверки на следующий день Павла доставили город Бреслау, который назывался до войны Вроцлав и был столицей Нижней Силезии на юго-западе Польши – один из старинных и красивейших городов.

Но судьба будто благоволила к парню, настрадавшемуся в немецком плену. Поэтому, видимо, причине, известной только службе НКВД, Павла Семеновича через день посадили на грузовую машину и с десятком бывших узников направили в город Эльс прусской провинции Силезии.

Там и встретил ефрейтор Лошаков Павел Семенович день Победы. Кругом ликовали солдаты, палили в небо из автоматов и пели песни. Павел радовался, что уцелел в жестокой бойне, но и грустил, что для него, видимо, война не кончилась, и не известно, как решит особый отдел – освободит или осудит за плен.

Глава 34

Павла снова допросили, отправили в казарму уже без охраны и сказали:

– Отправляйся в интендантскую часть, разыщи капитана Еременко, доложи, что направлен для прохождения дальнейшей службы. Документы следом пришлем, да смотри там, держи язык за зубами. Легко отделался, благодари случай, что немецкие документы сохранились.

– Есть! – весело козырнул Павел и почти выбежал из расположения особого отдела, радуясь, что для него все закончилось хорошо.

Капитана Еременко Павел Семенович нашел быстро. Он у склада распекал нерадивого солдата, который в чем-то провинился.

Коренастый мужчина стоял спиной к Павлу, оживленно жестикулировал руками, выговаривая бойцу, испуганно замершего в стойке смиренно.

Павел Семенович усмехнулся:

– Ишь, как мастерски «бреет» солдата, и по матушки, и по батюшке заворачивает, но надо выручать бойца.

Павел подошел вплотную к капитану и нарочито громко гаркнул:

– Разрешите обратиться, товарищ капитан интендантской службы! Ефрейтор Лошаков прибыл в ваше распоряжение!

Капитан вздрогнул и, круто разворачиваясь к прибывшему солдату, сказал:

– Это, что за лошадиное пополнение пожаловало к нам, когда я шоферов просил в отделе кадров.

Еременко изумленно уставился на парня и замолчал. До Павла не сразу дошло, что знакомая кряжистая фигура принадлежит уважаемому Петру Ивановичу, которого потерял в первой бомбежке их части в начале войны.

– Петр, ты что ли? – неуверенно спросил он, рассматривая грубые черты лица друга.

– Павел, дружище, живой? – закричал Петр и махнул рукой повеселевшему солдату, которого ругал до прихода Павла. – Вольно! Отправляйся на склад, я приду скоро.

Петра Ивановича тоже тогда ранило, как и Павла, но попал он в другой госпиталь. Потом Центральный фронт, затем Белорусский, 1-й Белорусский к концу войны, хлебнул всякого лиха в боях, отличился при боях за Гродно, получил звание младшего лейтенанта и дошел до фашистского логова капитаном.

В боях за Варшаву ранило в ногу, с тех пор служил в интендантской роте.

– Теперь, вот, поручено отправлять на родину транспорт с народно-хозяйственными грузами, – сказал тихо Петр. – Так что в ближайшее время не мечтай, вернуться домой. Да и не к чему спешить тебе, пусть все уляжется там, а то, не ровен час, загремишь в сибирь под горячую руку.

– Выходит, Voegel, die zu frueh singen, holt die Katze, – Павел усмехнулся.

– Ты бы аккуратней с немецким языком, везде бродят работники Смерша, услышат, не обрадуешься. В плену насобачился так разговаривать на языке Гансов?

– Да, я ничего особенного не сказал, только, что рано пташечка запела, как бы кошечка не съела. Больше и не знаю ничего, кроме руки вверх и Гитлер – капут. Куда определишь меня?

– Есть мысль одна, к полковнику пристроить на «Виллис», но там сержантская должность. Я попробую представить тебя к званию сержанта, если получится, то полковник – твой.

Американский джип Павел уже видел, полковник оказался дружелюбным и веселым человеком, а обязанности сержанта, личного водителя интенданта, были не обременительными. Павел Семенович с удовольствием катал полковника, ухаживал за машиной и не заметил, как пролетел год.

На казенных харчах Павел поправился, обрел былую силу и блеск глаз. Он очень обрадовался, когда его вызвали в отдел кадров и сообщили, что служба в армии для него закончилась.

Ему выдали соответственные документы, денежное довольствие, выдали сухой паек и пожали руку, мол:

– Лети птицей, Павел Семенович, на родину и не забывай войну.

Полковник сердечно пожал руку и наградил за службу парой крепдешиновых отрезков.

Петр Иванович оставался в Германии на неопределенный срок, обещал заехать к другу, когда завершится миссия по отправке грузов из побежденной страны в СССР.

Глава 35

Вечером Анна Максимовна чаевничала с попутчицами, которые вели бесконечные разговоры о том, как жилось в неметчине, что пришлось испытать за годы неволи.

Многие из них, как и Анна, не жаловались и хорошо отзывались о немцах, на которых работали. Некоторые рассказывали о их жестокости. Третьи предпочитали благоразумно молчать.

Анна вышла с Олегом из метро на Петроградской стороне ранним утром и обомлела: на месте их дома лежала груда кирпичей. Мать и сын подошли ближе и молча стояли перед руинами.

– Еще в начале войны в дом угодила бомба, – к ним подошла женщина. – Вы жили здесь?

– Да, – только и сказала Анна, озираясь вокруг.

– Вам теперь в исполком надо обратиться в отдел жилищных вопросов. Они подыщут что-нибудь на время. Есть, где пока остановиться?

– Телефон работает в городе? – спросила Анна Максимовна. – Мы только с поезда, не знаем еще.

– Работает, а как же.

– Ну тогда позвоню сестре или подруге.

Анна поблагодарила женщину и направилась к метро, где были телефонные кабины. Она набрала номер телефона сестры Фени, долго ожидала и уже хотела повесить трубку, но вдруг услышала запыхавшийся женский и незнакомый голос.

– Мне бы Феодору Максимовну, – сказала Анна.

– Здесь не проживают такие!

– Эта квартира Морозова Степана Васильевича? – Анна Максимовна назвала для убедительности и полный адрес на Васильевском.

– Адрес верный: Восьмая линия, дом и квартира, но теперь здесь живет семья Куприяновых.

– Куда делись Морозовы? Я сестра жены Степана, старшего квартиросъемщика по этому адресу.

На другом конце провода долго молчали, потом женщина проговорила:

– Вы крепитесь, мне придется первой вам сообщить страшную весть. Как мне сказали в жилотделе: хозяин квартиры погиб на фронте, а его жена умерла в блокаду от голода.

– А девочка? – Анна замерла, ожидая ответа.

– Девочку, вроде, переправили в детский дом в блокаду самолетом, но точно не могу сказать куда. Простите!

Известие потрясло Анну Максимовну, и она побледнела и схватилась за грудь рукой.

– Мама! – испугался Олег. – Что с тобой?

– Война! – только и сказала Анна.

Мария, которая никуда не выезжала и перенесла блокаду, выглядела ужасно. Серая кожа и выпирающие кости вызывали у Анны жалость:

– Досталось тебе, подружка, тут.

– Не больше, чем тебе, помыкалась ты на чужбине. А твой Иосиф, как ушел на фронт, так ни одной весточки не прислал.

– Бог милостив, вернется.

– Веришь?

– Без веры сойдешь с ума.

На следующий день Анна Максимовна стала на учет, как нуждающаяся в жилье, и побрела в районный военкомат, узнать о муже.

Дежурный офицер полистал бумаги, посмотрел на женщину и сказал:

– С августа 1943 года ваш муж числится, как без вести пропавший. Но вы не отчаивайтесь, многие возвращаются из плена. Вам денежный аттестат за два года причитается, вам муж оставил, когда уходил на фронт.

Деньги были к стати, с работой было неясно, пока не пройдешь через отдел НКГБ при райвоенкомате. Анна направилась туда.

Майор, который сидел там, внимательно выслушал посетительницу и доброжелательно сказал:

– Зайдите ко мне через месяц, я наведу справки за это время, если все хорошо, разрешу прописку в городе. Я должен соблюсти формальности.

Анна Максимовна кивнула головой и вышла из кабинета, вызвавшего у нее неясную тревогу и волнение.

Но через две недели она получила повестку, срочно явиться в тот же отдел НКГБ.

Тот же майор встретил ледяным взглядом и указал на стул напротив стола.

– А вы оказывается восхваляете враждебный нам народ? – начал он разговор.

– С чего вы взяли?

– Я получил сообщение на свой запрос и, кроме того, агентура известила, что в дороге вы вели агитационные разговоры о хорошей жизни в Германии. Не так ли?

Анна растерялась, получается, везде есть глаза и уши у этой организации.

– Ничего я не вела, только сказала, что жила у хороших людей там.

– Подтверждаете?

– Что?

– Свои слова!

– Конечно! Что у меня совсем нет совести.

– Ваша совесть попадает под семидесятую статью уголовного кодекса: пропаганда и агитация для помощи международной буржуазии. Там было хорошо, а здесь было плохо, клеветнические измышления, порочащие советскую власть, наказываются лишением свободы от двух месяцев до семи лет или ссылкой от двух до пяти лет.

– Да, как же так, за что? Жалость – со слезами, а доброта – с мозолями? Так?

– Нет, учись язык держать за зубами, тогда не придется слова ловить. Что неясного?

– И что теперь? В войну терпела неволю и после войны мыкайся по лагерям?

– Можно по-хорошему решить твой вопрос, если не против, но я должен реагировать на сигнал особиста из Германии. Я же вижу, что ты не враг родине, – майор перешел на доверительное «ты». Пять лет отработаешь на восстановлении народного хозяйства, смотришь, забудется история.

– А ребенка куда я дену?

– С ним и поедешь. Ты не рви душу раньше времени, я предлагаю неплохой вариант для тебя. Оформлю добровольное заявление, пошлю на стройку. Ну, как?

– Далекое?

– Если по-хорошему, то в городе, если через суд, то неизвестно, что решат, но решать должна сейчас, завтра будет поздно.

Анна задумалась. Она чувствовала, что капитан в фильтрационном лагере с гнильцой, но не думала, что настолько, он не пожалел ни женщину, хлебнувшую горе, ни ребенка. Видно, отработывал службу, зарабатывал звезду, не проливая кровь на передовой.

– Ладно, пиши, как говорил, что уже подделаешь, – грустно сказала она.

– Вот и ладно, тебе – неплохо и я не возьму грех на душу. – Только раньше, чем через пять лет, не рыпайся с трудового фронта. Я запишу, что ввиду добровольного заявления участвовать в восстановлении разрушенного фашистами города, нецелесообразно возбуждать уголовного дела по фактам восхваления чуждого нам строя.

С помощью майора Анна Максимовна выбрала для «добровольной» ссылки недавно открытый домостроительный комбинат, который задыхался от нехватки рабочих рук. И до города недалеко, и зарплату обещали хорошую, и комнату во временном бараке.

Уже в августе 1945 года она поехала для проживания в поселок Рыбацкое на левом берегу Невы, в двадцати километрах от черты города.

Послесловие

Вот и закончилось повествование первой книги «Прерванная юность». Я рассказал о военной судьбе нескольких человек. И читатели, ознакомившись с ней, невольно спросят:

– А какая связь между героями книги? Они жили и воевали в разных районах, областях и краях.

На что спешу вам сообщить, что во второй книге под одноименным названием все они встретятся, поселятся и будут работать в поселке Охват Тверской области. Многие из них восстанавливали разрушенный поселок, работали до старости на местном заводе, воспитали своих детей и ныне покоятся на Охватском кладбище. Обе книги и посвящены им: героическим участникам второй мировой войны, которых нелегкая судьба свела на селе Тверской земле.

И в заключение, в нарушении всех правил построения сюжета романа, хочу отдельно рассказать о трех девочках, которых жестокая война настигла в лесу. Одна из них потом тоже окажется в поселке Охват.

Я предлагаю вашему вниманию отдельную главу, которую назвал:

Глава 36 «Хождение по мукам»

**Глаза девчонки семилетней
Как два померкших огонька.
На детском личике заметней
Большая, тяжкая тоска.
Она молчит, о чем ни спросишь,
Пошутишь с ней, – молчит в ответ.
Как будто ей не семь, не восемь,
А много, много горьких лет.
(А. Барто)**

Самолет хищником спикировал, пронесся над землей, разбрасывая бомбы, и с натужным ревом сытого зверя взмыл в небо. Оля плотнее прижалась к Настинной худенькой спине. Она всякий раз вскрикивала, когда раздавался взрыв, и земля в сотне метров от них вздрагивала и необычно дыбилась черной стеной.

Валя лежала рядом с подружками. Она очень боялась, но молчала, прикрыв тонкими руками голову с короткими и черными, как смоль, курчавыми волосами.

Русоволосая Настя, свернувшись, как ежик, иступлено шептала пересохшими от переживания губами:

– Не бойся, Олечка, сейчас все прекратится, и мы вернемся к Раечке. Наши летчики ошиблись, разберутся с целью и улетят. Папа говорил, что так иногда бывает на учениях. Ты не плачь, всем страшно.

– Настя! На этих самолетах черные кресты, – как из под земли послышался голос Вали. Она, не поднимая головы, старалась перекрыть гул моторов и треск стрельбы.

Через десять минут все стихло, только слышалось потрескивание горящего строения и черный дым поднимался к опустевшему небу.

Девочки одновременно приподняли головы, прислушались и вскочили на ноги.

– Говорила мне мама, что не нужно детям ночью ходить на прогулки! – воскликнула Оля, поправляя светлые, как солома, волосы на голове. Ей сегодня исполнилось двенадцать лет. Она теперь ровесница Вале, а Настя пока младше, но через два месяца она сравняется с ними. Девочки в качестве подарка преподнесли имениннице ночное купание

в лесном озере тайком от Раечки, пионервожатой гарнизонной школы, которая пошла с десятью детьми в поход на лесную заимку егерей.

– Чтобы закалилась и не была такой трусихой! – торжественно сообщила о вылазке к озеру смелая и боевая Валя, многообещающе прищурив черные и блестящие, как светящиеся угольки, глаза.

– Может, не нужно, девочки, – сказала хорошенькая Оленька, широко открывая серые глаза. – Ведь, день рождения у меня! А купание в холодной воде вовсе не подарок!

– Еще как нужно! – поддержала Настя Валу. Настя была отличницей в школе, поэтому считалась самой умной. – Ну и что с того, что купание вместо открытки с цветочками, воспитывать волю, пионер должен всегда, и в день своего рождения тоже.

– Завтра всех подниму в три часа! – энергично завершила разговор Валя. И Оля больше не спорила с подружками, но тихонько прошептала:

– Проспят, как пить дать!

Вообще-то девочки не считали себя трусихами. Они были детьми летчиков истребительной авиации. Военные папы прививали им с рождения смелость и выносливость. Они всегда говорили, что вылазки на природу – кузница сильных защитников Родины. Так куется железная дисциплина, умение жить в советском коллективе, сноровка ходить строем под барабанную дробь и петь задорные песни у вечернего костра.

Правда мамы снисходительно улыбались и возражали:

– Природа – кузница здоровья в первую очередь, а ходить солдатским строем и прожигать одежду у костров совсем необязательно девочкам.

Детям нравилось, что можно в походе обходиться без назойливой опеки родителей, поэтому согласились пройти пешком пятьдесят километров до заимки, неделю жить в рубленной из дуба избушке, питаться у костра, наблюдать с егерем за поведением диких животных.

Класс разделили на две группы по десять человек: в одной – мальчики, в другой – девочки. Пионервожатая Рая повела девочек своим маршрутом, а мальчиков – учитель физкультуры, который проложил путь сначала в сторону, чтобы выйти на другую дорогу, и оттуда обещал привести сильную команду к лесной заимке.

Девочки уже вторую ночь спали на соломе в домике, мальчикам постелили в сарае, но они пока так и не появились.

– Вот-вот придут, затерялись где-то будущие воины, – смеялась Рая.

Завтра к ним придет егерь, который возглавит группу наблюдения за животными.

Когда Валя тихонько растолкала Настю и Олю, то последняя, протирая кулачком глаза, удивилась и попросила еще обождать минуточку, другую. Но черноглазая командирша уже стащила с неженки походное солдатское одеяло, а зеленоглазая отличница пощекотала подружку за пятку. С Оли моментально слетел сон, и, потянувшись, она добродушно пробурчала:

– Ни днем, ни ночью от вас нет покоя. Иду уже!

– То-то! – сказала Валя, и угольки ее глаз удовлетворенно сверкнули в полутьме избушки.

Девочки, крадучись, выскользнули теньями через дверь, не потревожив крепкий предутренний сон одноклассниц. Затем благополучно вышли из избушки, пересекли поляну и направились по темному лесу.

Оля опасливо присматривалась к огромным деревьям вдоль извилистой тропинки. Ей казалось, что за ними в темноте прячутся неведомые твари, которые ждут момента схватить девочку острыми зубами. Оля в страхе делала рывок вперед и натыкалась на спину Вали, идущей с фонариком. Та оборачивалась и ворчала:

– Держи дистанцию, Заячий Хвостик!

Настя шла позади всех и тоже трусила среди мрачного лесного царства, но не подавала вида, молча спешила за подругами.

– Я держу! – возражала Оля. – Ты просто быстрее иди, а то мы до завтрака не вернемся с моего подарка. Долго еще топать до берега, а то я в темноте ноги посшибала до крови о корни деревьев.

Ночное лесное озеро в скупом свете полной луны казалось серебряным блюдцем с темным ободком отражающейся в нем по кругу кромкой леса. Небесное светило размашисто подрисовало по середине золотистую дорожку. Легкая дымка тумана украсила застывшую воду белесым облаком у берега. Необыкновенная тишина заставляла девочек разговаривать вполголоса, чтобы не вспугнуть волшебную картину летней ночи у заснувшего озера, светлевшего с каждой минутой в лучах всходившего солнца.

– Я купальник не взяла с собой, – попыталась увильнуть от водной процедуры Оля, зябко подернув плечами. – Я на бережке посижу, поберегу ваши вещички. Хорошо, девочки?

– Не смей мои коленки! – рассмеялась Валя, сбрасывая одежду. – Кто нас видит здесь в такую пору? Гольшком полезем купаться.

Она разделась, подошла к воде и попробовала ногой воду.

– Как парное молоко, – заключила подруга, повернувшись к Насте с Олей. Рослая школьница выглядела русалкой у омута в скупом свете луны.

Настя быстро разделась и подошла к ней. Ее худенькая фигурка ребенка рядом с исправным почти сформированным девичьим телом Вали казалось скелетом, и Оля заметила:

– Кормят тебя, кормят, а толку нет. Тошная и костлявая, как Кощей Бессмертный.

– Ты сама чуть лучше! – прикрикнула Валя. – И не загорела совсем, ходишь, как белена. Не тяни резину, иди к нам и получи подарок. Мы, твои лучшие подруги, желаем тебе счастья, любви и здоровья.

Втроем девочки, не спеша, зашли в воду по пояс.

Валя сразу окунулась с головой и сказала:

– Я же говорила, что ночью вода теплая, так и есть. Нырятьте, девочки!

Настя закрыла глаза, погрузилась в воду.

– И, правда, теплая, Оля, прыгай к нам!

Белокурая девочка долго примерялась, не решаясь окунуться, но после гневного крика Вали: «Настя! Поможем имениннице?», быстро нырнула к подругам.

Девочки поплавали немного и вышли на берег. Быстро растерлись полотенцами и оделись. По телу разлились бодрость и приятное тепло.

– Хороший подарок, никогда бы не подумала, девочки, что вы такие умные! Спасибо! – Глаза Оли все же сияли от удовольствия.

– Ладно, мы рады, что тебе понравилось, – удовлетворенным голосом сказала Валя.

– Домой или погуляем чуток? – спросила Настя.

– В избушку на куриных ножках, а то Раечка проснется и заметит нас, – сказала командирша. – Как бы гроза не пришла сюда, вроде гром слышится за лесом.

Девочки прошли половину пути, когда услышали в предрассветном небе гул самолетов.

– Ого! Как много! Самолеты, вы не боитесь молнии? – заметив темные силуэты над лесом, пошутила Настя.

– Учение, девочки! – спокойно заверила Валя.

– Не спится им даже в воскресенье?

– Еще скажи, что в день твоего рождения! – рассмеялась Настя.

– Ладно, идем на заимку, пусть учатся, когда хотят! – Валя прибавила шаг – ей стало почему-то тревожно.

Они уже почти вышли из леса, откуда был виден дом под тесовой крышей с красным флагом на высокой жердине, установленной егерями. На равнине было уже светло, солнце медленно выползло из-за горизонта, начинался новый, чудесный, воскресный день.

Валя, Настя и Оля заторопились, но вдруг остановились, наблюдая за небом.

Со стороны, куда улетели недавно самолеты, вернулись две воздушные машины.

Они стремительно приближались серебристыми щучками, будто гонялись одна за другой.

– Какие-то новые самолеты, девочки, таких мы не видели еще, – удивленно сказала Валя и замолчала, заметив, как они с невыносимым ревом стали камнем падать на поляну. Избушка вдруг вздрогнула, из середины вырвался черный дым, красное пламя, и крыша осела.

– Бежим в лес! – испуганно крикнула Валя. Девочки забежали за деревья и инстинктивно повалились в первую ямку.

Земля под ними дрожала и, казалось, пружинила, доносились взрывы и сухие очереди выстрелов. Школьницы лежали и не решались поднять головы, не понимая, что происходит.

Самолеты унеслись прочь, и все стихло.

Девочки прибежали на заимку.

Поляну изуродовали воронки и завалили обломки строения. Жилой дом бомба разбила вдребезги. Под ним не осталось в живых никого. Девочки подбежали к бывшей избе, но никто не отозвался на их зовущие крики.

Просторный сарай в пятидесяти метрах уцелел, но у него покосилась крыша и слетели с петель двери, обнажив сумеречное нутро. От горящих развалин дома доносился невыносимый горелый запах.

Рядом высилась мачта с пробитым осколками флагом. Она устояла и лишь печально наклонилась в сторону погибших детей.

Подружки растеряно переглядывались и не знали, что предпринять.

Вдруг от яслей для подкормки оленей у края леса раздался протяжный стон. Девочки подбежали и увидели на траве окровавленную Раю. Восемнадцатилетняя девушка с трудом открыла глаза на бледном лице и посмотрела на детей.

– Я думала, что никто не уцелел, кроме меня. Я вышла на пробежку, когда они налетели, – сказала она.

– Кто налетел? – спросила Валя.

Пионервожатая помолчала и, медленно выговаривая слова, ответила:

– Это – война, девочки.

Девушка закрыла глаза.

– Раечка, не умирай, пожалуйста! Что нам теперь делать? – заплакала Оля.

– Сейчас перевяжем тебя, – сказала Валя, заметив кровь на груди. Рая осунулась, под глазами появились серые тени.

– Меня оставьте здесь в случае чего и уходите на дорогу к людям.

– За нами обязательно приедут, мы обождем возле тебя! – запротестовала Настя сквозь слезы.

– Нет, уходите, спасайтесь.

– Наши не пропустят их на свою землю, ты сама говорила нам, – Оля непонимающе уставилась на пионервожатую. Но девушка не ответила. Затем закрыла глаза и затихла.

Валя опустилась рядом и взяла пионервожатую за руку, потом потрогала лоб и сказала:

– Не дышит, умерла наша Рая.

Девочки, опустив головы, плакали.

Первой пришла в себя Валя и сказала, направляясь к уцелевшему сараю:

– Ее нужно накрыть чем-нибудь. Я схожу, поищу.

– Она же сказала, уходить отсюда! – Настя ринулась следом, увлекая за собой Олю.

– Нет, подождем до обеда, может, мальчики придут. Мы уйдем, а кто присмотрит здесь, – в голосе Вали девочки уловили раины нотки.

Дети вернулись к пионервожатой, принесли зеленоватый кусок брезента.

Девочки накрыли Раю грубой тканью и стояли на месте, не решаясь отойти.

– Ну, идем, посмотрим, может, найдем съестного, – через час сказала Валя.

В продуктовой кладовой, как назвала полку в углу сарая Рая, посчитавшая, что здесь холоднее, чем в доме, лежали две буханки хлеба, три пшеничных батона и мясные консервы. Сначала дети не решались взять. Им было непривычно хозяйничать без Раечки, совестно брать без спроса еду.

– Немножко съедим, а, если спросят, скажем, что мы взяли. Это будет по-честному? – Оля вопросительно смотрела на подруг.

– Думаю, нас не заругают, ведь, мы же еще ничего не ели с вчерашнего вечера, – сказала Настя.

– Ладно, я скажу, что очень хотели есть, – Валя взяла один батон, и дети направились к беседке, чудом уцелевшей от налета.

Они перекусили белым хлебом и остались сидеть в ожидании мальчишеской группы. Хотя было страшно и одиноко, а время, как назло, тянулось очень медленно, но досидели до обеда. Никто не появился в лагере.

– Может, никто не знает, что нас бомбили? – предположила Настя после того, как вновь перекусили в сухомятку. – Нужно сообщить.

– Как? – Валя вышла из беседки и оглядела развалины заимки. – Телефона нет, вблизи ни деревни, ни города. Рая говорила, что заимку построили недавно и в стороне от дороги.

– Тогда нужно решать: на месте ждать или уходить? – сказала Настя. – Мы не можем ночевать здесь.

– А в сарае даже двери нет, нас любой волк загрызет! – испугалась Оля.

– Уходим, девочки! – решила Валя. – Настя правильно сказала. – Мы и правда не можем оставаться здесь, выйдем к дороге, по ней доберемся до ближайшего села, расскажем все и позвоним своим.

И девочки покинули лагерь в чем были одеты: в спортивных трикотажных костюмах и кедах. Они быстро шагали по лесной единственной тропке, ведущей к большаку, уходили подальше от места трагедии, ближе к людям.

Валя, Настя и Оля остановились на обочине автомобильной дороги. Навстречу по всей ширине большака двигался нескончаемый поток людей, повозок и урчащих автомобилей. Женщины держали на руках маленьких детишек. Мужчины тащили на себе мешки, коробки и корзины. Подводы забиты скарбом, среди которого сидели старухи и дети.

Никто не обращал никакого внимания на трех девочек с белыми панамками на головах, которые растерянно смотрели на людской муравейник.

– Тетенька! – обратилась Валя к женщине, которая остановилась напротив девочек, поправить мешок за плечами. – Куда идут все?

Женщина удивленно оглядела детей.

– Вайна, дзетачкі! Немцы ідуць за намі, вось, мы бяжым ад іх, куды вочы глядзяць, як мага далей. А, вам куды трэба-то?

– Большая Берестовица! – ответила Валя.

– Военный гарнизон, тетенька! – добавила Настя. – Там наши родители.

– Далёка! Толькі нельза вам туды. Немец там ўжо. Усе сышлі або б'юцца з імі да смерці. Ідзіце з намі ў Баранавічы, а там відаць будзе, дзеткі! – женщина снова влилась в поток беженцев.

– Наше войско побиты крепко! – крикнул какой-то мужчина, услышав разговор. – Кто утек в леса, кто отступил, кто воюет еще, не понять, кто – где, но нельзя туда вам, немец убьет. Сейчас осталась для всех одна дорога – на восход.

– Я не пойду от мамы с папой никуда, – заплакала Оля. – Они приедут сюда, а нас нет.

– Оля, пожалуй, права, – сказала Настя, обнимая рыдавшую подругу. – Куда мы пойдем одни? За нами обязательно придут люди.

– Да, ладно тебе реветь, Оля! Настя, скажи ей, чтобы успокоилась. Мы вернемся и будем ждать на заимке, раз нельзя позвонить домой. Идем!

Девочки снова вышли на лесную тропу.

– Там хотя бы хлеб остался, а здесь, что? – сказала Настя.

Вскоре подружки ступили на поляну, откуда ушли. Все еще дымили прогоревшие развалины дома. В стороне высился скособоченный сарай, а в дали виднелся брезент, под которым лежала любимая пионервожатая. Все было, как прежде, но вместе с тем, что-то изменилось.

Девочки нерешительно топтались на месте, пытаясь сообразить, что насторожило их.

– Я знаю, – зашептала вдруг Оленька. – Кто-то снял флаг, взгляните сами.

– Точно! Он не мог упасть, – сказала Настя.

Школьницы переглянулись. Кто-то был здесь недавно.

– Немцы? – вскрикнула Оля.

– Ты же видела сама, что на дороге их не было. Может, воры приходили, – предположила Настя.

– Обе не болтайте чепухи! Слышите?

Кто-то за сараем переговаривался, оттуда доносились приглушенные мужские голоса.

– Наши! – обрадовалась Оля и рванулась к сараю.

Валя едва успеха перехватить девочку за руку:

– Тише ты, оглашенная! Сначала посмотрим, что за люди.

Девочки подошли к сараю и выглянули из-за угла. Двое мужчин в гражданской одежде копали яму возле стройной березки. Один из них, черноволосый, высокий и худощавый, резко обернулся и заметил детей. Он воткнул лопату в желтую кучку земли на краю ямы и что-то сказал пожилому, кряжистому напарнику. Тот прекратил работу и рассматривал девочек, которые нерешительно вышли из укрытия.

– Это ваши товарищи? – худощавый кивнул на дымящиеся головешки.

– Да, и Рая лежит там! – громко сказала Валя, показывая на противоположную сторону поляны. – Она умерла от ран.

– Видели! – буркнул мужчина постарше. – Немцы на флаг напали, думали, что военная застава. Мы его убрали от греха подальше. Подойдите ближе, расскажите, кто вы и, что делаете в лесу.

Обрадованные девочки, перебивая друг друга, рассказали о себе.

– Время нашли, по лесам шастать! – недовольно сказал кряжистый мужчина.

– Недельный поход входит в первый разряд нормы ГТО! – возразила гордо Валя.

– Значит, готовы к труду и обороне теперь? – не отставал от девочек пожилой мужчина.

– Прекрати, Семен! – вмешался его товарищ. – Они же не знали, что начнется война.

– Да, что ты говоришь! Никто не знал? На всех углах кричали лишь: «Не посмеют!

Шапками закидаем! Боевые действия только на территории агрессора, не пустим врага на свою землю!»). Вот – результат нашего растяпства! Ты, Матвей, мне не заговаривай зубы! – Семен не на шутку разволновался. Он зло смотрел на товарища, нервно потирая грудь под полосатой рубашкой.

– Остынь! Дети причем здесь, если взрослые не знали?

– Они не знали, мы не виновны, власть промолчала. Тогда кто ответит, что враг гуляет по нашим дорогам, как у себя дома, и убивает детей?

– Ладно, потом договорим, а пока нужно земле предать невинные души. Вы обождите там, – Матвей показал девочкам на сарай. – Мы позовем, когда готовы будем, попрощаетесь. Рано вам смотреть в безжалостные глаза войны!

В общей могиле лежали головешки, которые смогли собрать мужчины. Рядом с ними Рая, которая осталась навсегда с подопечными погибшими школьницами. Мужчины устелили соломой могилу, ею же прикрыли останки детей.

Затем мужчины накрыли всех брезентом и, дождавшись, когда Валя, Настя и Оля бросили по горсти земли, принялись зарывать могилу.

Девочки стояли рядом и плакали. В невысокий холмик воткнули деревянный крест.

– Пусть земля будет вам пухом! – в завершении сказал Матвей. – После вернемся, обустроим могилу, как полагается.

Потом мужчины отошли в сторонку и долго разговаривали. Девочкам было видно, что Семен недоволен чем-то: он отчаянно махал руками, поглядывал на детей и ругался в полголоса. Матвей его в чем-то убеждал, и он согласился с ним, махнув рукой, сказал так, что услышали девочки:

– Раз по другому не получается, сам скажи детям, а я посмотрю на тебя.

Мужчины развели костер и подогрели консервы, открыв их ножом, затем нарезали хлеба и принесли в котелке воды.

– Садитесь на землю, дочки, подкрепитесь.

Они сидели рядом, пока дети, ели и молчали. После обеда Матвей сказал:

– Тут такое дело получается: не можем мы взять вас с собой, и здесь вам оставаться нельзя. Решили, что проведем завтра с утра к одной доброй женщине. Она живет недалеко отсюда, думаю, поможет вам.

– Какая женщина? А, если немцы там уже? – Валя недоуменно смотрела на мужчин.

Оля захлюпала носом и спросила:

– Где сейчас мои папа и мама? Я к ним хочу.

Настя не плакала, но выжидала, что скажет Матвей.

– В том-то и дело, что сейчас не разберешься, где родные, где враги. Война! Одно ясно, что те земли, где располагался ваш гарнизон, захватил враг. Поэтому туда идти нет смысла. Немцы везде уже, куда ни пойдешь сейчас.

– Откуда вы, дяденька, знаете, если были здесь? – Вале не хотелось верить, что они потерялись.

– Да, уж знаю, дочка.

– Вот, и все, – Матвей протянул Вале сделанный из мешковины рюкзак, куда положил оставшиеся продукты. – И еще одно, запомните хорошенько. Ни в каком случае не рассказывайте, что вы дети военных. Скажете, что гостили на границе с семьей, а теперь беженцы, потерялись во время налета авиации, пробираетесь домой в Новгород.

– Зачем? – спросила Настя.

– Чтобы не забрали вас немцы, как офицерских детей. До Новгорода, пожалуй, им не дойти, поэтому непроверяемая версия получится. Для вас, девочки, закончилось детство, запомните тоже. Теперь всегда думайте, что сказать. От этого зависит, как ваша судьба, так и жизнь родных.

– Мы навесим в сарае двери, чтобы зверь не забрел. Нам нужно на ночь отлучиться по делу, а к утру вернемся за вами. Одни не заботитесь? – спросил Семен.

Девочки молчали, не знали, что сказать на это. Они одни не были ни разу в лесу. С Раей они не задумывались об этом.

– Мы вам фонарь «Летучая мышь» оставим, керосина хватит до утра, чтобы веселее было при свете.

Желтый свет фонаря вырвал из темноты круг двухметровым радиусом. За ним темно, «хоть в глаз коли». Девочки долго не могли заснуть на сене в углу сарая. Каждый шорох отдавался страхом в душе, воображение рисовало страшных животных, которые бродили возле сарая.

Оля легла между подруг и каждый раз вздрагивала от любого щелчка с наружи.

– Да, спи ты, не бойся ничего, мы же с тобой, – проворчала Валя.

– Да, вам хорошо, вы родились смелыми, а у меня душа уходит всегда в пятки.

– Ты не думай о плохом, – сказала Настя. – Вспомни хорошее, например, маму и папу, маленького братишку.

– Как бы я хотела, чтобы все, что произошло с нами, был просто сон, – сказала Оля. – Я сидела бы дома, мама готовила обед, а папа приходил усталый со службы и целовал меня в макушку. Я бы их всегда слушалась и не шалила.

– И наши девочки были бы живы, – поддержала ее Настя. – И Раечка рассказывала бы нам интересные истории о природе.

– Спите, девочки, не травите души. Нам ничего не вернуть назад, нужно жить настоящим и непременно выжить в этих условиях, чтобы не лежать там же, где наши подруги.

Школьницы замолчали, их сморил глубокий сон.

Девочки проснулись одновременно. Они открыли глаза и долго смотрели на озорных солнечных зайчиков, запрыгнувших через многочисленные щели в полумрак сарая. Солнце уже поднялось довольно высоко. За стенами слышалось разноголосое пение пернатых, деловое жужжание насекомых и безмятежный шелест вольного, как птицы, ветра. Как будто не было войны.

Но наступил ее второй день. Матвея и Семена не было слышно, и девочки боялись начать об этом разговор. Они смотрели на лучики солнца, которые напоминали детство, и молчали.

– Подъем! – прервала безмолвие Валя и бодро скомандовала, подражая отцу в выходной день. – Всем мыться, бриться и одеколониться.

– Есть, товарищ командир! – подыграла ей Настя.

– Можно мне не бриться сегодня, товарищи командирши, у рядового Ивановой борода не отросла еще? – подала голос Оля.

– Разрешаем, выносим благодарность перед строем, что не растеряла чувство юмора, но умываться обязательно всем! – снисходительно махнула рукой Валя.

Колодезная вода взбодрила, хлеб утолил голод, а вода жажду.

Девочки нарвали букет полевых цветов, отнесли на могилу. Потом побродили по лесу, не выпуская из вида тропинку со стороны большака, ожидая Матвея с Семеном.

Мужчины не пришли к обеду, не вернулись к ужину. И девочки вновь ночевали в сарае. Только в этот раз не зажигали фонаря – керосина не оставалось.

В этот раз школьницам меньше пугались шорохов, и даже Оля не так часто вздрагивала.

Следующий день не принес изменений, Матвей и Семен не давали о себе знать.

Продукты были на исходе, и девочки сэкономили на третий день: собирали щавель на поляне, «заячью капусту» в лесу и побеги хвоща в небольшой болотине у озера.

– Еще можно есть сосновые побеги, утоляет голод и цинги не будет, – сказала Настя. – Меня папа учил этому.

Девочки попробовали, им было не вкусно и горько, но они сжевали по горсти сосновых побегов салатного цвета с привкусом смолы.

Валя урезала пайку хлеба до минимума, давала каждому одну краюху на день.

Последнюю банку консервов съели на троих в обед, и дали Оле жестянку, чтобы она соскребла себе жир со стенок. Девочка больше всех страдала от недоедания. Она, как голодный зверек, вычистила банку до блеска и с сожалением отбросила ее в сторону.

Валя и Настя тоже хотели есть, но держались, не падали духом.

На пятый день Валя сказала:

– Они не придут, нам нужно уходить отсюда. Хлеб кончился, на одной траве не протянем долго.

– Куда? – спросила Настя.

– На дорогу и дальше пойдем на восток до первого села, – уверенно ответила Валя.

– Девочки, миленькие, сделайте что-нибудь. Я кушать очень хочу! – заплакала Оля. – Я не могу больше терпеть.

У нее явно началась истерика. Девочка стояла, опустив голову, и горько плакала, размазывая рукой слезы.

– Не плачь, Оленька! – Настя обняла подругу и успокаивала. – Мы уходим отсюда к людям. Они накормят нас.

– Все, девочки! – вмешалась Валя. – Слезами горю не поможешь. Собрались и вперед!

Вещей ни у кого не осталось, но Валя прихватила заплечный мешок Матвея.

Школьницы вышли на тропинку и зашагали к дороге. Они вышли на большак, который был пуст: ни машин, ни людей.

– Может, война уже закончилась, а мы сидели в лесу, как дуры, и не знали? – Настя посмотрела на подруг и указала рукой на автомобильную дорогу. – Тишина!

– Почему же тогда никто не приехал к нам? – возразила Валя. – Ладно, дойдем до села, узнаем там.

– И поедем, правда, девочки? – Оля обрадованно шагала рядом с подругами, пытаясь заглянуть им в глаза.

Валя с Настей дипломатично промолчали в ответ.

Девочки шагали по пыльной дороге. Яркое солнце пригревало и стало жарко. Подружки скинули панамки, обмахивалась ими, как веером, и не сразу услышали мотоциклетный шум позади.

– Немцы! – вдруг закричала испуганно Настя, заметив мотоциклы.

Валя быстро сориентировалась и скомандовала:

– Бежим в лес!

Дети скатились вниз по крутому откосу с дороги и побежали к лесу. Мотоциклетный треск нарастал, но девочки, не оглядываясь, уже домчались до леса.

– На землю, девочки! – крикнула Валя и упала за елью. Настя и Оля плюхнулись рядом, запалено дыша и закрывая руками головы.

Колонна на большаке, не останавливаясь, пролетела дальше, и вскоре шум мотоциклов стих.

Валя поднялась на ноги и посмотрела на подруг, лежащих на земле:

– Все, они уехали, вставайте!

Настя вскочила на ноги и весело крикнула Оле:

– Слышала? Подъем!

Девочка зашевелилась, немного приподнялась и опять легла. Потом с трудом перевернулась. Она испуганно смотрела на подруг, из ее серых глаз покатались крупные горошины слез.

– Ты чего? – спросила Настя. – Вставай, тревога позади!

– Не могу, – тихо ответила Оля.

– Что не можешь? – грозно вмешалась Валя. – Что случилось?

– Я встать не могу, ноги не слушаются меня.

Настя с Валею переглянулись. Настя присела к лежащей подруге и попросила:

– Подвигай левой ногой, Оля.

Та сделала попытку поднять ногу – безрезультатно.

– Теперь правой!

Ноги белокурой школьницы не слушались, и она беспомощно лежала на земле, как большая и красивая кукла.

– От испуга! Что будем делать? – спросила Настя.

Валя задумалась, потом через минуту сказала:

– Мы – не врачи. Ее нужно донести до села. Хватай с одного бока, а я – с другого!

Девочки приподняли Олю, но она не стояла на ногах, которые, как тряпочные подгибались, и школьница оседала.

– Да! – махнула рукой Валя. – Оставь ее, Настя! По другому поступим: ты останешься с ней, а я пойду к людям за помощью.

– Валя! Настя! – закричала Оля и обхватила Валью за ноги руками. – Не бросайте меня в лесу, пожалуйста. Я боюсь одна, меня волки загрызут.

Девочки горько причитала, обезумев, крепко держала ноги подруги и жалобно глядела на Настю.

У школьниц выступили слезы. Валя опустила на колени, погладила по голове Олю и убежденно заговорила:

– Мы, слышишь, никогда не бросим тебя, вместе выберемся отсюда! Ты не плачь, когда придешь в себя, тогда и пойдем дальше. Если успокоишься, то и ножки вернуться к тебе, а мы подождем здесь. Правда, Настя?

– С места не сдвинемся, пока Оленька не поправится! – Настя присела рядом. Мы стали теперь, как сестренки. Правда же?

Оля благодарно смотрела на подруг и уже не плакала. Через десять минут она приподнялась и, опираясь на руки Вали и Насти, встала на ноги. Потом сделала шаг, другой и сказала:

– Вроде, снова вернулись ноги ко мне, спасибо вам, сестренки!

– Тогда передохни чуток, и в путь, – сказали почти одновременно обрадованные девочки.

Оказалось, что первая и небольшая деревня было в пятистах метрах отсюда. Десяток изб под соломенными крышами приткнулись слева и справа от узкой улицы, поросшей травой. Единственный колодец с высоким журавлем гордо расположился на середине.

Девочки добрались до него и остановились. Никого не видать, даже скотина в хлевах молчала. Школьницы уселись на скамью возле колодца и стали ждать, когда кто-нибудь выйдет за водой.

Через некоторое время из дома напротив вышла женщина с ведром в руке, и сразу же в окне показались любопытные головы малых детей.

– Вы куда идете, деточки? – мягко спросила она.

– Мы потерялись, тетенька, теперь не знаем, что нам делать, – ответила Валя.

– Да, тяжело вам, девоньки, но надо в город податься. Там помогут, а у нас деревня маленькая, сами не знаем, как прожить нынче.

– Мы кушать хотим очень, – тихо и грустно выговорила вдруг Оля.

Женщина долго молчала, исподтишка разглядывая девочек, потом со вздохом сказала:

– Сейчас вынесу вам пару картошин и хлебца на дорожку.

Она принесла три картофелины, три краюшки хлеба и, протягивая их Вале, виновато сказала, глядя в глаза Насти:

– Я не могу вас к себе взять, девочки. Своих детей полон дом, не знаю, как прокормить. Войска все забрали подчистую, когда проходили, даже животину зарезали. Да сохранит вас Бог!

За деревней Валя поделила хлеб возле речушки, где остановились на отдых. Каждому досталось по картофелине и половине ломтя хлеба. Остаток хлеба девочка убрала в мешок и сказала:

– НЗ!

Школьницы с наслаждением съели еду.

– Мой кусок хлеба был больше вашего! – заметила Оля.

– Тебе показалось, – насмешливо ответила Валя, лукаво взглянув на Настю.

К вечеру школьницы добрались до какого-то села. Там женщина вынесла три брюквины, по куску хлеба и отдала девочкам, но не предложила заночевать.

На ночь устроились в копне сена на лугу за деревней. Школьницы повыдергивали сено и залезли в образовавшуюся нишу.

На другой день им попадались почти полностью сожженные села. В уцелевших избах люди не смотрели из окон на девочек, не выходили к ним.

Снова ночевали за селом, в какой-то заброшенной сараюшке. Подруги собрали щавеля, заячьей капусты и старались утолить голод, но помогло мало. Очень хотелось есть. Оля была на грани очередного срыва, и девочки очень боялись за нее, говорили:

– Потерпи еще чуть, чуть, дойдем до города, а там придумаем что-нибудь.

Ослабевшая девочка молчала и лишь кивала головой, соглашаясь. Ненамного лучше чувствовали себя Валя и Настя.

Утром отправились дальше. Часто по дороге проезжали немецкие машины и мотоциклы, но девочки успевали скрываться незамеченными в лесу.

В следующей деревни немцев не было, а старый мужчина, который выехал из ворот дома на телеге, предложил подвести их до города, до которого было семь километров.

По дороге он пытался расспросить, откуда и куда направляются девочки, но слышал неопределенные ответы. Так ничего от них не добившись, он замолчал и лишь временами покрикивал на лошадку.

На въезде в город стоял немецкий пост. Он останавливал все повозки и досматривал. Девочки испугались и хотели прыгнуть с телеги, но возница, заметив это, сказал:

– Сидите! Если спросят, скажу, что внуки едут на базар, а не спросят, промолчу.

Немцы бегло осмотрели повозку, не обратив внимания на детей, подняли шлагбаум.

Через сотню метров девочки сошли с телеги и поблагодарили мужчину:

– Спасибо вам, дедушка! До свидания!

– И вам счастливого пути, внуки! – улыбнулся он.

Школьницы шагали по мощенной улице, присматриваясь к домам, где бы можно увидеть людей во дворе. Но никого было не видеть. Они решили свернуть на другую улицу, но сразу наткнулись на патруль. Девочки первый раз видели полицейских, растерянно стояли напротив трех мужчин.

Молодые люди в черной форме и винтовками за плечом уставились на школьниц.

– Кто такие? – грубо спросил один из них, высокий и рыжий парень с бельмом на глазу, разглядывая их.

Валя, Настя и Оля промолчали, не зная, что сказать.

– Ну, языки присохли? – усмехнулся невысокий и коренастый полицейский. – Или не знаете, что соврать.

– К тете идем, – сказала Валя. – Беженцы – мы.

– Одни? – не поверил рыжий мужчина.

– Потерялись в бомбежку, – ответила, не растерявшись, Настя. – Вот, уже пришли почти.

Рыжий парень отступил в сторону, давая дорогу, но вдруг спросил проходившую мимо Валью:

– Ты часом не жидовочка? Уж, больно чернявая?

– Мы – русские, в Новгороде жили, – ответила за нее Настя. – Сестры!

– Ну, смотрите, если наврала. А то возьму за ногу и об стенку размажу! – зло сказал полицейский.

– Где тетя живет? – подозрительно крикнул в спину коренастый мужчина.

– В конце улицы будет ее дом! – ответила Валя, не оборачиваясь.

Полицейские ничего не сказали. Они достали сигареты и принялись прикуривать, наблюдая за школьницами.

Девочки уже прошли молча половину улице, и Оля сказала:

– Какие вы молодцы, девочки! Я со страха едва не шлепнулась, а вы...

Но Валя прервала подругу и прошептала:

– Вот, гады, наблюдают, ждут, куда свернем. Все, заходим во двор того домика, а там будь, что будет.

Девочки открыли калитку и прошмыгнули во дворик деревянного дома. Полицейские пошли дальше, а школьницы дошли до раскрытого окна и остановились.

До них донесся замечательный и духмяный запах пирожков с капустой. Школьницы сглотнули слюну и потупились в землю. Им захотелось кушать так сильно, что закружилась голова. Оля побледнела и стала оседать к земле. Валя с Настей подхватили безвольное и почти невесомое тело девочки и посадили на землю, прислонив к завалине дома.

– Она умрет, если не покормим, – всхлинула Настя.

– Я приду сейчас, ждите меня, – сказала Валя.

Девочка постучалась в дверь. Никто не ответил ей. Валя осторожно открыла дверь и вошла в комнату.

На столе она увидела большую тарелку пирожков. Девочка позвала хозяев, не отрывая взгляда от румяного богатства. Никто не отозвался. Валя взяла один теплый и мягкий

пирожок и вышла к подругам. Оля пришла в себя и сидела, склонив голову на тонкой шее к острому плечу Насти. Они заворожено уставились на пирожок. Валя поспешно разделила пополам добычу и отдала половинку Оле. Затем вторую половину разломала на две части, одну протянула Настя, а другую запихала себе в рот.

– Девочки, я очень плохая? – грустно спросила подруг Оля, когда жадно расправилась с едой.

– Почему? – Настя сначала посмотрела на нее, затем недоуменно на Валю.

– Потому что я сожрала одна столько, сколько вы вдвоем. Я не предложила вам чуток от своего кусочка. Я ненавижу себя за это! – девочка заплакала.

– Ты – хорошая, успокойся. Просто, ты сильно проголодалась, мы не осуждаем тебя ни капельку. Не плачь, пожалуйста! – Настя погладила по щеке Олю.

– Спасибо вам! Мы можем идти дальше, я не буду падать больше в обморок, стану сильная, как вы.

– Нет, обождем хозяев сначала, сидите, девочки, – сказала Валя. – Чтобы не подумали, что мы украли пирожок. Никого не было дома, я взяла один, боялась, что Оля умрет раньше, чем придут. Где же они?

– Здесь – я, девочки! – из сараюшки вышла миловидная женщина с небольшим ведерком молока. – Я доила козу, слышала разговор ваш. Вы заходите в дом, накормлю вас.

На щеках женщины были видны следы слез. Она ласково смотрела на школьниц:

– Вы очень хорошие подруги, я не сомневаюсь, что вы не воровки, так нужно было для ослабевшей сестрички.

Хозяйка усадила детей за стол и стала кормить выпечкой с молоком.

– Хватит на первый раз, а то заболит живот, – сказала она, когда они съели по пирожку.

– Да, много выпало на ваше детство. А, знаете, что, девочки, оставайтесь у меня, пока не закончится война и все не уляжется вокруг. Как-нибудь прокормимся вчетвером. Я живу здесь одна. Меня зовите тетя Маша или Мария Ивановна, как вам захочется.

Валя, Настя и Оля согласились. Мария Ивановна распределила каждой обязанности по дому. Девочки по очереди водили козу Зойку на пастбище – большой луг в черте города возле протекающей речки. Они помогали хозяйке дома на небольшом приусадебном участке: пололи и поливали грядки.

Вскоре девочки забыли о голоде. Мария Ивановна ходила с детьми на вещевой рынок и придела их.

– Чтобы не бегали у меня, как на стадионе «Динамо», – пошутила женщина.

По вечерам все любили пить чай за большим столом. Хозяйка рассказывала о себе, расспрашивала девочек о их семьях.

– Так, вы из Ленинграда? – удивилась Мария Ивановна.

– Да, я и Настя родились в Ленинграде. Наши папы служили в одном полку. Их недавно перебросили на границу Белоруссии с Польшей. Перед самой войной они нас забрали к себе, – рассказала Валя. – А, Оля уже жила там.

– И, ты – тоже питерская? – повернулась к девочке женщина.

– Нет, я родилась в Калининской области. Мой папа, лейтенант Шумов, служил в городе Ржев. Его командировали в Белоруссию, я с мамой переехала к нему, познакомилась с девочками в школе, – Оля посмотрела на Валю с Настей. – Они, тетя Маша, настоящие подруги.

– Да, уж вижу, вместе держитесь, молодцы, в одиночку трудно сейчас.

Незаметно пробежала суровая зима, и наступила ранняя весна 1942 года. Девочки помогали сажать картофель Марии Ивановне, когда на их оживленный разговор заглянула на огород соседка Тося.

– Весело трудитесь, как я погляжу, молодцы, быть, значит, хорошему урожаю картошки! – воскликнула она.

– Нашей большой семье неурожай ни к чему, спасибо на добром слове! – беззаботно откликнулась тетя Маша. – Какие новости в городе, соседка?

– Новостей нет, если не считать, что началась регистрация населения, поговаривают, что будут отправлять людей в Германию на работы.

– Так в прошлом году переписывали жителей. Да, впрочем, пускай, нам не страшно, у нас на трех малолетних детей одна кормилица в доме.

– Не скажи, Мария, мой шурин служит в полиции. Он по секрету сказал, что от двенадцати до тридцати пяти лет отбирать будут женщин. Мужчин до сорока лет, но у вас их нет, бояться нечего.

Спасибо за новость, но самой старшей из моих – 11 лет, а другим еще меньше. Какая Германия для них?

– Я тебя предупредила, а тебе решать, как быть. Хотя, замечу, Вале можно больше дать лет, выглядит на все пятнадцать годиков.

– Она с виду рослая, а так ребенок еще.

– И, еще, Мария, ходят слухи, что какие-то люди ходят, ищут командирских детей, пропавших в этих краях, – соседка сказала шепотом, чтобы не услышали девочки, словно подозревала их.

– И ты думаешь, что я поселила их у себя, не сообщив властям? Я же тебе говорила, что они – мои племянницы.

– Племянницы, так, племянницы! Мне, что за дело! – уже громко и вызывающе сказала непрошенная гостья, рассматривая девочек плутоватыми глазами. – Хороший семенной картофель у тебя, соседка, а у меня погнила зимой, не знаю, чем сеять буду.

– Ну, идем, отсыплю тебе корзину картофеля для посадки.

– Вот, спасибо, у кого только не просила пару клубней до нового урожая, а ты сама предложила.

Уходя с полной корзиной картофеля, соседка заметила:

– Только говорили, что в городе мальчиков искали, а к тебе девочки прибились. Поэтому бояться нечего!

Мария Ивановна вспомнила рассказы приемных детей о походе, но решила ничего им не говорить о разговоре с соседкой.

Но потом все же рассказала тайком Насте – женщина почему-то рассчитывала на ее разум. Валя – очень прямолинейная, Оля – совсем ребенок, а Настя поймет и найдет слова, объяснит подругам, как вести, если спросят о родителях.

– Ты все поняла, Настенька? – спросила ее Мария.

– Да, не маленькие, тетя Маш, все будет хорошо.

Через неделю в дом нагрянули полицаи. Они обходили всех и переписывали молодежь, а для чего не говорили.

– Не твое дело! – нагрубил Марии Ивановне на вопрос об этом рыжий полицейский – тот самый, который встретился тогда девочкам при входе в город. – Мы – люди тоже маленькие, начальство велело, мы делаем. Ты лучше скажи, твоя племяшка – еврейка?

– С чего ты взял, Панас? Мой брат – русский, как и я, а, что волос у ребенка черный и курчавый, так в мать свою удались, – отмахнулась женщина.

– Вот, вот, а, может, мама – еврейка? – вмешался второй полицай, нахально рассматривая Валю.

– Я же вам сразу сказала! – откликнулась Настя, рассматривая тишком третьего полицейского, как две капли воды, похожего на Матвея с заимки.

– А, ты – цыц! – огрызнулся рыжий. – Сами разберемся без подсказки.

– Да, вовсе непохожа она, Панас, на еврейку. Ты быстрее заполняй бумаги и идем дальше. Дел невпроворот, а ты к соплячкам цепляешься! – поторопил третий полицейский, отворачиваясь от настороженного взгляда Насти.

– Двенадцать лет стукнуло ей? – указал хозяйке на Валю Панас.

– Одиннадцать, а другим девочкам – десять и девять годочков еще. Так что не доросли они до твоих бумажек.

– Врешь, Мария! Эту девку записываю, а других не стану, больно тощие. А эта – в соку уже, если и нет двенадцати, в чем сомневаюсь, то не беда, подрастет.

– Да, Бога побойся, Панас!

– Все, я сказал! У меня тоже свой план есть! Если каждую отмазывать буду, кого в фатерлянд отправлю?

– А, сказал, что не знаешь – куда записываешь?

– Зубы мне заговорила, вот и сорвалось. И не вздумай перечить, не на расстрел отправишь деваху, а в культурную страну, – губы полицейского расплылись в довольной улыбочке, что делал такое доброе дело. – То, то! Сама соображать должна! Значит пишу – Валентина, а как по фамилии?

– Грех берешь на душу, служивый! – вздохнула Мария Ивановна.

– Ничего, грехи, как короста, нарастут и слетят, а девка благодарить еще меня будет, когда мир посмотрит своими глазами.

Девочки о дяде Матвее решили не говорить хозяйке, чтобы не тревожить и так расстроенную посещением полицаев. Они привязались к доброй женщине за это время, еще больше подружились между собой.

Кусочек серой бумаги, которую через месяц вручил Марии посыльный немецкой комендатуры испугал ее настолько, что она долго не могла понять, для чего Вале Шумовой предписывалось явиться двадцатого июня 1942 года на место сбора в девять утра: привокзальную площадь. Повесткой предписывалось захватить с собой сменное белье, обувь и провиант на три дня.

– Может, спрятать тебя? – всплеснула руками женщина, когда до нее дошло. – Чем в неметчину отдавать!

– Не поможет это! – возразила Валя. – Дом сожгут за невыполнение распоряжения коменданта, как в соседнем селе. Вы не переживайте, тетя Маша, не одна поеду туда.

Вечером хозяйка куда-то уходила и вернулась через час совсем обеспокоенная. Она собрала девочек в доме и тихим голосом сообщила:

– Панас, вражина, записал Валю, как еврейку. Ее отправят в концлагерь со сборного пункта. Вам, девочки, нужно уходить из города, рано или поздно придут за вами.

– А, вы, тетя Маша? – спросила Настя.

– Не беспокойтесь обо мне. Я тоже скроюсь, уйду в другой город – не буду говорить куда, чтобы не искушать судьбы, а вас проведут верные люди в лес к партизанам, а оттуда доставят за линию фронта. Жаль расставаться с вами, но так будет лучше, девочки.

Валя, Настя и Оля сидели вечером с Марией Ивановной в доме, ожидая провожатого в лес. Женщина придирчиво осмотрела девочек, чтобы были одеты потеплее. Она каждую снабдила небольшой котомкой с едой и сменным бельем. Теперь сидела на стуле и прислушивалась к каждому шороху за окном.

– Ой! Совсем забыла! – вдруг вспомнила Мария и вышла в сени. Она вернулась с холщовым мешочком, набитом чем-то, и протянула его Вале.

– Там пригодится вам, – подбодрила она девочку, заметив, как она нерешительно и смущенно смотрит на мешок.

– Тетенька Маша! – глухо сказала Валя, покраснев до корней волос. – Я хлеб, который вы мне давали на обед, не весь съедала, сушила и прятала на черный день. Я очень боялась, что, если придется снова голодать, Оля с Настей не выживут.

– Я знаю, Валечка! Ты старалась не для себя, а для подружек недоедала. Поэтому я подкладывала каждый день свои кусочки, чтобы подольше хватило хлеба. Бери, он будет нужнее вам!

– Ух, ты! Какая подруга у нас! – Оля восхищенно смотрела на Валю. – Я бы никогда не догадалась даже подумать так. А она, как настоящий командир делала, заботилась о нас, когда мы все ели подчистую, сухарики сушила на случай голода. Настя, посмотри на нее! Что видишь?

– Я вижу героиню нашего времени!

– А я – святую! У нее светится нимб над головой! – Оля от восхищения вошла в словесный раж, который хладнокровно прервала Валя:

– Да, тише вы, нашли героиню, не слышно ничего от вашего глупого писка!

– Кто-то стучится в окно. Пора, девочки! – Мария направилась к двери, чтобы открыть. В дом вошел Матвей.

– Здравствуй, Мария! Готовы? – поздоровался он с хозяйкой и повернулся к школьницам. – Вот, снова увиделись. Спасибо вам, что не выдали меня, когда приходил с Панасом. Сразу прошу прощения, что не забрали вас из леса тогда, сами попали в облаву и неделю просидели под стражей. Потом наши люди ходили на заимку, искали вас, но не нашли.

Матвей, минуя немецкий пост, провел девочек к лесу, где сдал их поджидавшему Семену, который обрадовался им:

– Ну, здравствуйте, дети! Я принимаю от вас зачет ГТО первой ступени за туристический поход с проверкой туристических навыков! Значок получите после войны. Пионеры! К борьбе за дело Коммунистической партии будьте готовы!

– Всегда готовы! – не растерялись Валя, Настя и Оля, вскинув руку в пионерском приветствии над головой.

– Молодцы! – рассмеялся Матвей. – Не утратили патриотизма в лишениях.

Из партизанского отряда, куда привел школьник Семен, их отправили самолетом за линию фронта. На Большой земле девочек определили в детский дом до конца войны.

Там им сообщили, что их отцы живы и успешно бьются с врагом. Но о матерях девочек, ставших беженками в первый день войны, как и одноклассниках, ушедших в поход, не было никаких вестей. Они затерялись на территории, оккупированной фашистами.